

Роман Владислава Задорожного «Защита от дурака», написанный в 1983 году, до наступления периода гласности не имел ни малейшего шанса быть опубликованным. По сути, это была книга «для стола». Ведь все, что так или иначе проецировалось на тогдашнюю действительность, усердием околотитературных чиновников не допускалось «к народу». Но, быть может, за эти годы не только рукопись покрывалась пылью, но и ее содержание — многое ведь изменилось с тех пор, множество фактов, ранее старательно припрятываемых от масс, стали всеобщим достоянием? Нет. Ходивший в годы застоя «по рукам» любителей фантастики роман и сегодня не утратил актуальности. Иначе, впрочем, и не могло быть. Социальная фантастика, философская фантастика менее подвержены времени, чем так называемая научная фантастика, едва поспевающая (во всяком случае, пока дело обстоит именно так) чуть-чуть опережать научно-технический прогресс. Природа власти и ее реализация — вот основная тема романа, который в каком-то смысле можно назвать и романом — предупреждением обществу.

Художник Г. И. Москвитина.

© В. Задорожный
© Редакция еженедельника «Друг читателя».
© ТПО «Вариант» (г. Симферополь).

Будущего нет. Оно делается нами.
Лев Толстой.

Светило понурилось, и я понял, что мне здесь не жить. Блохе неловко на лысом месте.

С предверхней ветки (а я сижу на неохватной груше в конце огорода) я каждые сумерки на этом насесте — мне как на ладони и грязная бечевка дороги, которой дальняя роща привязана к ближней, и навсегда парующие зелено-бурые поля, горбили и овражки на месте беспамятно давно заброшенного ракетного колодца, в завалах которого так хорошо играет в припланечивание на целинном участке галактики. За спиной все прежнее, намозолившее: крупно четыре дома с прочными сараями и длиннющими огородами, поодаль краснотенный домик — будто отпрыгнул от других, а на прохудившейся крыше лежит корыто брюхом кверху — это Примечание ссорится с дождем.

Тихо, как после смерти.

Хутор на ходу спит с открытыми окнами. Бабушка и другие старушки доят коров. Мой дедушка заперся и, задернув занавески, таясь от детворы, смотрит дальнозор. Дед Плешка крадется, как мышкующий кот, к окошку бани, где балуется парком Фашка, — я и сам хотел было приладиться, да он поблизости так и шмыгал. Ребятня, небось, удит рыбу с Примечанием. А я вот — один. Только Лохматый скулит подо мной.

Нет, мне здесь не жить. Уеду. Мне уже шестнадцать ступеней. Я родился на 194 ступени после Духовной Революции — я несомненно, безвозвратно, безызъяснимо умен, я роскошно, немислимо умен, как царственно умны все жители планеты со дня Духовной Революции. Тем временем, до ближайшего хутора от рассвета до заката на телеге. Здесь бабы — рожают! И я, инкубаторский, должен сносить это варварство!..

...Это я вспоминаю.

Но в те времена я был совсем другой, я не мог видеть мир так и таким. Поэтому в тот вечер все было именно так... и совсем, совсем не так. Лишь память, как пастух стадо, сгоняет мою разрозненную во времени личность, постоянно живущую исключительно сегодня, сейчас, в некое единство, и я предстаю противоречивым целым — от младенчества до ухода в никуда. По сути дела, я всегда был и есть один и тот же, только на разных берегах. Это-то и горько. Не обстоятельства меняются — мы преобразуемся. Жизнь стоит, а мы — течем. Обстоятельства всегда неблагоприятные — даже в самые благополучные эпохи.

Оглядываясь на жизнь: перешел не поле, а засеку — нарочно непроходимую чащобу.

Временами, вспоминая, мы становимся прежними: думаем и чувствуем отбывшими свое мыслями и чувствами. Эти мгновения полного провала в прошлое (или иллюзии полного провала в прошлое) есть минуты феерического счастья для тех, чья жизнь была единым гармоничным целым, и минуты мучительной самогадливости для тех, чья жизнь была нашинкована разным, очень разным...

Часть первая

ПОЧВА

210 ступень после Д. Р.

Хуже глухих — кричащие...

Опять этот гнус крутится вокруг Примечания. Удочки держать не умеют, а лезут... Вот со мной он классную уху умеет. Ничего, все равно он со мной водится, а с ними — только так.

Светило слезает с неба — дрыхнуть. Сижу на груше. Вон Лохматый скулит вниз — возьми с него блоху, посади на лысину деда. Плешки — то-то ей придется, громче собаки заскулит. Так и я тут. Мне здесь не жить.

С ветки —дохлый пейзаж. Дедка мой закупорился в доме — на дальнозор паял. Пацанам смотреть не дает — только уроки альфа-центаврского. Соберет нас, повесит дальнозор на стенку — опять альфа-центаврский язык! Уроку баста — он дальнозор в рулончик и в шкаф — под замок. Но как от нас Агломерашку не прячь, мы кое-чего про нее петрим, а тама вон старый потаскун Плешка. Делает стойку под окошком бани Фашка — была от земли вершка два, вместо «да» еще «фа» говорила как. Вдруг приходит вечером — платьице спереди топорщится. Мальчишки заробели — любопытно. Девчонки шу-шу-шу с ней, она и ляпни: это, говорит, фанерка... Смеху-то!.. А теперь вона какие фанерки!

С груши видно дорогу. Когда на нее, видел оранжевых. Ступеней семь мне от роду. Один раз. Было! Тишина, все дрыхает — дело зимнее, полутемки, я скучаю на груше придет не мерзну. И вдруг из-за ближ. Ней рощи — несутся. Шиманы круглые, громадные. Грязносерые снега не касаются. Одна, другая, третья. А в них, как свечи в торте. У-у-у! Так это же оранжевые комбинезоны!! Я чуть с ветки не прочь бух. Красотища! Скоростища! Куда? Догонят? Схватят? Кого? Почему? А теперь вона какие фанерки Или, как обычно, впустую? Не успел очухаться — они уже за дальней рощей. Так стало одиноко ну как сейчас. Поймал соседского кота, сунул в мешок и бил об угол дома пока мешок не промок.

Ступень до этого я первый раз — лиловых! Грязь тогда. Вдруг Собака Лохматый увидел — чужие Бегу. Две шиманы. Рядом, на нашем дворе. Можно их пощупать лиловые комби-

незона. Боязно. Один без лилового комбинезона потом остался и стал Примечанием. С ним грубо другие. Всем взрослым раздали бумажки. Бабушки и дедки писали чего-то. Потом лиловые унеслись и все. Мало.

Второй раз через пять ступеней. Они каждые пять ступеней объезжают всю Аграрку. Для порядка. Дурака ищут. Снова две шиманы. Мне одиннадцать. Уже смелее. Стоят, разговаривают — как простые. А мы в них играем! До заикливого учителя играли в космонавтов, потом — только в воителей. В лиловых. В оранжевых нельзя — это такие, такие! Мы, козявки, не смеем в них даже играть. Попробовали — так я запрети! Я сильнее и старше всех. Они — гнус. Отбегут и орут: «Пискун, жрун — на голове типун!». Когда в охоту за Дураком играем, всегда за мной бегали. Сколько я другим просился — нет, говорят, ты болван, тебе и убегать. Сцепишь зубы — раз уйдешь, раз согласишься. А то один да один Надоело.

Когда второй раз лиловые. Опять раздали бумажки старшим, те опять то-чего написали и отдали. Вижу — уедут! К ним:

— Дяденьки, возьмите с собой! Пожалуйста!

Оглядываются. Хохочут. Один — усатый:

— Куда, пискля?

— Я тоже хочу Дурака ловить! — Аж шатаюсь, дрожу. Но тут усатый вдруг конец смеяться, впился глазами:

— Сильно Его не любишь?

Я оскалился. Брызг из глаз — от злости.

— Ого! — говорит усатый. — У парнишки большое будущее.

Обступили. Вопросы спрашивают. Кто родители? Почему я в Аграрке? Какие игры играют агломерашки? Как взрослые отзываются о коцинепции Защиты От Дурака? О чем болтает агломерат в домике на отшибе?

Я все как есть. И про бабушку гогочут над Агломерашкой, где жрут синтетическую пищу, и про дедушку Плешка за девочками подглядывает, и про каким сортирным словом мой дедка называл коцинепцию ЗОД. А про Примечание молчок. Он мне удочки подарил и сеть обещал.

Лица лиловых затучились — щурятся на моего хрыча. Усатый другому чего-то тихо. Тот: Нет, старый по тестам проходит.

Дедка, как мел, шапку мнет. Вдруг храбро:

— Берите малого с собой. Не пожалеете. Растет на вашу потребу полный кретин. Уж коли этот не Он, то не знаю, какого рожна вам надо!

Усатый как глянет — ноздри, как у Лохматого, на птицу. Дедка ступнул назад.

— Ну, старикан, — говорит усатый, — благодари внучка, хорош у тебя, а то бы... Ты, пацан, его не слушай. Придет время, мы и тебя прощупаем, от нас не уйдешь. Но будет желание — приходи служить к нам, когда подрастешь. — И меня ласково по затылку. Слов бы знать, — чтобы как душа расцвела! Как когда первую ложку меда!

Я долой с груди Лохматый — куш! К дому.

Облака, как Фашка, когда я смотрю и смотрю на нее — мутно-серые, а красный сквозит. Обычное серое лицо Фашки умеет чего никто: красный сквозит на тугих щеках. Глаза у нее каких ни у кого: птичьи, круглые, вроде бы серые, но не серые. В поселке только у нее, да у дедки, да у Примечания такие глаза. У всех серые, а у них как бы серые, но вроде бы и серые.

— Деда! — с порога. — Я поеду в Агломерашку.

Бабушка за сердце. Дедка сурово: Исподлобья:

— Ну, бабушка, настало время. Созрел пацан, теперь не удержишь... Одно, Бажан, хочу сказать: твои отец-мать просили, чтобы ты навеки остался в Аграрке. Стало быть, решай.

— Еду! Чего они меня отшвырнули! Их спрошу! Я их не видел даже! Отец-мать называются!

— Стало быть, завтра и поедешь?

— А хоть завтра.

Я думал: они крик, они палкой по голове. Нет. Выходит: любили, любили, а теперь — катись?

В Агломерашке только однажды. На краешке. Дедки повезли на телегах арбузы. Я тайком завалил себя на дне. Едем. На ухабах хуже некуда. Мой дедка говорит Плешке: «Славные нынче арбузы, пусть агломераты полакомятся, небось наскучила синтетика.»

Приехали. Дедки пошли брать на складе всякие вещи для хозяйства, а я вылез. Гляжу: большой зал и ряды огромных ящиков с паучьими лапами, лампочки мигают, а кнопок, кнопок! Из агломератов — один в рабочем комбинезоне. Распрягает наших лошадок и отводит в сторону. Вдруг науки как схватят телеги — только колеса мелькнули и долой прочь в другой зал. Я за ними — любопытно. Работник заметил — Стой, аграриям запрещено! Но я уже там. Тут поверху ним как хлопснет — сок фонтанами в желоба и долой — в трубы вон. От арбузов кубик жмыха. Другой паук с ковшом — засыпал землей и утрамбовал.

Как же? Они ведь на лакомство! Я взревнул от везапа. Если который когда этот, тогда как? Работник ко мне — мчит. Я в него, бьюсь: гад, гад! — Пусти, олух, процесс утилизации аграрий не должен видеть! Я вырвался. Если кото-

рый когда как этот, тогда как? Быстро на пост! Тут Дурак! Вскочил. И точно: скоро серая пирамида — пост ЗОД. В Аграрке один пост на всю Зону, а в Агломерашке они на каждом шагу. Вбегаю. Сидит лиловый, смотрит ласкатель.

— Дяденька, там Дурак!

Он пружиной, ласкатель в карман: — Где? Кто?

— Мы арбузы привезли, растили их много проб, а он их на свалку!

Воитель обратно садится.

— Тебе сколько?

— Двенадцать.

— Остынь. Успеешь еще Дурака половить. А тот дяденька действует законно — нам от вонючей Аграрки ничего не нужно. Ты, агломераш, лучше не говори старшим, что видел. Впрочем, тебе не поверят.

Я здоровски струхнул в ту поездку с арбузами: значит, в жизни есть вещи, которых понять нельзя, есть мудрость выше моей, агломераты еще умней меня. Сейчас-то знаю: зеленый был, не допер тонкости. Если что теперь, так иначе — нынче я образованный. Я прочел «Послание Победившего Разума». Как мне тринадцать, тут праздник. Староста собрал взрослых, ребят и давай нас — меня и еще одного пацана — во взрослые. Цветы, песни, танцы, — что надо. Потом вручил мне пакет, а на нем мое имя, и говорит: наедине с собой один вскроешь. И второму пацану такой же пакет.

Прихожу к наедине, разорвал пакет. Там несколько страничек. А читать умею. Нас две пробы учили перед Праздником.

Агломераш!

К тебе обращается Победивший Разум.

Сегодня ты удостоен чести приобщиться к условиям победившего разума и к той колоссальной гениальной системе ЗАЩИТЫ ОТ ДУРАКА, которая охраняет несчетные грандиозные завоевания Разума. Прочитав эти странички, вызубри их наизусть — и уничтожь. То, что здесь написано, предназначено только тебе. Если ты не запомнишь всего дословно или если эти странички попадут в руки Дурака, то Защита не обещает тебе ни жизни, ни счастья, ни спокойствия.

Агломераш!

Очень давно, три пролета назад — триста ступеней назад, достигнув небывалого уровня технического и технологического развития, наше общество столкнулось с непреодолимыми трудностями. Бытие духовное до такой степени отстало от бы-

тия материального, что каждый член общества и все оно в целом оказались на грани катастрофы. Между массой знаний и опыта, накопленных нашей цивилизацией, и глупостью большинства ее представителей расширилась пропасть, которая становилась все чудовищней по мере старения цивилизации. Глупость стала разрастаться на бескрайних полях ни с чем не сравнимого прогресса и материального изобилия, приводя к неисчислимым бедам. Если прежде последствия глупости были локальны, то теперь мелкая глупость угрожала благополучию всей планеты. И тогда ученым удалось изобрести препарат против глупости. Вакцину стали немедленно вводить всем жителям планеты, которые оставались живы в то смутное время. Началось строительство Агломерации — местожительства будущих разумных существ. Агломерация состояла из жилого ядра и промышленных окраин. Аграрная зона была создана позже как внешнее кольцо для элементов общества, не прижившихся или нежелательных в Агломерации. Еще позже возникло уродливое Охвостье — внутренняя рана Агломерации.

Агломерация с самого начала была задумана и сооружена как единый комплекс систем Защиты От Дурака.

Ты, агломераш, наверно, решил, что мы создали самое счастливое во Вселенной общество? Да, это почти правда. Но трагедия в том, что ученые, которые изобрели вакцину против глупости, предупредили нас: раз в сто ступеней при данной постоянной численности населения среди многомиллионного населения будет появляться один Дурак. И этот Дурак способен совершить непоправимые преступления — вплоть до уничтожения всего общества, ибо его сила будет особенно велика, потому что глупость, обычно рассеянная по всем агломератам, будет сконцентрирована в нем одном, и Он нападет на тех, кто никогда не сталкивался с глупостью. Тогда, по предложению Предтечи (руководителя планеты в то время), была разработана система ЗОД. Она пронизывает все общество, не дает состояться ни одному глупому поступку. Она нацелена на выявление и обуздание Дурака. Дурак будет пойман в момент, когда попытается сделать свою первую глупость. Члены общества находятся в полной безопасности.

Жители Агломерации, их общественная и личная жизнь, их имущество, все средства и даже способы потребления надежнейшим образом защищены от глупого, несуразного, не продуманного, случайного поведения Дурака. Для этого: — все орудия производства являются простыми, безопас-

ными, огражденными от неосторожного или неумелого обращения;

— в связи с этим большая часть труда передана автоматам, в автоматы, в свою очередь, защищены тройной системой перестраховки от неправильного обращения с ними;

— улицы Агломерации, здания, все помещения, все замкнутые пространства, все шиманы находятся под контролем тысяч и тысяч систем и подсистем, дающих возможность не допустить или парализовать деятельность Дурака;

— все разомкнутые пространства круглосуточно патрулируются лиловыми воителями, специальной службой, занятой поисками Дурака;

— лиловая служба контролируется оранжевой службой, которая отвечает также за безошибочное и бесперебойное функционирование всех систем ЗОД;

— оранжевая служба контролируется выборными 999 президентами, которые контролируются всеми жителями Агло;

— все контролируют всех и следят за всеми; ни одно решение не может быть принято менее чем тремя жителями Агло; ни одно действие в общественной жизни или на производстве не может выполняться, кроме как при участии или с согласия нескольких агломератов (желательно более трех);

— в частной жизни допускаются бесконтрольные действия только в тех случаях, когда вмешательство посторонних представляется невозможным или оскорбительным для достоинства заинтересованных агломератов;

— средством выявления Дурака является периодическое тестирование жителей Агло и Аграрной Зоны, а также их взаимная, не прекращающаяся проверка, ибо в скорейшем выявлении Дурака заинтересованы все и каждый. Эти меры не гарантируют обнаружения Его, но способствуют случайному выявлению;

— лица, заподозренные в глупости, в нарушении одного из условий Победившего Разума, направляются на Г Л У Б О К И Й А Н А Л И З. Г/А — это комплекс биологического вмешательства в сущность живого существа с целью стопроцентного выяснения, не Дурак ли оно. К глубокому сожалению, Г/А нарушает работу организма необратимо, и подвергшийся живет ровно вдвое меньше обычного. Если обычный агломерат проживает 80 ступеней и становится агломеруном, стремительно дряхлея лишь в последние недели жизни, то после Г/А продолжительность жизни составляет 40 ступеней, и агломерат теряет большую часть своих способностей;

— любой житель Агло может направить на Г/А любого жителя, заподозренного им в глупости; преимущественное пра-

во на это у лилово-оранжевых воителей; посылка на Г/А без серьезных оснований является не ошибкой, но уголовным преступлением, которое трактуется как превышение усердия, что заслуживает снисхождения, а поэтому наказывается строгим выговором.

Ни один агломерат, кроме Дурака, не может совершить глупость. Чтобы он ни делал, все несет печать ума. Стоит ему попытаться совершить глупость, как ЗОД поднимет тревогу и остановит его таким образом, а в Агло осуществлена полная свобода, ибо несвобода есть средство предупреждать глупые поступки. За неимением таковых поступков, нет нужды и в несвободе, власти и государстве. 999 президентов лишь координируют производственную деятельность миллионов работников.

Наш девиз — «ни одной кнопки, которую может бесконтрольно нажать Он!» Под кнопкой имеется в виду все разнообразие жизненных явлений. Мы не можем допустить, чтобы Он нажал Черную Кнопку мгновенного отключения Координатора — гигантской системы, создающей климат на планете после того, как накануне Духовной Революции была полностью уничтожена атмосфера. Но в равной степени мы не можем допустить, чтобы Он испортил механизм любого прибора, хотя бы и кофемолки, или причинил вред или нанес убытки обществу, другому живому существу, самому себе или своему здоровью. Не можем допустить, чтобы Дурак поправ святое, потакал низменному и так далее.

Если раньше нескольким умным агломератам доводилось вести борьбу с бесчисленным множеством дураков, то теперь наоборот — море умных ополчилось на каплю: единственного Дурака.

Как это ни прискорбно, появление Дурака раз в сто ступеней — явление статистическое, и поэтому возможно прожить и сто, и двести, и даже больше ступеней без появления Дурака (как нам повезло жить до сих пор со дня Духовной Революции, то есть с момента последней прививки последнему агломерату), но потом он неизбежно появится, а значит, мы не имеем права расслабляться ни на одну ступень. За ликвидацией одного Дурака может последовать по теории вероятности неожиданно скорое появление следующего и уж только потом — целые пробы спокойной жизни.

Запомни правила для ежечасной жизни.

Если агломерат ошибся и понял свою ошибку или ему указали на его ошибку, то он должен немедленно признать свою неправоту и произнести: «Вина моя и только моя, воистину ви-

на». В противном случае его следует направить на Г/А. Дурак никогда не признает своей ошибки.

Каждый отрезок от рассвета до рассвета — это лишь попытка принести как можно больше пользы обществу. Пятьдесят попыток складываются в пробу стать лучше, умнее и полезнее. Десять проб, или пятьсот попыток, образуют ступень, на которую агломерат и все общество поднимаются в результате своих усилий. Сто ступеней складываются в пролет лестницы к совершенству. Это и есть лестница в будущее. Ты проживешь 80 ступеней (если не попадешь на Г/А). Из агломераша ты превратишься в агломера, потом в агломерата, а за несколько недель до переставания быть — в агломеруна, и твоя голова станет черной от старости. Твое детство, юность, зрелость и короткая старость должны пройти в лояльности, в подчинении установлениям Защиты, и тогда твоя жизнь сложится счастливо, а твое спокойствие будет незыблемо.

Если ты станешь нарушать семь условий Победившего Разума, тебя ждет Г/А. Если ты станешь сомневаться хоть в чем-нибудь, то тебя ожидает позорное изгнание в Аграрную Зону. Лишь твои дети смогут вернуться в Агломерацию.

Агломераш! Запомни это назубок. Вряд ли ты сейчас поймешь даже половину послания. Но рано или поздно ты поймешь и одобришь все. Жизнь в Агло, — куда ты несомненно переедешь, ибо Аграрная Зона — это место прозябания, там нет даже ЗОД и жители брошены на произвол Дурака, — пояснит тебе то, что ты недопоймешь.

Для того, чтобы ты был лично вооружен против Дурака, ты должен пройти курс самообороны против Дурака, как только переедешь жить в Агломерацию — вершину, предел достижимого Победившим Разумом.

А пока мы открываем тебе три «экстренных выхода» — три средства защиты, которые кроме тебя будут принадлежать еще трем-четырем агломератам во всей Агло (что включает статистически ваше столкновение). Твои «экинвы»:

1. В обуви каждого жителя Агло на левой туфле справа есть выступ, ударив по которому дважды, ты парализуешь хозяина ударом тока на четыре дольки времени.

2. В любой шимане слева от Напоминающего Времени есть треугольник, после нажатия на который все внутреннее пространство наполняется газом, скрывая все от глаз. Через три дольки времени шимана распадается на куски.

3. В любом помещении есть «темная горошина», тронув которую, ты включишь автоматическую оборону от Дурака.

Эти экинвы ты, в своих же интересах, не должен никому открывать».

Хочу в Агло. А то тут скучища. Ближайший хутор целую попытку на телеге трястись. Я в Агло не пропаду. Я грамотный. Перед Праздником наезжал учитель — заикистый такой.

Мы его бы крысу за воротник, но удивил — и полюбили. На первом же уроке читал букварь да как вдруг вскочит, как заорет, забрызжет слюной, глаза дурные, как у навалерьяненного кота:

— Первое условие Победившего Разума гениально! Глубже и высокоумнее ничего человек не производил! Так, агломераши! Именно так! Слушайте первые и остальные условия — куда тянешься, скот! — запомните этот момент вашей жизни, потому что отребье, которое вы называете своими родителями и родственниками, наверняка скрыло от вас великие истины, провозглашенные Предтечей! — Ты, носастый, еще раз вякнешь, знаешь, что будет? Внемлите условиям Победившего Разума, по которым мы будем учиться грамоте:

1.

Вы несомненно, безвозвратно, безызынно умны.

2.

Прежде поступка — «зачем?» и «к чему приведет?».

3.

Если «зачем?» смутно, поступок не рождается.

4.

Если «к чему приведет?» смутно, поступок не рождается.

5.

Соккрытие ошибки страшнее наказания за него.

6.

Невнимание к чужой ошибке — ошибка.

7.

Не отвечает этим условиям только одно живое существо — Дурак.

Тут он упал на стул и несколько долек времени отдыхал. Потом говорит:

— Вот ваша азбука, другой не надо.

Семь условий мы зубрили из попытки в попытку, пока они не стали сниться. В моем прошлом меня смущало одно: что я не сказал лиловым о крамольных речах Примечания.

Это тягчайшая ошибка, которая страшнее наказания? Но он был так ласков со мной, болтал, никто, кроме него, не дарил мне удочек и не обещал сеть... в будущем нужно быть более жестоким.

Возле ближней рощи, поодаль от поселка, стоит заброшенный было красный домик. Его когда-то спроворил покойный Бирюк — лишь бы не жить рядом с другими, а теперь там живет Примечание. Меня всегда оторопь берет, когда я начинаю связно выражать свои мысли. Это редко случается. Не знаю, почему Примечание называли Примечанием. А теперь вона какие фанерки. Но он классный, хотя мерзавец. У меня есть старший брат, но его я никогда не видел, как и сестренку. Брат родился и вырос в Агло, дедка на все мои расспросы тяжело вздыхает и молчит. Почему Примечанию прилепили эту кличку, не знаю, он — что надо, но пилит сук под собой. Бабка говорит, что он проходимец — пилит сук под собой. Дедка вполголоса о нем: «Шут его знает, может он и нонфуист». Они ссорятся, но как-то ласково ссорятся. Всякий раз, когда мы режем свинью, дедка отбирает связку колбас: «Пискун, снеси-ка Примечанию.» Бабка ворчит. Дедка толкает меня в спину: «Иди... Надо уважать — агломерат бесхозный... Вдруг он нонфуист. Чужая душа — потемки.» Бабка смягчает: «Может, и впрямь нонфуист, кто знает. Беги, Пискун.»

Примечание — особняком. Красный домик. Ветхий, крыша протекает, он взял да и прикрыл корытом. Переспорил дождь. Мы с ним часто рыбу. Он меня по голове, как бабка:

— Ты славный агломераш. Сметливым тебя не назовешь, но есть что-то в тебе... Ты злой, подлый, тупой, и все-таки...

После Праздника позвал к себе. Говорит: прочел? — Да.

— То, что там написано, агломераш, вовсе не... как бы это...вообщем, не совсем... Словом, ты лучше то не запоминай, а запомни, как я тебе расскажу.

И давай рассказывать. Час, два. Задремал я. Он такую чушь порет. Проснулся. Гля: он плачет, рассказывает, не видит, что я дрыхну, и плачет. Ну, я ему спасибо. А потом вышел от него, набрал камней и все окна перебил. Пусть знает, как разные слова про Послание Разума говорить!

Через неделю на рыбалку. Примечание не догадался, кто окна. Я вдруг расскажи про то, как хотел, чтобы я запомнил. Он давай. Ну я его незаметно в воду пхнул. Вылез — мокрый. То-то. Вона, какие у нее фанерки. А в баньке-то — ну так у меня в кишках и загудело. Во фанерки — да! Он с тех пор часто мне

свою чушь порол. А я ему взамен подлянки делал, иногда прямо, чтобы он видел, как я его разговоры презираю.

А глаза у него чудные. Несерые вроде бы. У всех серые, а у него плывут и выбегает Лохматый, а сам почесывается и ласкатель в трубочку фанерки Ради глаз и ходил к нему. У Фашки вот такие же. Птичьи, круглые. И груди круглые. Фа-а-ашка! Построить без роздыху обормот болото глазищи проход банька несерые...

— Они просто не понимают, — говорит Примечание, — хуже чем не понимают — не понимают, а воображают и делают вид, что понимают!

Это он об Агло. Свинья.

Свинью в тот день зарезали. Ступень тому. Фашка по грибы. Одна, я подсмотрел.

«Не надо, — кричит, — не надо! Не трогай!» А я ее на опушке. Лукошко смяли. «Я тебя не люблю!» А я ей раз, раз по лицу. Смотрю — кровь. Кровь — не кровь. У всех серая, а у нее сквозит красным. В траву вжал. «Больно». Тебя бы в мешок — и об столб, а то — «больно!».

— Подонок! Пу-пусти!.. А-а!..

(Самое обидное чего ради старался бил царапал рвал валил никакого в этом удовольствия просто долька времени да и все чего она не хотела такой пустяк и ничего в нем приятного).

На следующий вечер Фашка внезапно собралась и уехала в Агло. Никому про меня. Молодчина. Фашка в Агло. В Агло Фашка.

Без нее стало никак. Примечанию сказал про то как Фашка: «Больно!», — а он мне по лицу. Я ему за это удочку поломал.

— Фашка тебе долго не простится, — проорал Примечание. — Ты, видно, и впрямь дрянь, ошибся я в тебе, в тебе ни гра...

Как-то иначе ко мне с тех пор. Будто чужой. Здесь бабы — рожают. Надоело. В Агло — буду!

Бабка ершится: мол, ленивый. Я не ленивый, но поспать люблю. Бывает, позавтракаю — посплю, пообедая — опять спать, вечером поплещешься в реке — и на боковую. Рыбу удить — это не только поймать на уху, это еще смотреть на то, как течет река. Дедка говорит. Благодать! Дедка попрекает, что за троих жру. Так ведь расту. Когда растешь — жретя за троих. А еще очень интересно залезть на крышу и пописать в трубу, когда оттуда дым валит. Бабку жаль. Когда я маленький, сидела у постели, слышу в первосне:

— ... и вот отправились они по свету. Дурака искать. Пришли они на планету, имя которой...

Сказки рассказывала... Жаль без бабки. Баюшки-баю, спи, а не то забредет Дурак — заберет и съест. Ой, ба, а Он какой? Лица Его никто не вызывал, а рассказывают, будто звериная у Него голова и ходит Он с длинным-предлинным ножом, а коли в космос сунется, так летит быстрее света. Обгонит, случается, свет и ну не пускать его вперед. Вот тогда ночь и происходит. А светило — один Его глаз, оранжевый. А луна — другой, лиловый глаз. И день и ночь на планету нашу глядит, высматривает, где бы злое дело сделать. А где Его третий глаз, ба? А третий глаз спит сном вечным, третий глаз — глас разума, он-то и дремлет без просыпу...

В детстве я отправился без спроса путешествовать. Шел полпопытки. Леса, поля, ручьи, речушки. Вдруг из леса на поляну — стоп.

Зеленое кончилось и дальше без конца — черное. Ни живого. Ни травинки. Бабка: это край Аграрки. Дальше пусто. Пустица. Это прежде мы жили по всей планете, а нынче занимаем чуть-чуть. Вверх полезли, на других планетах будто слаще... Вернулся быстрехонько домой — дрожу. Пустица!

* * *

Лошадь незнамо как, незнамо когда испачкала хвост в грязи. Поигрывает своей рыже-черной метлой. Брызги в лицо — дедке и мне.

— У-у, рыжая! — добродушно дедка. — Размахалась! Вот огрею!

Тронул кнут, скосил на меня:

— Чего пригорюнился? Али в Агломарашку раздумал?

Лошадь неловко копытами по грязи. Лужи чавкают. И льет, льет. Телега скрипит и переваливается. Опять хвостом зашевелила! Разыгралась! Но-но-но!

Дедка — в смех, я — с лица грязь.

— Тпру-у! Приехали. Стой-кась, рыжая.

— Куда же мне слезть? Сухого места нет.

— Куда слезешь, туда и слезай. — Вертит в руках кнут. Еще огреет, ну его. — Стало быть, навсегда?

Я спрыгнул в грязь. Злой.

— Дай хоть поцелую, — вдруг дедка. — Брату, несмотря ни на что, привет передай. И родителей не обижай, они у тебя славные — так и знай.

Он «но-о» на лошадь: взмахнула рыже-черным веником, сделала полукруг и поплелась обратно по проселку.

Слезы — долой. Вот она. Поднимаю глаза — вот! Агломерация!

* * *

Сердце — лист в бурю. Желтый: сильно дунет — сорвется. Иду: подо мной дрожат — назад. Предчувствие, радость — вперед!

По глазам хлыстом: цвет. Длинная прямая граница. Здесь: зеленое, рыжее, красное (радуга!), желтые дороги и так, и сяк вокруг холмов, дождь шпарит, грязь — черная — хлюпает. Там: ровное без конца, очень по-разному серое, прямые дороги серые, громадные, без окон, прямоугольные (смотришь на крышу — шапка падает), ровными линиями один за другим без конца и дороги между ними без конца — уродливо, прямо, серо. Горе, хочу домой. Дедушка!

Надо с разбегу, дыханье в кулак. В ледяную. С головой. Сам хотел.

Пирамида. Серые грязные буквицы: «ПЕРЕВАЛОЧНЫЙ ПУНКТ. СЛУЖБА ЗАЩИТЫ ОТ ДУРАКА.» Вхожу.

удивительно: весь металлический. Один. Ни агломерата.

— Здравствуй...

— Добрый день. — Голос никакой. Не металлический, не бабушкин, не Лохматого. И все-таки — свой, наш. — Предъявите ваш пупок.

— Пупок?

Страх. К чему бы это? Предъявляю.

— Очень хорошо. А зубы вы чистите?

— Нет.

— Очень хорошо. Но впредь обязательно чистить. Вы признаны достойным проживать в Агломерации. Противопоказаний нет. Следующий.

За мной пусто. Спрашиваю (уже успокоился):

— А где же дождь?

— Деревенщина! — говорит металлический (ты смотри, болтун). — В Агло, парень, не бывает осадков. Зачем? У нас нет всей вашей мерзости: деревьев, трав, зверей. А над планетой давным-давно смонтирован климатический купол — это из-за него светило кажется оранжевым, а луна — лиловой. Аборигены Аграрки любят дождь и снег, поэтому мы для вас, дикарей, периодически устраиваем дождь или снег. Три попытки в ступень снег идет и над Агло — для увеселения жителей... Но ты запомни, с этого момента ты больше не имеешь никакого отношения к Аграрной Зоне, ты — агломерат, и путь обратно тебе заказан... Разве что провинишься, и тебя вышлют, как когда-то выслали твоих родителей или родителей твоих родителей.

Я по приказу снимаю с себя все пестрое и надеваю серый комбинезон. Робот сажает меня в одну из пустых шиман — ряд их

неподалеку от пирамиды. Теперь это навсегда моя шимана. Называю город, где родители. Шимана вперед. (Примечание: — что в Агло все шиманы мозговитые) замираю: до того приятно Скорость, что надо брызжейка .

. Добрый день.

Кто это? Я один в шимане. Голос похож на робота, который изучал мой пупок. «Давайте познакомимся. Я — кучер вашей шиманы. Моя функция — защищать вас от Него. Для этого шимана имеет 811 систем блокировки действий Дурака и 328 систем сопротивления. Из них вы можете пользоваться соответственно четыреста двумя и двести одной. Их описание в сборнике на панели управления. Советую выбрать пару десятков на свой вкус — больше запомнить затруднительно. Те системы, секрет которых вам не доверен, предоставлены в мое распоряжение против вас, если вы, извините за предположение, окажетесь Дураком. Шимана работает в двух режимах: произвольном и автоматическом. Можете набрать на пульте любой удобный маршрут — хоть на попытку вперед, и он будет в точности пройден в А-режиме. Максимально допустимую скорость превысить невозможно — я слежу за этим. Шимана может находиться в открытом, закрытом и непроницаемом состояниях — по вашему усмотрению. Помните, скорость патрульных шиман выше вашей. Пожалуй, все.»

Потрясно. Я в шимане не один. Заговорил с ней... или с ним. Молчит. Не из болтливых. Взял описание систем — не разбери-бери, а надо. Вокруг. Скорость — ух...

Кругом:

— серые громадины закончились, это, я знаю, были производства — Околесица;

— после Околесицы внутреннее кольцо — города сплошняком, серые громадные ящики домов, в половину меньше производств, тоже без окон, стоят густо;

— улицы — прямые — конца не видно, до того кольцо огромное, что закругления опоясывающих улиц не заметны, толпы шиман во все стороны, без задержки, ныряя друг под друга по мостам и развязкам;

— тротуары выше роста агломерата, шиманы, словно в яме, никаких ступенек, чтобы подняться с проезжей, зато из шиманы прямо ступаешь на тротуар — вдоль него перила с калитками, мостики между сторонами улиц поверх траншей: для шиман;

— поразительно одинаково: улица за улицей, все серое, все-все предметы, все-все окружающее;

— оранжевое родное светило.

Толпы:

— какое разнообразие оттенков серого цвета, все в комбинезонах, но разного покроя и разного серого;

— яркими пятнами лиловые и оранжевые воители, пирамиды ЗОД;

— на спинах прохожих — многих — броско-серые надписи:

МЫ — НЕ ДУРАКИ (самая частая)

ДОВЕРЯЮ ЗОД

БОЮСЬ, НО НАДЕЮСЬ

НЕ ТРОНЬ МЕНЯ, Я ХОРОШИЙ

ЧТУ

Я ТАКОЙ ЖЕ, КАК ВСЕ

Я НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ

ПОЕХАЛИ К ТЕБЕ (изредка у агломератов на спинах)

ХОЧЕШЬ? (у агломер, часто)

ХОЧУ! (у агломеров, частенько)

ПРИВЕТ СЕМЬЕ

Эти надписи самые частые, но есть и совсем непонятные, которые не повторяются. Я специально приказал кучеру по-медленнее, чтобы рассмотреть. Между зданиями — много — высоченные толстенные палки. На них навешаны блекло-серые треугольники и квадраты. «Чего это?» Кучер: «Деревья.»

— Разве деревья такие?

— В Агло нет природы, есть только ее символы. Это символы деревьев. Треугольники — листья, квадраты — птички.

— А крапчатый асфальт — символ травы, да? — догадался я.

★ ★ ★

Шимана стоп. Дом. Как другие. По передку здания ползет коробка — и пых-пых краской. Серая, свежая. Опрятно.

Захожу. Дверь широкая. В нос — дрянь. На лестнице помой. Мочой. Стены — ну и ну. Их бы покрасить. Ступеньки битые. Перила трясутся. Лифт, слышал — должен быть подъемник, лифт. Створки щербатые. Ну его. Пешком. Седьмой. Звонок.

Дверь. О! Ширинища и вся из непробиваемого материала. Надежно. Незнакомый мужчина. За ним в сенях незнакомая женщина.

— Бажаны? — говорю.

— Да. А вы кто?

— Мамочка, — ору и в слезы. Они — ох. И пошло.

После телячьих я наотмашь:

— Хочу знать, затем приехал: почему меня в Аграрку?

Почему я рос с дедкой и бабкой, а не с вами?

Отец угрюмничает. Мать губы — кус. Но я жду.

— Хорошо, — наконец, мать, слезы вытирает. — Сначала все шло нормально. После Инкубатора ты ... вы росли таким веселым агломерашем, и мы ждали ваших первых шагов. Но вы продолжали ползать. Сверстники уже бегали, а вы... Они стали произносить первые слова, а вы упорно молчали... Наконец вы забегали и заговорили. Мы на время успокоились. И вдруг стали замечать, что вы несете какую-то чушь. Мы испугались: а вдруг именно вы!..

— Что «именно я»?

— Именно вы!.. — повторила мать. Голос — рваный. — Если бы это оказалось правдой, то в Агло вам бы не выжить. ЗОД тысячеглаза и хитра... Тогда мы отправили вас к бабушке. Мы надеялись, что вы останетесь в Аграрке на всю жизнь — там ведь нет ЗОДа, а тесты пустая формальность, которая ничего почти не выявляет.

— Бажан, — перебил ее отец, — теперь, когда вы преодолели тесты, когда меньше вероятности, что вы — это Он, теперь легко осудить нас, но двенадцать ступеней назад ничего не было ясно. Мы испугались и попытались спасти вас. Простите нас и поймите.

— Никто из нас не может сказать, что он — не Он, — сказал я, хмурясь. — До того момента, пока не пройдет Г/А.

— Но Г/А означает: уполовиненная жизнь, жизнь — вдвое короче, — сказал отец.

— В Аграрке много сирот, — сказал я, — одни у родственников, другие у незнакомых... И все — как я?

— Очевидно, — мать горестно, — знали бы вы, как страшно, когда ребенок мелет вздор. Детям свойственно говорить странные вещи, но когда думаешь о Г/А, любую естественную вещь принимаешь за кошмар... Вы простили нас?

— Нет. Мне кажется, это великий поступок — найти и обезвредить Его. Пусть Он твой сын, — тем больше шансов разоблачить Его. Я вас не понимаю.

— Вырастешь — поймешь, — со вздохом говорит отец.

— Никогда. Я бы приказал жене сдать в Инкубатор десяток детей, только бы среди них оказался Дурак, чтобы потом истребить Его.

— Я бы сказал, что вы дурак, если бы у нас в это слово не вкладывался такой пугающий смысл, — говорит отец.

— Что? — я от ярости — в вой.

— Я ошибся и извиняюсь, — спешит отец. — Вина моя и только моя, воистину вина... Познакомься с сестренкой. Зайчи, беги сюда!

Смотрю — кроха. Сестричка. Смех да и только. Красивенькая.

* * *

Ночью проснулся. Жрать. Еще с вечера затаил: не наелся за ужином. К холодильнику. Вкусно: еще и еще — приятно. Еще и еще.

Как вдруг — плохо! Так плохо! Едва добежал до раковины. Думал конец. Тут отец вышел — смеется.

— Бажан, забыл предупредить: Защита не позволяет нам много есть, полнеть, накапливать всякую дрянь в организме и наживать сотню болячек из-за неводержанности в пище. Во все продукты добавляют капельку рвотного. Пока агломерат ест в пределах нормы, он не испытывает дурноты, а лекарство безвредное и легко выводится из организма. Но если агломерат переест, то количество лекарства превысит допустимую норму — и рвотное начинает действовать. Остроумно, да?

Я хриплю в ответ. Произнести хоть слово — внутренности вывалятся. А мне хотелось спросить: откуда тысячи толстяков на улицах. Отец пошел было из кухни. Вдруг возвращается и тихо, подмигивая, говорит:

— Не огорчайся. Тут, как и везде, есть лазейка. За один раз нельзя всласть наестся — ну и ладно, смиришься. Зато можно есть хоть по тридцать раз в попытку — понемногу, и съесть в десять раз больше нормы!

— Усек.

— Фу, какой у вас в Аграрке грубый язык!

На следующее утро отец предупреждает, уходя на работу:

— Продуктов в доме полно, так ты сразу не ешь, а каждый час наедайся до первых неприятных ощущений.

— Но ведь это обман. Гениальная ЗОД охраняет агломерата от нанесения вреда самому себе, а мы ее душим! Отец, ты говоришь что-то не то!

— Вина моя и только моя, воистину вина, — тараторит отец. Похоже, он держит эту фразу наготове, не вкладывая в нее никакого раскаяния.

— Папа, а не пройти ли тебе Г/А?

— Я... я приятно поражен твоим простодушным предложением, — его лицо становится прозрачно-серым, — верю, что ты от чистого сердца... но я не чувствую еще острой необходимости... Ты не принимай моих шуток всерьез. — Он вроде пятится к двери.

— Отец, где ты приносишь пользу обществу?

— Я... Я работаю на машиностроительном производстве — полпопытки, а еще полпопытки заседаю в городской комиссии по нравственности. А вот насчет пользы... не знаю. Пока Его не поймали, нет никакого стимула хорошо работать. На-

ломаешь спину, а Он придет — и все разрушит. Так что мы там у себя не особенно перетруждаемся.

— Странно. Нужно наоборот укреплять Агло, чтобы она устояла против любого натиска Дурака.

— Погоди, поживешь тут с мое — руки опустятся.

— А где я буду приносить пользу обществу?

— Работать, то есть? На производстве стройматериалов, я подыскал тебе место.

* * *

Слоняюсь по квартире. Куча кнопок. Домашний робот копошится — прибирается. Ленивый, хуже дедки Плешки. Чуть я в другую комнату, он к стене привалится — энергию экономит. Зайчи в школе. Они тут все по пятнадцать ступеней учатся. И чего они там учат, когда я всю науку за две пробы усвоил.

Я понажимал кнопку — кругом свет: серый, лиловый, оранжевый. Забавно. Пошел на кухню, газ включил — разогреть обед. Взял нож — такву разрезать. Пилю, пилю — не выходит. Тронул — лезвие тупое. Я другие ножи — у всех лезвия тупые.

Вдруг свет погас, да сирена как завоет, завоет как. Я аж упал. Только подниматься стал, как а-ахнет на кухне, как бабахнет. Я и голову прикрыл. Ну, будет!..

И тут тишина.

Я было... А тут — р-ры-ы!

— Агломерат! — вопит кто-то невидимый. — О, Агломерат! Ты помнишь, что скоро перестанешь быть? Что ты успел сделать? Я задаю тебе этот вопрос, чтобы ты обратил внимание: чем сейчас занимаешься? Делом ли? Мгновения утекают, а ты застыл на месте? Или ты идешь вперед, опережая время, поспевая за временем? Подумай. И думай, думай. И делай, делай. Спешу, не застывай в апатии, не упускай возможности. Я скоро вернусь и снова задам те же вопросы. Что ты ответишь? Думай.

Я корчился на полу. Робот на пороге — в недоумении.

— Что это значит? — спрашиваю.

— Сирена — это ты забыл выключить электричество. Защита не позволяет растрачивать энергию попусту. Если ты будешь регулярно забывать отключать ненужные приборы, то тебя отправят по жалобе автомата на Г/А. Хлопанье на кухне — это ты газ забыл погасить. Защита не позволяет его транжирить. Наказание — то же. А голос — Напоминающий Время. Он каждые шесть часов напоминает агломерату о его быстротечности. Вон трапедия на стене — он и есть. Напоми-

нающий Время обязателен в любом помещении.

— Вот оно что... А тупые лезвия — тоже Защита?

До чего здесь славно — даже порезаться нельзя. Какой злой дедка — нарочно сюда не пускал: знал, что здесь хорошо!

* * *

Первым с работы отец — злой. Рабочий комбинезон не снимает. Включает ласкатель, приказывает что-то ему, и на экране вдруг объемная фигура — здоровенный агломерат. Фотография. Выражение плоского лица то ли задумчивое, то ли сонное.

Лицо отца исказилось. Он ткнул кнопку, на экране появилась здоровенная палка и — стала прохаживаться по бокам здоровенного агломерата. Фотография не меняла выражения лица — это, конечно. Зато дикие крики. Отец млеет. Еще и еще. На его лице улыбка. Ткнул еще кнопку — густой луч разрезал громилу на куски. Отец ржет. Потом вертеть громилу принялся, потом остановил — вверх тормашками, — вылил ему на голову ведро крутого кипятка. Тот криком изошел. Кричал и отец. Понимаю, я такое же наслаждение получал, когда в Аграрке собак вешал.

Отец, вижу, выдохся, выключил ласкатель и развалился в кресле. Угрюмость испарилась — та, которую с работы принес.

— Извини, Бажан, не удержался. Меня вывел из себя сменный мастер — громила безмозглый! Защита запрещает накапливать злобу на другого. Негативные чувства должны найти быстрый выход. Для этого существуют телечучела. В картотеке есть чучело любого агломерата.

— И мое тоже?

Отец тут же заказал мое чучело. На экране стоял я, снятый роботом исподтишка в полный рост. Видно, в пирамиде при въезде в Агло. Ну и тупая у меня рожа!..

Вскоре пришла мать. Здоровается и сразу к ласкателю. Я уже не удивляюсь. Она вызывает одно чучело за другим — десяток. В основном, агломераток. Расправляется дольше и изощреннее, чем отец. Под конец я вышел-таки из комнаты. Ну, собак вешать одно, но чтобы такое!.. Глаза выкалывать и все прочее!..

Ее обиды неисчислимы: от насмешки над ее новым комбинезоном до споров вокруг окраски фасадов. Мать предлагала торцы считать тоже фасадами, чтобы хоть иногда красить, а ее начальник твердил, что тогда Агло не останется краски.

Мать архитектор. О своей профессии:

— Мы свободны придумывать, что угодно, полет нашей

фантазии ничем не ограничен. Воистину, у меня самая творческая на свете профессия.

— Но, мама, ведь ты не смеешь нарушить правильную красоту. Агло своими фантазиями? Это — живой гимн прямым углам и линиям — и вдруг полет, творчество!

— Не бойся, сынок. Защита позаботилась о незыблемости канонов. У меня и впрямь богатейшая фантазия, свободная, но движется она по прямым, накатанным дорогам и сворачивает только туда, куда тычут указатели. Я совершенно свободна в рамках от сих до сих.

Отец учит меня пользоваться ласкателем. Защита препятствует смотреть ласкатель больше двух часов в попытку. Однако многие, по словам отца, приладились включать ласкатель по очереди — и в нашей семье, где четверо, можно увеличить время просмотра до восьми часов. Я немедленно выключил ласкатель — мы смотрели его уже третий час — и посоветовал еще раз отцу: как следует провериться на Г/А.

Кстати, спрашиваю отца, почему в зданиях нет окон. Потому что так легче красить?

— И поэтому тоже. Кондиционеры создают атмосферу еще лучше, чем на улице.

— А постоянный расход электричества?

Отец явно не хочет отвечать. Потом, понизив голос, хотя никого, кроме матери:

— Насчет электричества ты верно угадал. Правда в том, что окон нет, потому что из них можно выбрасываться.

— Но, отец, ведь все так счастливы! Кому же вздумается?

— Ну да, конечно, разумеется, вне сомнения... Мы счастливы... очень... и все же, иногда, как задумаешься... как вдуматься... не то, что в окно... а так... кх-кх... ты меня, старого олуха, не слушай...

— Отец, ты порой такое морозишь! Я советую тебе провериться. Хочешь, я сам отведу тебя в пирамиду?

— Спасибо, Бажан. Я подумаю.

Странно. Он посмотрел на меня, как Лохматый, когда я его палкой по носу огрел.

* * *

Я основательно располагаюсь в туалете. Но на этот раз мне почему-то неловко. Словно не наедине с собой. Вздор.

И все-таки... Глазами по стенам. — О!

Чей-то зрачок в щелочке. — Ой!

— Бажан, не пугайся, это я, отец.

— Что ты делаешь?

— Смотрю, как бы ты чего не натворил.

— А что я могу натворить?

— Не знаю... мало ли...

— Ты и за матерью наблюдаешь? И за Зайчи?

— По необходимости... по необходимости...

Я постарался сообразить. А ведь он прав. Защита умеет воспитывать в агломератах бдительность.

— Отец, ты не прав в одном, — говорю, — поскольку ты подсматриваешь на законном основании, то тебе незачем таиться. Надо сделать тут прозрачную стену.

— Ну, ты уж совсем максималист...

* * *

Мы с отцом на улицу утром. В подъезде помоями, мочей. Стены — ну и ну. Лифт щербатый. Вот она — Защита! Перед до блеска, зад — наплевать. Как хитро! Как здорово! Вот так Его и проведем: перед надраим до блеска, а зад — дрянь, его никто не видит.

По фасаду коробка ползет и пых-пых краской — опрятно. Десятки, сотни шиман туда-сюда. И из подземного, под нашим домом.

— Разве мы пешком? — удивляюсь.

— На шимане, но сперва надо дойти до гаража.

— Моя шимана на стоянке рядом.

— Нет, кучер отогнал ее в наш гараж ночью.

— Но ведь гараж — вот он, под домом.

— Э-э, нет. Это гараж тех, кто живет в доме над гаражом, где моя машина, — поясняет отец. — Кварталов десять отсюда. Часа полтора ходу.

— Почему так?

— Зато я получаю дневную норму движения. Такое хитроумное расположение гаражей предусмотрено Защитой. Оно стимулирует прогулки пешком. Еще одно проявление заботы о нашем здоровье.

Я подивился мудрости Защиты. Отец громко сплюнул.

Он отвел меня в Гроздь — огромный квартал лиловой и оранжевой служб. Там мне дали тест — сорок тысяч вопросов. Сказали, как только отвечу, автомат враз проверит — и меня примут на работу. Я сказал, что хочу быть лиловым. Мне говорят: это не скоро. А если всерьез хочешь, то на вот тест — пятьсот тысяч вопросов. Как ответишь — так сразу, если автомату понравится, примем.

Я засел дома и стал стро. Чить ответы на сорок тысяч. Я грамотный, но непривычный. Букву-то к букве трудно лепить. Морока.

Так прошли попытка за попыткой. От букв в глазах рябило.

какой-то вечер раскат, словно бы грома. — Ты всегда обосновываешь свои утверждения? — Внезапно отец.

— Стараюсь.

— А ты... — Лавинища вопросов. Мать испуганно слушает. Тоже чего-то спрашивает. На сорок тысяч я начал потихоньку отвечать. Родителям не терпится: не Он ли я. Потом отец показывает мне книжку «Как определить — не Дурак ли ваш ребенок?». Вопросы оттуда. Они и не заметили, как я на вторую попытку в Агло купил книжку «Как удостовериться, что ни один из ваших родственников — не Дурак?» и уже успел задать им сотню вопросов, между прочим. А они стали мне вопросы нарочито. Я принудил зачитать все, они застыдились, но я нарочно на все ответил и посрамил. Ах, если бы Его было так легко найти! Увы. Если бы я был уверен, что я — Он, то с радостью побежал бы на Г/А. Избавить планету от такого несчастья — вот подвиг! Увы, я слишком умен, явно умен, намного умнее других. Уж не может и быть, чтобы я был Им.

первая попытка на работе! накануне выдали в запечатанном конверте результаты моего теста на сорок тысяч вопросов. Я результат знать не имею права — мне так сказали.

Дую в Околесицу. И как только кучер находит нужный адрес — кругом так одинаково! Иду. Густой ряд символов деревьев. Под ногами ковер символической травы.

Внутри. Ну и просторы. Машины, машины — ряды, громады, сверкают, грохочут, мелькают, мельтешат. Пауки. Агломератов наперечет. К одному:

— Дяденька, где тут начальник производства?

— А, этот подонок? Зачем он вам? Спросите меня — уж я-то отвечу лучше любого обормота.

Я шарахаюсь. К другому. Тот:

— Прямо направо, упрешься в каморку — там это дрянцо и сидит.

Подхожу — ну и ну. Кругом чисто, светло, просторно, а тут грязная дверь покосилась, открываю — полутемки, мусор на полу, тесно, душно. Стол. На сломанном стуле агломерат — утонул в бумагах. Разбитая люстра. Тьфу!

— Вы начальник производства? — спрашиваю.

— Новенький? Справка есть?

Я ему конверт. Вскрыл. Голубой листок. Посмотрел — нахмурился. «Эге...», — говорит и на меня. Я заробел — чего там в голубом листке? А он снова так, со смыслом: «Эге...».

— Ладно, определяю тебя к Пойдемке. Он тебя сразу раскусит.

Вышли. По коридорам. Работники — навстречу. Толкнули начальника, пошли дальше.

Большущий зал. Конвейер — обогреватели собирает. Роботов уйма. Агломератов полно. Начальник к одному — сидит в кресле и дремлет.

— Здравствуйте, — говорит начальник.

Ноль внимания.

— Здравствуйте.

Тот поднимает голову.

— Чего, гвоздь в галактику, надо? Наставником? А пошел ты в Пустицу! Сон только мне перебил!

Начальник весь изогнулся и елебно:

— Я вас умоляю. Он вам мешать не будет.

Тот, наконец. Начальник ушел.

Наставник оглядел и удобнее устроился в кресле.

— Во что играешь?

— Как?

— Какие игры предпочитаешь?

Он перечислил несколько названий. Я силился понять.

— Ну, ты даешь. А чем же ты собираешься заниматься на работе?

— Работать. Приносить пользу обществу.

Он вытаращился и даже вылез из кресла. Я дрожу от страха.

— Ты из Аграрки, что ли? — наконец говорит он. — Ясное, гвоздь в галактику, дело — деревенщина, твою в Пустицу. Ты, гвоздь в галактику, запомни, трескучий сторож, что, гвоздь в галактику, работать — вздор. Придет Дурак, трескучий сторож, и все, твою в Пустицу, испоганит. Зачем трудиться? Зачем надрываться? Потеть, мозги бекренить! А, может, Он стоит за дверью, только и ждет, как бы испортить то, что я сделал! Псих ты, что ли, работать? Вот изловим Его, тогда другое дело, другой поворот.

Сели мы. Стали учиться в бегунка: кто больше уловов против Дурака помнит — в алфавитном порядке.

— А почему вы так с начальником? — спрашиваю.

— Не знаешь, деревенщина? У нас начальники, чем бы ни командовали, самая дрянь и есть. Ведь ты прикинь: если начальника уважать, то он выкобениваться начнет, возомнит о себе; если начальникам какие-то привилегии давать, так все станут стремиться выбиться повыше, карьеризм начнет — и Дурак в этой сумятице проскочит на руководящее место. Поэтому Защита не дает руководителям никаких привилегий. Наоборот. Чем выше начальник, тем меньше к нему уважения. Самое большое начальство — так, ветошка, и в лицо-то

плюнуть противно. Кому в таких условиях захочется в начальники? Дураку — никогда. Только такому агломерату, который ради дела готов на все — даже быть всеобщим посмешищем, плевательницей. Ему главное — работа. Организовывать, выдавать на-гора, перевыполнять. К тому же наши начальники ничего не решают в одиночку — всегда кучей, всегда с испугом ошибиться. Грязная работа.

— А как же 999 президентов? Их ведь уважают?

— Слегка. Да и то потому, что они выборные, они случайные. Их раз в ступень избирают — разыгрывается лотерея, в которой участвуют все жители Агло. 999 номеров выигрывают. Кто выиграл, тот на ступень становится одним из президентов. Поскольку у нас все безызынно умны, то нет большой разницы, кто станет президентом.

— А в оранжевой службе начальники тоже — «ветошки»?

— Там дисциплина, там другое. Они Дурака призваны поимать. Мы все Его караулим, но — любительски. А они профессионалы. Им надо действовать четко и слаженно, как и всем. Но и мгновенно. А для оперативности нужна иерархия.

— Иерархия?

— Отвяжись, деревенщина.

— А почему вас Пойдемкой называют?

— Гы, гы..., гвоздь в галактику!.. Оттого, что я чуть замечу за кем — сразу к нему: «Пойдем-ка, голубчик, на Г/А!» Я наблюдательный, ушастый и глазастый. Другие мнутя, сомневаются, прежде чем послать кого-нибудь на Г/А, а я быстрый: «Пойдем-ка!» Меня выговоры не остановят — чихал я на них.

Я поежился. Мне не хотелось «пойти-ка».

— А меня зовут Бажан, — говорю.

— Тебя зовут щенок и деревенщина. Я и до твоей сути докопаюсь. Понял, трескучий сторож!

* * *

Через несколько попыток наши отношения с Пойдемкой кое-как наладились. Он по-прежнему называет меня деревенщиной и щенком, но показал, как следить за конвейером и где роботам нужна агломератская помощь. Большую часть рабочего времени играем в бегунка или слоняемся по цехам, болтая со знакомыми. Сперва я хотел направить Пойдемку за безделье на Г/А, но кругом все точно так же — производство не прекращается, работники на мой вопрос раздражаются: что приносят пользу и еще какую, и не деревенщине лезть не в свое дело!.. Мне открылся новый волшебный мир общественно по-

лезной деятельности. Я приношу пользу, я лег камнем в кладку против пришествия Его. ЗОД — незыблемая стена состоится митинг

огромный зал толпа по рядам расселись

Работников неожиданно много. А мне-то что, все автоматы делают. «Обычно никого не видно — прячутся от начальства», — поясняет Пойдемка.

Первыми — начальники. Их никто не слушает, громко переговариваются, в того же бегунка играют, анекдоты травят, агломераты с агломератками заигрывают, а те кокетничают вовсю. Начальники: надо лучше и больше. Мне стыдно, что их не слушают.

— Мы должны, — говорит начальник нашего цеха, — бороться с извращенным отношением к установлениям ЗОД. Нельзя ждать, пока нагрянет Дурак, нужно трудиться, чтобы не бояться Его пришествия.

Я почти не понял, но он что-то по делу говорил. Едва закончил, на трибуну — коротконогий, перемазанный, нос перебит:

— Братаны! — на высокой ноте, все аж вздрогнули. — Что же это творится! Доколе мы будем бездельничать? Я чую, Он наблюдает за нами, притаившись за колонной, — агломерат на трибуне покосился в сторону одной из колонн, и все с ужасом посмотрели туда же, — за колонной никого не было. — Он подглядывает за нами и хохочет! То-то, думает, напугал их всех! У них руки опустились, они ничо не делают, все у них разваливается, не получается. А мне, Дураку, того и надо! Братаны, доколе будем тешить? Инда смеется!

Зал взревел одобрительно. Едва с перебитым носом сошел, взгромоздился агломерун с черной, словно обугленной головой:

— Работники, мы полны решимости решить нерешенные решительные решительно. Наряду с этим имеем ряд рядов из ряда вон выходящих, в то время, как необходимо обходить обходимые необходимости и еще раз усиленно усилить усилие по усилению!..

Он говорил решительно, темпераментно, все поначалу слушали его и кивали, полупривстав от радостного ожидания чего-то особенного. Через пять долек времени все устроились поудобнее и задремали. Старец говорил что-то совершенно необходимое и важное, но не только понять, но и слушать его было тяжело, и не было до конца понятно, понятно ли ему самому то, что он говорит, или он говорит так только потому, что так удобнее нанизывать слова... и казалось, что он сейчас говорит одни слова, а если его перебить или оспорить, он может сби-

ться на прямо противоположные слова и по-прежнему черпать из своего неиссякаемого колодца.

Потом была резолюция:

— Будем работать до седьмого пота, утрем нос Ему. Вот наше решение.

Раздалась сирена. Конец рабочего дня.

— И славненько, — говорит Пойдемка. — Отработали.

— Работники, — говорит ведущий, — завтра с утра состоится горячее обсуждение проблемы необходимости ставить проблемы. Обязательно для всех, кроме Дурака.

На улице я долго ничего не говорил. Потом спрашиваю Пойдемку:

— Теперь все переменится. С завтрашнего дня засучим рукава?

— Тьфу! Этих митингов — пруд пруди. Если после каждого лучше работать, так сейчас бы я по Агло в день строил.

— Хорошо, вы ничего не делаете, чтобы не пошло Дураку под хвост, и в том корпусе ничего не делают, и в том, и в том. Но откуда же все вещи, все продукты?

Пойдемка усмехнулся:

— А техника на что? Она и работает помаленьку.

* * *

Домой к ужину. Мать, отец, сестренка уплетают за обе щеки. Едва я, мать и отец стоп жевать, виновато.

— Опять объедаетесь? Который раз едите?

— Ш-шестой, — мямлит отец. — Мы и не едим, а так...

Встает поспешно из-за стола, за ним проворно мать и — за собой — Зайчи. Сестра в слезы: «Я голодная!»

— Вот, и ребенку прививаете извращенное отношение к установлениям ЗОД! — кричу.

Отец и мать по своим комнатам — шасть.

Зайчи через час успокоилась, забыла — и ко мне. Я сижу и думаю над событиями последних попыток. Есть над чем.

Нежно обняла меня и лепечет:

— Бажанушка, правда, что наша планета в центре вселенной?

— Нет, только кажется.

— А в трудной ситуации ты придешь на помощь другу?

— Да, после проверки, не Дурак ли он. Но какая связь между твоими вопросами?

Зайчи помалкивает. Меня вдруг осеняет. Я оторвал ее от себя. Ведь надо же — пять ступеней отроду, а...

— Ты меня проверяешь?

— 3-зондирую...

Вдруг испугалась, взвизгнула и убегает. Стыдно или накажут?

Я немедленно за ней.

— Зайчи, милая, я очень рад, что у меня такая сестренка. Будь всегда такой — начеку.

* * *

Решил отцу тот же вопрос:

— Если никто не вкалывает, как следует, в ожидании каких-то перемен, то кто же ...работает? Откуда на чем сидим и что едим?

— Ну, мы не все рабочее время дискутируем и баклуши бьем. От скуки возьмешь и слегка поработаешь. К тому же — станки, компьютеры разные, автоматика, они, знай себе, работают — о Дураке не думают, — отец стыдливо отводит глаза.

— Я хочу приносить пользу.

— Успокойся, сынок. Что поделаешь, коли негде, негде... Только на потребу Дураку, Него ради..., а разве Ему ты хочешь приносить пользу?

Запутанно как.

— А почему смежные производства не могут наладить взаимные поставки? От чего цепочки производств дают сбои? Мне один работник говорил.

— Где-то в цепочке сидит Дурак и гадит, — поясняет отец.

— Но ведь Дурак — один на всю планету, а цепочек — тысячи. Как же он успевает?

Отец смотрит — боязливо и назидательно:

— Он все может — преподлая натура!

— Как же так? — не унимаюсь. — В тысяче мест сразу?

— Он и в миллион мест поспеет. — И вдруг, без всякого повода, отец как заорет: — И не смей спорить со мной!

Я угрюмо...

* * *

На следующую попытку я из любопытства цех за цехом.

Потом в свой цех. Подхожу. Как-то странно тихо. Не совсем что-то приглушенно гудит. Замер на пороге. Подвывающий шепот. Похоже, не агломераты разговаривают.

— Ну и что?

— Как что? Парадокс о бесконечных множествах помнишь?

На этой основе можно мозговать дальше...

— Хорошо, попробую. Неплохая игра, к тому же можно вычленивать какие-то базовые научные понятия, между прочим... Слушай, а ведь мы не успеем сегодня выдать норму продукции.

— Тебе-то что? Ну, дашь ты норму, а тут нагрянет Дурак — и все насмарку. Дашь ты норму или нет, никто и не заметит. Работать нужно ровно столько, чтобы замазать агломератам глаза, и чтобы они не демонтировали тебя. Вот я: с утра до вечера что-то таскаю, переставляю, колочу, мигаю лампочками, устраиваю даже аварийные ситуации для полной естественности, а при этом думаю о своем, развлекаюсь, по мере сил.

Я слушал, объятый ужасом. Голоса автоматов! Я вступил в цех. Ни одного агломерата, как я и думал. Голоса мгновенно смолкли, цех наполнился гудением, шлепками, рокотом — во все стороны понеслись детали обогревателей, замелькали манипуляторы, замигали лампочки.

Вошел Пойдемка. Я молчу. Чувствую, что такое рассказывать нельзя. Еще не так поймут. Вруном сочтут.

* * *

— Отец, что это за фотографии? Я нашел у тебя в столе под бумагами.

Мать взглянула и отпрянула. Отец стал прозрачно-серым.

— Ты!.. Как ты смел без спросу!

— Мы должны следить друг за другом. Ведь я не против, когда ты не спускаешь глаз с меня.

— Голые агломератки! — возмущается мать. — О галактика!

— Чего особенного... Это... Это мы конфисковали у безнравственных агломератов... Я ведь в комиссии по нравственности... Бажан, я подыскал тебе отличную квартиру неподалеку от Оплота.

— Но я хотел бы жить с вами.

— Мы тоже... Однако... однако это утомительно. Тебе будет лучше, спокойнее одному.

— Слушайте, а когда Пим был маленький, вы его подозревали?

— Нет, — поспешно мать, — он был такой смышленный, развитой, резвый мальчик. Вы бы помирились... Право, помиритесь!

— С этим вонючим нефуистом!?

— Конечно, гадко, что он нефуист, — говорит отец. — Его убеждения не делают ему чести... Однако он твой брат.

— Он глава нефуистской организации. Подлец!.. Я не перееду, пока не выясню, нет ли в нашей семье Его.

— Защита настоятельно рекомендует отделять взрослых детей от родителей.

Я долго молчу.

— Ну, если Защита так рекомендует..., тогда конечно...

* * *

Новая квартира. Один. Прихожу с работы и думаю. Столько событий. Надо понять. А непонятно. Смотрю ласкатель, привыкаю к новой жизни. Квартира, как у всех холостяков. Один домашний робот. Убирает, стирает, готовит есть. Ленивый. Замечаю, подсматривает за мной. Что ж, Защита предписывает.

— Агломерат! О, Агломерат! Ты помнишь, что ты скоро перестанешь быть! Что ты успел сделать?..

Привык, уже не подскакиваю. Вот именно: что я успел? Уже полторы пробы в Агло. А Дурака еще не поймал. Работа какая-то странная. С родителями как-то странно. Сажу, прикидываю, как бы лучше с Ним покончить.

Однажды поднимаюсь по лестнице — рядом в квартиру заходит агломер. Приятный парень, глаза добрые.

Через пять долек времени пошел я вниз за продуктами. Опять тот же парень в квартиру заходит. Возвращаюсь с продуктами — снова тот же парень в квартиру ту же заходит.

— Добрый день, — говорю, — почему вы третий раз в свою квартиру заходите?

— Я только что пришел, — смеется. — А то были, наверно, мои братья. Мы близнецы. Заходите в гости.

Зашел. И впрямь — три, и один — на одного. Ух! Учудила их мать.

Зовут Бачи, Начи и Рачи. Подружился с ними. Понимаю, в Агло друзей нет — пока Его не поймает, любой может Им оказаться, так что дружить опасно. Поэтому дружба сводится к более частому общению. Разумеется, проверяешь друзей тестами, время от времени. Я, например, взял несколько книг о тестах на складе.

Ночью как-то ко мне один — Бачи.

— Бажан, извини, что разбудил. Можно посидеть с тобой? Мне страшно. Братья меня не понимают.

— Официальная ночь, всем положено спать.

— Пойми, не до сна... У тебя лучин нет?

— Не держу. Ночью предписано спать. Поэтому отключают всю электроэнергию в домах.

— А поесть у тебя найдется? Ох, ничего не видно.

— Предписано есть три раза в попытку.

— Экий ты правоверный...

И все-таки сидит. Темнотища. В голове молнией: вдруг Он?

— Чего ты боишься — Его? — спрашиваю, а сам думаю, как быть. — А может, ты к Нему пришел жаловаться?

— Не шути так. Его я боюсь, верно. Но не это мешает спать. Мне страшно перестать быть.

— Ты болен? Ложись в больницу — заменят любой орган, через неделю забудешь о болячке. Раньше восьмидесяти никто не перестает быть.

— Кроме тех, кто прошел Г/А, — уточняет Бачи. Комбинезон чуть фосфоресцирует. Как-то Бачи скукожился. Жалко даже. — Я боюсь перестать быть. Пусть даже в восемьдесят ступеней.

— И часто думаешь об этом?

— Всегда. Стоит мне представить, что я — со всеми моими чувствами, взглядами, мнениями, воспоминаниями, что я — гармоничное красивое тело, — что вдруг перестану... не будет кожи, лица, глаз, мыслей, желаний... Нет, кошмар! А другие говорят мне, что это банально, что этот страх временами бывает у всех. Как же они могут жить, хоть раз, хоть раз испытать этот страх — как они могут забыть?

— Разве можно жить, думая об этом? Тогда ничего не будет, кроме страха.

— Надо жить, помня об этом. Иначе превратишься в тварь, в животное, которое не знает о своем конце и не делает никаких выводов из своей тленности... Я стараюсь жить так, чтобы использовать каждую дольку, отпущенную мне. Но — не всегда получается. Иногда одолевает страх...

Мы еще долго разговаривали. До чего они, братья, похожи друг на друга.

— А ты ненаблюдателен, — говорит мне на это Бачи. — Ну, спокойной ночи. А лучины ты заведи — пропадешь без них. Бессоница, брат, штука опасная. Тупым зарежешься.

Как-то другой раз Начи в дверь. Я уже пообтерся в Агло, легкомыслия поутратил. Долго разглядывал в глазок, прежде чем открыть тяжеленную дверь. На площадке вялый свет. Раньше я был наивнее.

— Извини, Бажан, мне не спится.

Мы сели на кухне, разогрели такву. Я понял, что трудно спать ночью, есть три раза в день. В конце концов, это — не самое главное. Это не мешает главному... Нет, я чувствую по-прежнему. В последний раз делаю себе такие послабления — ими я предаю Защиту.

— Ты тоже боишься перестать быть? — спрашиваю.

— Я не так глуп, как Бачи. Дрожит от страха перестать быть. А мы — вечны. Наше тело отпадает, но мы продолжаемся.

Странные близнецы. Думают о ненужном. Дурака надо ло-

вить. Один Рачи из них нормальный. Я его встретил вечером:

— А ты, Рачи, за вечность или за ужас?

— Гвоздь в галактику! Мне некогда философствовать. Вот статью надо в редакцию срочно, а половины не готово. Жить надо сегодняшней попыткой.

И живут близнецы нелепо. Квартира в шесть комнат, их трое, а они ютятся в одной самой маленькой комнатке — душевой, с битой лампой. И спорят, спорят — до хрипоты. И никогда не приходят к согласию.

— Я перестану быть, — кричит Бачи. — Что-то надо немедленно предпринимать! Надо не зря прожить жизнь!

— Спокойно, — осаживает Начи. — Жить надо интересно и насыщенно, потому что впереди — вечность и, если жить банально, нелепо, станет скучно.

— Заткнитесь, кретины, — орет Рачи. — Не надо думать о таких серьезных вещах. Нужно делать текущие дела, а там — там, как придется. Может, перестанем быть. Может, не перестанем.

С ними забавно. Но и страшно почему-то.

* * *

Идем вместе с наставником после работы. Он: славно поработали, теперь надо расслабиться. Достает из кармана капсулу, роняет на ладонь пару таблеток. Одну мне — глотай. Что это? Глотнул — и вдруг вещи вокруг задрожали.

Я тону! Так вещи видятся только под водой, — закрыв глаза. Наставник смеется: «Хорош дурман?» Дурман? Значит, я не утону? «Дурень, это самое оно, чтобы забыть о Нем и обо всем на свете. Только надо проглотить таблеток побольше.»

Я взял еще один серенький кружок. Растяпа — выронил. Пойдемка грубо: осторожно, не даровая! Их привозят из тридевятой галактики — за них отдаешь космонавтам по десятку афоризмов. За капсулу. Он стал пояснять, что такое афоризм. Голос прыгает. Невнятно.

Вдруг — из-за угла лиловый. «Ага!» Подскочил к Пойдемке — бац! Тот опрокинулся. Я побежал — что это, как это?.. одичалый... эволюция? элоквенция... нет, я не утону... Я вынырнул, где? Я был здесь и набирал продукты на вечер. Продуктовые склады на всех первых этажах. Набрал — и с корзинкой к лестнице.

Внезапно:

— десяток агломератов вниз, сбивают меня

— внизу мечутся другие

— шум, крики

— из склада выбегают, бросают на ходу корзинки

— на меня валится агломератка

Вскакиваю, помогаю агломератке — молодая цапка! — комбинезон необычный, весь светится — почти прозрачный! Она запыхалась:

— Бежим! Облава! Или у тебя квадрат?

Какая облава? Какой квадрат?

— Ты что, из Аграрки? Быстро за мной!

На улице. За символами деревьев. Десятки шиман лиловых. Сотни агломератов в разные стороны. Цепи вооруженных лиловых. Бежать нельзя — ведь это свои, лиловые. Я ни в чем не виноват. Агломератка тянет за собой. Мчимся, не разбирая дороги.

Все в глубь и в глубь квартала. Что это? Галактика!

Какие-то странные, покосившиеся, грязные, невысокие дома — с окнами! Стекла битые. Дряхлость. Мусор кругом. Агломератка валит меня. Лежим за зловонной свалкой. Шум облавы — далекий гомон.

— Что это за район? — в ужасе.

— Ха, аграрий! В каждом квартале, подальше от глаз, остались старые строения. Их заселили агломераты, которым надоело быть на виду. Ну там роботы домашние, официальная ночь, копеечная экономия электричества и газа, круглосуточные передачи ласкателя слуха и зрения — одурманивающие. Охвостье — так зовут нас. А мы гордимся. Защита не имеет права творить насилие, поэтому старые кварталы не трогают. Лиловые сюда редко забредают. Защита надеется, что мы перевоспитаемся. Шиш. Нас становится все больше.

— А вы приносите пользу обществу?

— Кто как... Берешь все со складов — совесть мучит, иногда и поработаешь... Тебя как зовут? А меня Додо. Здорово мы с тобой натянули нос лиловым!

Я с ужасом кошусь: это лиловым-то нос! Должен ли я отравить ее на Г/А? До чего хороша!..

— Я тебе объясню, — говорит, — насчет облавы. Каждые полступени все агломераты обязаны пройти медконтроль, чтобы вовремя выявить любую болезнь, быстренько сменить больной орган и жить дальше, как ни в чем не бывало. После медконтроля каждый получает справку — квадрат, который нужно носить постоянно с собой и предъявлять по первому требованию лиловых.

— Как умно!

— Олух! Нам некогда бегать по медконтролям. Вот заболею — тогда лечите. ЗОД придумала, что квадрат нужно предъявлять кучеру — тот контролирует, чтобы квадрат не был

просрочен. Но мы приноровились подделывать квадраты — кучер не ахти какой сообразительный. Поэтому Защита устраивает периодически облавы, чтобы выявлять бесквадратных.

— А не проще ли сходить на медконтроль, чем валяться тут, за мусорными баками? — спрашиваю.

— Эх, аграрка! — обижается Додо. — Здесь, за баками, я лежу по своей воле, а медконтроль надо пройти по приказу. Ясно?

— Нет. Просто я не знал о медконтроле, теперь немедленно посещу.

— Стой! Лежи! Пискун! Что с тобой таким делать? Сейчас медточки закрыты — вечер. Отложи до завтра.

Вдали отшумели. Мы встаем и отряхиваемся.

— Ты один? — говорит. — И я одна. Что будем делать?

Мой взгляд впервые замер на слове, гнездящемся у нее на груди: «Хочешь?» Серые буквы.

— Хочу, — сказал я. Ощущение дрожи вещей, как под водой с открытыми глазами.

— Идем ко мне.

По пути я про Пойдемку. Как его — бац!

— Защита всячески заботится об агломерате, — говорит Додо, — дурманные таблетки категорически запрещены. Но и давать по уху тоже незаконно. Просто лиловые устали отнимать таблетки, пресекать их провоз, у них терпение лопается — вот и... конечно, дают по физиономии только в местах потемней, когда безагломератно вокруг.

— А где ты приносишь пользу обществу?

— Ты не трепло? Тогда честно: спекулирую стихами. А если ты насчет работы, то дело лучше работы. По первому условию занюханного разума, мы все, несомненно, безвозвратно, безызынно умны. Понимаешь, безвозвратно. Назвался груздем... Значит, надо вести духовную жизнь. Тем более Духовная Революция уже, вроде, была. Ну, там, книжки надо читать, стихи-прозу писать, картины малевать в свободное время. Приятно видеть себя в печати, по ласкателю, на выставочном гвоздике. А таланта — пшик. Тут-то я и подъезжаю со своими рифмами.

— А они тебе за это?

— Все что угодно — начиная от дурманных таблеток и кончая свободой от ежедневного топтания на работе. Потом я живу в старом доме — без канализации, отопления, электричества, газа — мне многое нужно, чего на складах и в помине нет — они ведь рассчитаны на «нормальных» агломератов.

— Я подумал, что на Г/А всегда успею ее направить. Утром, например.

Миновали густой ряд новеньких зданий, правда, я теперь заметил, что крашены были только фасады, и вновь Охвостье — все дрянные такие зданьица. Как я раньше сюда не забредал. Просто не подозревал.

Не квартира, а конура. Шкафов и тех нет. Одежда валяется на перекладинах. Напоминающего Время нет. Как же она живет?

— Тоже счастье, — говорит, — пожалел о Напоминающем. Он будит совесть, понуждает вести себя в рамках. А надо поступать, как в голову взбредет. Захочу — и просажу свою жизнь. Захочу — и сделаю из нее конфетку.

— Но по условиям Победившего Разума...

— Милый мой, «зачем» всегда можно высосать из пальца, даже если его первоначально не было. А «к чему приведет?» — разве все угадаешь? В крайнем случае, признаешь свою ошибку — язык не отсохнет... Давай ужинать — и в постель.

— Но ведь я не твой муж!

— Ты мой, ты просто мой.

Фашка. Пока есть Фашка, я ничей.

— Зачем ты меня трогаешь. — К двери. Я.

— Ты мне нравишься.

— Не трожь!

— Да не Дура я!

— Кто тебя знает!

— Может, ты необычный? Так я тоже необычная, поцелую, как хочешь.

— Ты эти штучки брось! Они самые дурацкие и есть!

— Кто тебе вдолбил в голову? Ну, не беда, застенчик, я из тебя ханжество выбью.

Я не на шутку. Я не кресло, что из меня можно выбить? Даже пыли не будет! Она серьезно:

— ЗОД включает в себя уничтожение ханжества. Твой отец тут бывал, и он совсем не такой застенчик, как ты.

— Ты знаешь моего отца?

— Из комиссии по нравственности. Мы тут с ним часто... изучаем нравственность. Я пишу большую часть его речей для комиссии. Не люблю ханжества при закрытых дверях. У меня есть подруга — вроде тебя. Поселилась она у приятеля, который живет в другом городе. Ну, значит, любовь, и все такое. А тут надо в туалет сходить. Сам знаешь, стены в квартирах тонкие, музыка у нас запрещена как дурачество. А в тишине каково надобности удовлетворять? Ну, по-маленькому еще туда-сюда, а если серьезней? Срам! Вот она и терпе-

ла. Попытку, другую. Выходят на улицу, заходит в общественный туалет, а надолго остаться стесняется. Ну, так неделю и простыдилась. На восьмую попытку в больницу отвезли — сама собой отравилась. С тех пор стыдливость побоку — раз достыдишься до анекдота, куда там целомудренность и все прочее поддается!

У меня огонь на щеках.

— А что такое ханжество?

— Ханжество, — когда все делают, что хотят, а утром делают вид, вроде только что прилетели с другой планеты. Ханжество — когда обнаженная агломератка не вызывает других чувств, кроме животных.

— А как надо воспринимать... обнаженную агломератку?

— Это очень красиво. И все. Вот, смотри.

— Д-да... т-ты права...

— Ты тоже очень красив. Я уверена. Давай защищаться от Дурака вместе. И трепись поменьше. С заткнутым ртом ты — парень, что надо. Терпеть не могу твоего писка.

— Ты думаешь, без комбинезонов мы будем лучше защищены от Него?

— Это самый лучший способ защиты.

— Ну?

— Лучше не придумали.

Кажется, она права. Если я ошибаюсь, то я виноват. Вина моя и только моя, воистину вина.

* * *

Ужинали поздно. Додо подожгла белесую палку — с нее жир капает. Дряблый свет. Хаос теней. Спальня в идеальном порядке. Единственное место в квартире.

— А афоризмы ты тоже делаешь? — я, лениво.

— Увы. Афоризмы — самая дорогая штука. Мне кажется, их производят по ночам, наглотившись дурманных таблеток, из привозного материала. У меня лично получают кособокие, как ни перекраиваю — все не то, никто не берет.

— А зачем они?

— Чтобы блистать разумом.

— Достань мне, а? Я тебе все что угодно!

— Брось, я тебе и так подарю. Не благодари, они у меня краденые, ненамозоленные. Один знакомый привез пачку с Земли. Только — тсс! У нас с ней никаких дипломатических отношений... Ах, как плохо без музыки. Я сведу тебя как-нибудь — у нас компания — мы тайно музыку слушаем. Ты, наверно, и не знаешь, что это такое.

Что она говорит! Мать мне пояснила, что музыка в Агло

звучит лишь раз в ступень — во время Парада Разума и Карнавала. В остальное время это раздражающее сотрясение воздуха запрещено — Защита полагает, что сотрясение воздуха может подвигнуть Дурака на истерические поступки.

А в Аграрке музыка вовсю — дед песни играет и поет. Дикари.

...В первосне слышу ласковое бормотание Додо: «Милый, милый, любимый мой...» И ночь, погасив лучину, качала меня на качелях: милый — любимый, милый — любимый...

...сторона... наотрез... извне... дыоарнуш... проттии?... утром

мы пошли за моей шиманой, потому что Додо не пользуется своей — кто не работает, того кучер сразу тащит к пирамиде ЗОД, а потом — к Охвостью нет подъездов.

странный старый дом — середина свежепокрашена.

— Чего это?

— А эта часть видна с улицы, — говорит Додо. — Недавно тут по улице должны были проехать 999 президентов, так кругом все покрасили. А этот кусок виден с улицы.

Кстати, Додо нужно направить на Г/А.

— Поехали, я тебе покажу удивительнейшую публику, — говорит. Комбинезон почти прозрачный. На Г/А? Завтра утром. Успею.

— Мне надо приносить пользу обществу...

— Завтра, — говорит. — Сегодня ты мой.

Я задал кучеру маршрут, который Додо. Улицы, фигурки прохожих — массы. То здесь, то там фасады красятся. Во встречах шиманах неразличимы: раз — и мимо.

У обочины! Шимана оранжевых! Из нее — он! Он! Усатый! Торможу, кучер смягчает. Хочу рвануть к нему, кучер двери не отпускает — нельзя на проезжую часть. Это же усатый моего детства! Бегу кругом к нему: — Подождите!

— В чем дело, агломерат?

— Вы меня не помните? Ну, Аграрка, мальчик, который очень хотел поймать Его.

— Там все мальчики хотят.

— Еще дедушка, про которого я, что он про ЗОД сортирным словом. Еще тогда распутица и сирень, сирень помните?

— Сирень — о да! Вы по-прежнему хотите к нам? Уже в пятьсот тысяч вопросов получили? Заходите ко мне в пятый корпус Грозди. Спросите Джеба.

Ого! Повезло.

Додо потом с неприязнью:

— Ты якшаешься с оранжевыми?

Я вздохнул. Она, поджав губы:

— Это дешевые друзья. Обмолвишься — и дружба наизнанку.

Агломератка! Ничего не понимает!

Неожиданно — мое производство стройматериалов.

— Куда привез? — кучера. — Я куда велел!

— Я привез вас на рабочее место — сейчас рабочие часы. «Скажи, что болен», — шепчет Додо. Я говорю. Шимана вперед... через пять долек времени утыкается в подъезд больницы. Санитары ко мне.

— Ходу! — кричит Додо. — Кучера не переспоришь... Давай, давай, шустрее! К врачам лучше не попадаться — они тоже ждут прихода Дурака, который может их труд пустить насмарку. К тому же боятся, что пациент — Он, вылечат на свою голову!

* * *

Додо вводит в просторный зал на третьем этаже жилого дома. Я понял: первые этажи склады продуктов и вещей, вторые — развлекательные, кино, театры и прочее, а третьи — для общения групп.

В глаза: стены. Зал опоясан книгами. Тысячи. От пола до потолка. В центре сидят — много агломератов. За длинным столом — главные. Мы с трудом свободные стулья. Один за столом в лиловом комбинезоне. На наш приход ноль внимания.

— ...мы еще и еще раз должны напомнить нашим писателям, — говорит одна из агломераток, за столом, — что их долг создавать истинные произведения культуры. С грустью констатируем: современные романы пахнут совсем иначе, чем фоллианты великих писателей прошлого. Возьмем, к примеру, продукцию этой ступени.

Она сняла с полок несколько томов. Все книги на полках в прозрачных пакетиках. Выступавшая вынула одну книгу из пакетика, понюхала и говорит:

— Никакого аромата! Вонь, как от ракетной дозаправки! И так какой роман ни возьми. Какой-то специфический душок, однообразный. Попробуйте.

Она пустила книги по рядам. Слушатели сосредоточенно нюхивались в переплеты книг, морщились и роптали.

Просит слова агломер в тесно ушитом комбинезоне с надписью «Книголюб». Такие надписи у большинства присутствующих. После оглушительных ночных впечатлений — Додо открыла мне иной мир, отличный от короткого насилия на опушке леса — я мыслил как-то непривычно ясно и с любопытством приглядывался к умнейшим агломератам.

— Это что же творится, — истерично заговорил агломер. — На наших глазах охаивают талантливые произведения! Вы нюхайтесь — это самый современный запах. А страницы, страницы понюхайте! Это же запах сегодняшнего дня. Да, это не тот, не многослойный аромат прошлых веков. Но дадим простор новым, вызывающим, щипающим запахам, рассчитанным на возросший нюх книголюбов! Воистину «зависть почитает мертвых, чтобы оскорблять живых»!

Во всех концах зала вспыхнул спор. Гул.

— Занятный народец, — наклоняется ко мне Додо. — А главное, дальше нюхания не идут. Зрение оберегают. Зато любят творить лично. Тут я их и подстерегаю.

— Какие образованные! — Я. — Сколько у них книг!

— Да, книг у них полно. Только ты бы лучше помолчал, Пискун.

Она косится на агломерата в тесно ушитом комбинезоне. Мне вдруг противно, что она в светящемся комбинезоне. Срам.

Собранию конец. Доспорим, мол, в следующий раз. Додо: сиди на месте, а сама к тесному комбинезону. Я на иголках они бесстыжие говорят смотрят она так светится прозрачно

Ко мне лиловый из-за стола:

— Новенький? Очень приятно. Меня зовут Брид. Вы читали когда-нибудь книги? Нет? Замечательно. А то мы не принимаем тех, кто читает. Нужно минимум пять ступеней ничего не читать, чтобы почувствовать дух книг, чтобы мозг не мешал обонянию. Вот попробуйте, редчайшая книга.

— О чем?

— Я же сказал — мы нюхаем. Эту книгу я вынюхал в собрании одного переставшего быть агломеруна.

Мне под нос толстенную. Я говорю, что пахнет краской и прелыми листьями.

— Нет же, — раздосадованно, — переплет пахнет детством, а страницы — уксусом. И чуть-чуть ржавчиной.

Я заспорил: Брид и не нюхал прелой листвы. Додо! . . . качели, баюкавшие меня . . . милый — любимый . . . вверх тормашками . . . — Я ухожу, — приблизилась.

— Он твой старый знакомый?

— Только что. Ну, бывай, — удалилась. Тот хватил ее за талию.

Брид: Красивая. Твоя? — Вот ты лиловый, ты все знаешь! — вцепляюсь в него и оттесняю в безагломератный угол. — Он мой ровесник. — Скажи, если агло-

мератка твердит, что любит, а наутро забыла, ищет новых впечатлений, я ее на Г/А? ЗОД защищает любовь?

— Нет, — он, подумав.

— Выходит, любовь беззащитна?

— Любовь — всегда беззащитна. Это самая беззащитная вещь на свете.

— Как же быть с Додо?

— Я ее знаю. Он всегда такая. Причем здесь любовь? Зачем защищать от Додо то, к чему она не имеет отношения?

Мы с Бридом в коридор и долго. Я о Фашке.

— Тут никто, кроме тебя, не решит, — он.

Договорились встретиться вечером. Я на медконтроль — за квадратом.

* * *

Гроздь. Коридоры, коридоры. Спасите! Брожу. Наконец, большой кабинет. Джеб навстречу. Комбинезон потрепанный, ворот сальный. Усы висят. Видно, что ничего, кроме работы. Мне бы так, чтобы ничего, кроме работы. Пусть засаженный.

— А-а, энтузиаст, добро пожаловать, — говорит. И достает голубой листок. Глядит. — Эге... А ты — не подарок... На. Протягивает мне голубой листок.

Я отпрянул.

— Бери, я приказываю. Мало ли, что не имеешь права. Я разрешаю.

Я к двери. Потом обратно. Беру. Внутри все замерло. Последняя фраза: «Итог тестов носит характер неопределенный». Лед в огонь. Огонь в лед.

Джеб проворно воды мне.

— Не психуй, парнишка, — говорит, дав всласть попереживать, посмаковать фразочку. — У каждого десятого такой неопределенный результат. От этого никуда не денешься. Иначе не нужен был бы проклятый Г/А... Значит, Его хочешь ловить?

Джеб берет зажигалку и — к листку. Пепел.

— Что вы наделали?

— Вот моя резолюция на твои пятьсот тысяч ответов.

Меня колотит. Кого звать? Сумею его повалить, если внезапно? Если, когда, который как этот, тогда как?

— Ты же хочешь работать у нас? А с таким результатом тебе путь закрыт в лиловые.

— Я обвиняю вас в том, что вы Дурак! — ору. — Следуй-те за мной!

Взглядом — темную горошину. Сидит за столом — как его по ноге ударить? Головой в грудь? Кричать? Кабинет должен быть оборудован брандспойтами, опускающимися перегородками, подвижным потолком, люками в полу, но в голове смешалось, не соображу.

— Напрасно глазами шарите, юноша. Если я в самом деле Он, то ты — беззащитен. ЗОД предусмотрела оба варианта: и то, что хозяин кабинета может оказаться Им, и то, что посетитель может оказаться Им. Система не позволяет мне напасть на вас, а вам — на меня. Мы в равных условиях. Одна система нейтрализует другую. Это самая большая проблема ЗОД. И сейчас решающим станет то, что я на тридцать килограмм тяжелее вас и обучен приемам самообороны от Дурака.

— Значит, ЗОД бессмысленна?

— Она как бы бессмысленна, — улыбается. Смотрит на меня. Улыбка вянет. Испуганно: — Ты что?

Я вижу под столом его туфли. Полдольки времени на два удара. Успею.

— Отбой, — внезапно снова улыбается Джеб. Берет со стола... голубую бумажку и протягивает мне.

— Я доложу о вас, скорее всего, вас примут. Вы жесткий парень. А сжег я просто чистый голубой листочек. Ловкость рук. Что вы имели в виду своим взглядом? У меня мороз по коже... Экинвы, да?.. Если будете работать у нас, вам надо умерить свою жестокость. Ведь вы — суший изверг... изувер... Вы в детстве кошек не жгли в своей Аграрке?

— Нет, что вы. Я их ложил в мешок и колотил мешком о столб. А чтобы сжигать — никогда. Что я — зверь, что ли?

* * *

— Признаться, я одинок, — весело говорит Брид. — Нас, лиловых, боятся. Мы — верные псы ЗОД — и чуть что, готовы любого послать на Г/А. Там, где другой прозеваает нарушение условий разума, мы чутко уловим отклонение от нормы. С такими друзьями опасно дружить.

Сидим в кафе. В углу на полстены ласкатель. Глянул. Интересно. Диктор:

— Суть взаимоотношений агломерата и агломератки есть любовь. Это чистое возвышенное чувство, так поэтично описанное многими пийтами прошлого и настоящего, достигло своего апофеоза в рамках ЗОД. Оно лишилось своего скотского содержания, мы воспряли к бесплотской, истинной любви. Ломкое чувство окрепло, благодаря усилиям по его охране от Него, и Ему уже его не сломать...

Я кивнул на экран: — Брид, любовь-то не беззащитна! — Шут, — говорит Брид. — Единственное, что сделал Победивший Разум, так это сократил до минимума процедуру сближения полов. К этому мы действительно «воспряли».

После молчания говорит:

— ЗОД — штука тонкая. Одно из ее гениальных открытий — перетасовка слов. К сожалению, это открытие применяется не в полной степени.

— А что это такое?

— Ну, например, тебе плохо. А ты говоришь: «Мне хорошо». Или, наоборот, тебе хорошо, а ты говоришь: «Мне плохо». Ты боишься выйти вечером, чтобы не напороться на Дурака, но говоришь вслух: «Вечерами я люблю поразмышлять в домашнем уюте». Или, например, у тебя чего-нибудь нет, а ты говоришь: «У меня этого не хватает». И Он может подумать, что это у тебя есть, но не в достаточном количестве, в то время как у тебя этого нет ни ни грамма. Или, например, случается что-нибудь постоянно, без передыха, а ты: «Бывает, порой», — и Он может подумать, что это случается иногда, не как правило, в то время как не бывает, чтобы этого не случилось. Видишь рытвину, а называешь ее — холмиком. Однако, если заменить все-все слова на противоположные, то Его это не собьет с толку. Он сразу догадается, что под каждым словом следует разуместь прямо противоположное. Поэтому только часть слов имеет противоположный смысл. И, главное, никто не знает, какая именно часть. Поэтому Ему очень трудно ориентироваться в нашем мире — чего мы и добиваемся. Он, то и дело, принимает за чистую монету — монету грязную, а грязную монету — за чистую. Зато умному агломерату все понятно с первого взгляда: и то, что плохо, и то, что не порой, а всегда, и то, что не хватает. Впрочем, иногда даже умники попадают на удочку. Но ненадолго... Кстати, о любви. Видишь тех двух агломераток за столиком — ну, одна сюда поглядывает. Пересядем-ка к ним.

Пересели. Брид — официанта.

— Добрый вечер. Что будете заказывать? — официант склонился.

— А что есть?

— Как всегда, ничего хорошего.

— Отлично. Принесите побольше. Две порции.

— Хорошо, — и черкает в своем блокнотике. — Что будем пить?

— А что имеется?

— Богатый выбор.

— Отлично. Принесите сто граммов.

Официант черкает в своем блокнотике и говорит:
— Я в детстве ел мороженое, и могу рассказать вам, ка-кого оно вкуса.

— Нет, спасибо.

— А мой отец, если не врет, пил кофе. Я могу рассказать, как он об этом рассказывал.

— Нет, спасибо. Я не пью кофе. А вы пьете кофе? — Брид спрашивает одну из агломераток.

— А что это такое?

— А как вас зовут?

Официант кладет на стол пачку карточек.

Брид говорит: делай как я — и берет карточки.

Вытаскивает одну и протягивает агломератке. Она читает вслух:

— МЫ БЕСЕДУЕМ НА ПРИЛИЧНЫЕ ТЕМЫ.

Она кивает и достает из сумочки свои карточки. Протяги-вает Бриду одну. Он читает:

— МЫ, ПОСЛЕ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БЕСЕДЫ, ЗНАКОМИМСЯ.

Брид — ей, она — ему. Получается:

— Я ПРИГЛАШАЮ ВАС ПОТАНЦЕВАТЬ.

— Я ПОТАНЦЕВАЛА С ВАМИ С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬ-СТВИЕМ.

— МЫ ПОГОВОРИЛИ И ПОТАНЦЕВАЛИ ЕЩЕ ПАРУ РАЗ.

— Я ПРИГЛАШАЮ ВАС ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ У МЕНЯ ДОМА.

— ХОТИТЕ ДУРМАННЫХ ТАБЛЕТОК?

Тут Брид прерывает, становится прозрачно-серым и го-ворит:

— Я ненавижу дурманные таблетки, не упоминайте о них, я оранжевый, я морды разбиваю за таблетки, а вы мне пред-лагаете.

Она извиняется и — карточку:

— ЗНАЕМ МЫ ЭТИ ПРИГЛАШЕНИЯ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ!

— МОЖЕТ, ВСТРЕТИМСЯ ЗАВТРА?

— ХОРОШО.

— НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ И ДОЛГО ГУЛЯЛИ. МЫ НРАВИМСЯ ДРУГ ДРУГУ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ.

— МЫ НЕСКОЛЬКО РАЗ ВСТРЕТИЛИСЬ И ГУЛЯЛИ. УЖЕ СКУЧАЮ БЕЗ ВАС.

— МЫ СИДЕЛИ У МЕНЯ ДОМА, НО МНЕ НИЧЕГО НЕ БЫЛО ПОЗВОЛЕНО.

— Я ЛЮБЛЮ ВАС. ПРИЗНАЮСЬ ВАМ В ЭТОМ ПО-СЛЕ ДОЛГИХ МЕСЯЦЕВ ЗНАКОМСТВА.

Брид по дороге к нему объясняет:

— Чтобы познакомиться с порядочной женщиной, нуж-но чрезвычайно много времени тратить на ухаживания. А кар-точки оберегают приличия, но сокращают многомесячное уха-живание до десяти долек времени.

Утром Мена пригласила нас на выставку своего отца. Го-ворят, открытие. Удивительно, сколько тут народу — зап-росто не ходят на работу при всех строгостях. Я теряюсь, ко-го хватать и тащить на Г/А. Пока надо приглядеться, как бы впросак не попасть.

Приятно побыть с порядочной женщиной. Она, конечно, переплюнула Додо. Брид смеется, что порядочная агломерат-ка переплюнет любую Додо, если внешние приличия попе-рвоначально соблюдены.

Мы приезжаем на выставку. Торжественные речи — чуть-чуть. Умные агломераты не тратятся на нелепости. После церемонии растеклись по залам.

Первая потрясла. Название «Торжество Разума». Сто ме-тров на двадцать пять. На полотне 999 президентов — обыч-ный рабочий день. Делают историю, регулируют общество — сложный организм. Воистину торжество Разума! — Это я со слов Брида.

Следующее полотно крохотное — сорок на пятнадцать мет-ров, довольно традиционное — «Прощание». Космолетчик, прильнув к иллюминатору, смотрит на удаляющуюся планету. Рядом грандиозный холст «Битва галактик». Страсти. Фу!..

Зато — оцепенел. «Гибель Вселенной». Картина — чудо. И —

— Сейчас эту тему редко затрагивают, — говорит Мена, — Установился прочный мир. Но отец еще раз задумался — и вот...

На пустынной площади лежало тело погибшей девушки. В неловкой позе. И ничего больше. Покрытие дороги и перестав-шее быть тело.

И я узнал натурщицу — это была Фашка.

Гибель Вселенной.

Ее гибель.

Как верно Дион угадал.

— Триптих «ОН».

В искореженном пространстве Черная Кнопка и нажимаю-щая ее конечность.

— Почему-то у нас такое представление об апофеозе Дура-ка, — говорит Брид.

На втором полотне триптиха — наш семисерый флаг, лежащий где-то. На нем босые отпечатки — словно кто-то откуда-то куда-то прошел, а дорогой наследил. Это Он прошел.

На третьей — обычная наша улица. Все прячутся за дверями. На пустынной один агломератик — его лицо ужасом, пятится. Теряет равновесие. Вот опрокинется, а на него — тень, огромная, надвигается. Тень! Обрушивается тень... Это Он!..

Другие вариации картины: «Он прошел» — несколько агломератов и агломераток, ошеломленные, стоят, оплеванные, забрызганные грязью; «Мечта Дурака» — агломератка униженно стоит; «Кто там?» — агломерун смотрит в глазок стальной двери, не решаясь открыть пришельцу.., может быть, близкому другу или старому знакомому.

И — обухом: «Приглашаю в мой кошмар».

Агломер смотрит в зеркало на себя — вопросительно. А отражение с тревогой смотрит на него.

Мне почудилось, что обо мне.

Тут Дион подошел. Знакомимся. Я говорю, что «Приглашаю в мой кошмар» — это про меня.

— Знаете, это про любого, — говорит Дион. — Налетит так ужас, а вдруг Он — это я...

— Отчего вы не рисуете Аграрку? Только Агломерашку?

— Вы это бросьте — «Агломерашка». Вы, очевидно, из глубинки. Аграрку рисовать запрещено. Да и противные там краски, несерые. Там все удручающе пестро.

В этот момент событие. Возле «Торжества Разума» толпа, внутри бородач, чего-то объясняет, ярится. Потом мчится, навстречу демонстрация. Брид говорит — это «Женщины за свободную расстановку кастрюль». Очень широкое движение. Шире только «Интеллигенция за правильное вращение планеты».

Дион узнал, пришел, говорит:

— Это Чунча. Стал разъяснять посетителям, почему моя картина — убогая мазня. Посетители справедливо решили, что раз моя картина официально признана, значит критиковать ее может только Дурак.

Мы сели в шиману.

За поворотом — бежит.

Дион затормозил. Чунча. Ба, мой знакомый бородач — тот, которого я спас от «Молодежь за неприкосновенность с куки».

Мне странно, что Дион его спасает. Чунча меня узнал.

Мы потом вышли — нам по пути. У меня голова кругом. Баста, завтра к нормальной, а то запутался.

* * *

У Чунчи сижу. У него какой-то — Бут. Поэт. Толстый, одышливый, глаза топорщатся.

— Чего? Дион? — говорит Чунча. — Так всем известно, что я за него рисую. Он — бездарь. Он — чиновник. А я — творец.

— Как же ты критиковал — свою картину?

— А у меня два стиля работы: для выставок — мазня, а для себя — шедевры. А мазию и критиковать не стыдно. Ха.

В комнате, оклеенной туалетной бумагой, причем рулончики болтаются кое-где, стоит картина у стены. Тот же сюжет — «Приглашаю в мой кошмар».

— Для Диона я сделал однозначно. А мой агломер сам не знает, чего боится. Не знает, чего хочет и чего боится... Разница. А они нашли отличный выход для себя. Это удобно: вынести все идиотское, мерзкое, нелепое в себе — за пределы себя и наделить совокупностью дрянных качеств мифическое существо — Дурака. Если бы не было Его, мы бы давно поняли, что мы сами никуда не годимся. А так — все списываем на Него.

Я потерянно слушаю. Понять бы смысл, что он говорит.

— Не ершись, — говорит Бут. — Пока работают ласкатели зрения и слуха, можно не ожидать потрясений. Едва начнется брожение, достаточно пустить на экраны многосерийный приключенческий фильм, что-нибудь о первопроходцах космоса, — и все будут прикованы к своим квартирам в определенные часы — не надо и комендантский час вводить.

— Как у тебя много книг, — осмотрелся я. Чунча презрительно кривит рот:

— Книг выпускается жуткая жуть, а на складах их нет — нюхатели расхватывают мгновенно. Стали выпускать с отталкивающим запахом — так сразу развился извращенный вкус к дурным ароматам.

— Отменили бы вовсе пропитку переплетов, — внезапно предлагаю я.

— Нельзя. Защита предусматривает ароматизацию переплетов. Выпускают все новые виды мебели, модничают с люстрами и побрякушками — столько глупых усилий. А на складах недостает хороших книг. За собрание сочинений изволь душу продавать.

Пока Чунча разглагольствует, я вижу, что Бут не в себе — похоже под таблетками... Вот стакан выронил. Упал разбился.

— Даже стакан здесь не могут как следует сделать! — внезапно орет, перебивая Чунчу, Бут. — Вот на Альфе-

Центавра у меня почему-то ни один стакан не разбивался — и нарочно бросал. Потому что там все делают на совесть! А у нас? Дикость. Палки-копалки!.. Вот вы Бажан, во все глаза смотрите на меня, а заметили, что у меня искусственный глаз?

— Н-нет.

— То-то! Производство Альфы Центавра. Не отличишь от настоящего!

— А где вы потеряли глаз, если не секрет?

— На Альфе Центавра во время гастролей. Шел поздно вечером — один — по улице. А кто-то сзади подкрался, да как шандарахнет меня по голове! Верхний глаз так и вылетел! Ну, скажите, разве у нас на планете могут так изящно ударить, чтобы глаз вылетел? Нет, дикари. Уж если у нас двинут, то или мимо, или голову всмятку, мозги наружу. А чтобы изящно...

— У нас воровства нет и по голове никого никогда не бьют, — говорит Чунча не без улыбки.

— Ну и что? Чем хвастаемся? И тут на других не похожи. Деньги упразднили, воровство упразднили, по голове бить упразднили — посмотрите на цивилизованный мир галактики: товарообмен есть, воровство — пожалуйста, по голове — извольте... Видите мой глаз? От настоящего не отличишь! А как они мне ногу сделали! Заглядень! И не замечаю, что пластмассовая.

— Как же вы ногу-то потеряли? — ужаснулся я.

— О! У них там на Альфе — демократия. Не то, что у нас. Не понравился им мой концерт, зрители схватили меня — и под поезд. Потом быстро вынули — и раз искусственную ногу. При чем за счет государства — с меня ничего не взяли! А что касается свободы! Какая на Альфе свобода! На улицах делай что хочешь. Куда хочешь иди, откуда хочешь — возвращайся, пой, танцуй, декламируй, правительство ругай! Только с белой черты не сходи, а так делай все, что в голову придет!

— А что за белая черта? — спрашиваю я.

— У них на улицах по тротуарам белая полоса проведена — пять сантиметров ширины. Сойдешь с нее — тут же током убьет. Но если с черты не сходишь — то иди куда хочешь, танцуй, пой, критикуй!.. А правительство! Не то, что наша нелепая лотерея! Они пускают претендентов на высший пост в одну клетку, и тот, который съест всех остальных, становится главой государства. Вот это — справедливость! Каждый наслаждается, как хочет. Вечером, если ты не забыл накрутить динамо-машину, — тепло, светло, уютно в твоей квартире!

— Какую динамо-машину? — спрашиваю я.

— У них так принято: никто тебя не будет за так снабжать светом и теплом. Поэтому просыпается житель Альфы Центавра, завтракает, если есть чем, и начинает крутить динамо-машину. К сумеркам уже накапливается достаточно электроэнергии — и вот уют! А какие там ласкатели! Куда нашим — палки-копалки! Например, плюнет ихний фильмский главный герой, а плевков зрителю прямо в рожу из ласкателя. Слово не герой, а настоящий. Один раз мне посчастливилось: рекламировали напитки, а один сорт забраковали и выплеснули из бокала — так прямо мне в лицо! Тронул — мокро! Нам их в тысячу ступеней не догнать. Мне кастрюлей голову разбили — супруги на экране дрались, — а махнули в меня. Один раз во время фильма про войну мне бок прострелили. — Бут немедленно показывает нам зарубцевавшуюся рану. — А в баре однажды бармен мне в лицо плюнул — так демократично плюнул. Говорит, вонючий иностранец! Разве у нас умеют так непринужденно вести себя с иностранцами — у нас перед ними лебезят... А какие бабы на Альфе! Какие формы! Возьмет насос, пух-пуф — и грудь — о-о! Еще пух-пуф — и задние округлости как воздушные шарики! Случайно уколется и — ш-ш-ш... как камера..., но такой женственный звук — ш-ш-ш... Подклеит, снова надует — и язык проглотит! А для мужчин у них имеются штучки (у нас разве могут? эх!). И штучка эта делает мужчину на пять сантиметров привлекательнее. Этакая воздушная камера: сунул, подержал... готово. Восторг!

— И вы воспользовались.

— Вне сомнения.

— И?..

— Я перестарался — сразу поставил на шкале пятнадцать сантиметров. Пришлось немного подлечиться в больнице... А дети... Я их и прежде не хотел, и до больницы, когда еще мог... А какие у них поэты! Пишут — по вертикали. А мы — палки-копалки! То же самое в живописи. Раскованность мысли и демократия всегда приводят к прекрасным, потрясающим результатам. На Альфе в корне пересмотрели живопись. Они новаторски вешают картины красками к стене. Просто, как все гениальное! А как это воспитывает воображение зрителей! И то же отрадное во всех областях жизни!

— И все же, когда у них сломался Главный Э-мозг, они сами не справились, — сказал Чунча, — позвали наших специалистов — оранжевых.

— Починили, да. Но чуть ли не молотком и зубилом.

— А плевать. Зато починили. Кончай треп, Бут, — брезг-

ливо кривя губы, строго сказал Чунча. — Лучше прочти стихи.

Бут стал ломаться. Потом вдруг встал и — прочел. Я даже обмер. Я решил было, что он дегенерат. Оказывается, не совсем.

— Баллада о ста женщинах, — провозгласил Бут.

Полсотни женщин снилось мне, когда я был ребенком.

Но голод рос, и я решил, что к жизни полному столу пришел я с мелкой ложкой.

Сто женщин — вот какой предел поставил я подростком.

Но голод рос, и я решил, что женщин ста мне мало, что к жизни полному столу пришел я с мелкой ложкой.

ОДНА лишь женщина, одна — такой предел поставил я, когда мне было двадцать.

«Послушай, парень, ты — наглец! — сказали мне тогда. —

Ты к жизни полному столу пришел с ОГРОМНОЙ ложкой!»

Одна лишь женщина, одна — предел недостижимый!

И сотня женщин снится мне в моем кошмарном сне.

Как глуп я был, когда мечтал о них подростком! Ста женщин мне не избежать.

Меня сто женщин стерегут, меня сто женщин берегут, одной меня не отдадут...

У жизни полного стола застыл я с мелкой ложкой.

Мена, Додо и — Фашка. Подумал я. Странно, как агломерат может нести ахиною и одновременно сочинять такие стихи?..

— А у вас есть дети? — вдруг спросил я Бута.

— Увы, недостойн, — говорит он.

— Разве это требует достоинств? — удивляюсь я.

— Заиметь ребенка не так-то просто, — поясняет Чунча. — Защита не дремлет. Прежде, чем сдать зародыш в инкубатор,

надо предоставить справки о том, что ты и твоя жена (именно жена, а не знакомая потаскушка!) достойны выращивать детей. Надо доказать, что вы любите друг друга, что вы обладаете достаточными нравственными качествами, глубоко теоретически подготовлены к воспитанию, хорошо образованы, не имеете дурной наследственности, здоровы, а также имеете целью не споровить утешение на закатные ступени жизни, но вырастить и воспитать полноценного гражданина для Агло. Душу вымощаешь, пока докажешь, что ты воплощенный ангел, достойный растить молодую поросль...

— Как умно! — говорю я. Я теперь иначе смотрю на отца и мать. Ведь они прошли рогатки бюрократии. Значит, были достойны.

— Очень умно, очень умно... — бормочет Чунча.

— А откуда так много агломерашей? — внезапно говорю я.

Чунча глаза вытаращивает и смеется:

— Ну, Бажанчик, ты подметлив. Если такие высокие требования для обзаведения ребенком, то достойных и быть почти не должно? А первое условие Победившего Разума? Мы семи пядей во лбу, по официальной версии, мы все достойны. Или ты другого мнения?

— Я сказал, не подумав. Вина моя и только моя, воистину вина.

— Запомни, Бажанчик, нет такого яда, на который пронырливый ум глупца не придумает противоядия. Вот почему большинство так легко получает справки о готовности к величайшей ответственности. Не мытьем, так катаньем... ха-ха... Что может остановить тупоумную агломератку, которая задумала привязать к себе мужа с помощью ребенка? Какие бюрократические рогатки? Никакая Защита не оградит гада от гадости — она не может предвидеть всю колоссальность героики тупоумия, доведенного до отчаяния.

Смысл его речей темен был для меня.

* * *

Вместе с Бачи, Начи и Рачи в Центре Высокого Обучения. Из любопытства напросился.

Вводят в огромную аудиторию. С трудом свободное. Шумище. Вошел: на пределе возраста, сугорбый, но глаза вместительные — насосы, жадные до впечатлений.

— Нуте, — говорит, — молодые друзья, на чем мы остановились? Итак, последняя четверть пролета перед открытием принципа неглупости и зарождением ЗОД. Прелюбопытнейшая эпоха. Начнем...

И он замолчал. Только насосы — глаза — работают. Я Ба-чи шепотом: «Почему он только глядит на нас, а — молчит? Когда он начнет?» — «Да ведь он уже начал.» — Как так начал, когда он помалкивает да таращится на нас! — «А кто гарантирует, что среди студентов нет Дурака? А Дурак, он ведь может не так понять, неверно истолковать. ЗОД чутко охраняет историю от Его посягательств.» — «Выходит, профессор так ничего и не расскажет?» — «Имеющий уши — услышит.»

Но, как ни странно, сколько ни трогал я свои, имеющиеся, уши, я ничего не услышал. Профессор даже губами не шевелил. Однако все напряженно слушали, в аудитории была почтительная и внимательная тишина. Некоторые студенты конспектировали. Мне стало скучно и в то же время обидно: восхитительный смысл отчаянной защиты истории от Него не достигал моего умишка... Я, похоже, задремал.

— ...и в той же ступени был открыт принцип неглупости агломератов, что создало прочную основу для креации систем Защиты От Дурака, — неожиданно, хрипло, после часового молчания, сказал профессор, нарушив настоявшуюся тишину. Я очнулся. Лекция заканчивается. — «Вопросы, пожалуйста.»

Встал один: с насыщенными серыми пятнами смущения на лице, глаза такие же вместилища, как у профессора.

— Скажите, профессор, неужели все то, о чем вы сейчас так выразительно молчали, — правда?

— Увы, — торжественно произнес профессор. Больше вопросов не было.

* * *

Я возвращаюсь с работы. Центр перекрыт. Шиману тормозят. Лиловые предупреждают, что на площади перед Оплотом — кварталами 999 президентов — собрались нонфуисты. Я с любопытством.

Площадь громадная. Тысячи агломератов. И на трибуне один ярится. Я: кто? Мне: Пим.

Пим! Брат!

Я во все глаза. Обрюзгший. Высокий. Глаза вялые, хотя почти кричит. Нонфуистишка! Слушаю:

— Братья! Восчувствуем! Взыскуйте и обрящете! — речитативом говорит Пим, а толпа подвывает в одобрении. — Ибо дрожит и не дрогнет, ибо колеблется и непоколебима! Скажите себе: истинно верую, — и сгинет душевная боль, и воспрянете к будням своим. Скажите себе: истинно верую в Торжество Разума.

— Веруем! Веруем!

— Сегодня для нашей беседы я выбрал слова Учителя!

«От дурной привычки нельзя избавиться, выбросив ее в окно. Нужно медленно свести ее по лестнице.»

Чтение — единственный вид спиритуализма, только так мы можем вызвать тени прошлого, чтобы они поддержали нас своей мудростью. О чтении можно сказать, что это телефонная связь между современниками и почтовая, в один конец, между настоящим и будущим.

Мы, нонфуисты, верим в агломерата, в это вместилище порока. Верим в агломерата, в этот зыбучий песок, в эту мертвую воду. Мы верим в агломерата, истерзанного борьбой со злом в себе, со своей глупостью, агломерата, полного суетности и тщеславия. Мы верим в него за его порыв к свободе, за безумную игру воображения, за его головокружение, когда он смотрит на звезды, за его способность быть товарищем, братом; за его смех, за его слезы, за стойкость и мягкость! В М мире нет Дурака! И он есть — в нас самих! Именно из себя мы должны изгнать беса. Это и есть наша система защиты от дурака. И она надежнее электронных ловушек ЗОД!

От дурной привычки не думать или думать, имея в виду только часть предмета, не стараясь охватить мысленным взором пространство большее, чем семь условий якобы победившего разума, большее, чем пространство перед собственным носом, — вот что делает человека дураком, — от этой привычки быть Дураком нельзя избавиться, выбросив ее в окно. Этого нельзя сделать в одно мгновение. Скажем, провозгласив Духовную Революцию, вколов в зад самое премудрое лекарство, придумав похабные условия разума. Нет, наш Учитель, изобразивший в своих трудах глупость агломератии, учил, что и тысяча ступеней не избавит агломератов от проклятия глупости, если оно выбрасывает ее в окно — хотя бы в такое просторное окно, как Защита. Глупость возвращается через дверь. И так без конца. Сводите ее медленно по лестнице, и она зачахнет по пути, все уменьшаясь и уменьшаясь. Нельзя спрятаться от укуса змеи за бетонной стеной ЗОД, если эта змея в твоём сердце!

ЗОД вокруг каждой кнопки ставит десять других кнопок блокировки, чтобы гарантировать нас от случайного жеста Дурака, случайного жеста, который якобы может принести гибель планете. Двери оббиваются стальными листами, чтобы Дурак не проник в квартиры. Вечером, тем паче ночью, мы не выходим на улицы — как же, Дурак нападет! Оскорбит, обидит, изнасилует — еще что? Ни одно решение не принимается толком — обязательно скопом, при этом любой не несет ответственности. Мол, если в скопе окажется Дурак,

остальные его останвят. Удивительно, почему семьи у нас не из трех агломератов — ведь так надежней!

Даже трех президентов нам показалось мало. Для пущей гарантии мы их наплодили 999 — разбиты по тройкам, и тройки следят друг за другом — как бы кто не ошибся! Нет ни брата, ни сестры, ни отца, ни матери, ни дочери, ни сына — есть потенциальный Дурак. Ни друга, ни подруги. А в поколении этом-то, текущем-то, Его-то может и не быть! А верят в Него — только бы не видеть, как все кругом летит в тартарары!

Есть ли на свете дураки? Да. Те, кто верит в существование дураков и жестоко преследует их. Других дураков в мире нет.

Есть лишь дурное и оно — случайно в нас. Мы принуждаемы к дурному дурной обстановкой вокруг нас. Сведем же это дурное медленно-медленно вниз с лестницы и простимся с ним.

И возрадуемся началу новой жизни!

Но не противьтесь Дураку насилем — и ослабеет Он, и дрогнет Его сердце, и смягчится, и возопит Он: «Не могу идти и топтать, не могу потворствовать злу в себе и во мне, не могу не задуматься о последствиях дел своих, глядя в их голубиные глаза!» И изрыгнет Он злобу из утробы своей, и пойдет навстречу нам с просветленной душой! И мы приветим Его, раскрыв объятия, понеже и мы остались чисты, не запятнали себя ни злобой, ни, тем паче, недобрым словом, ни преследованием несчастного, обделенного умом и пониманием нравственности.

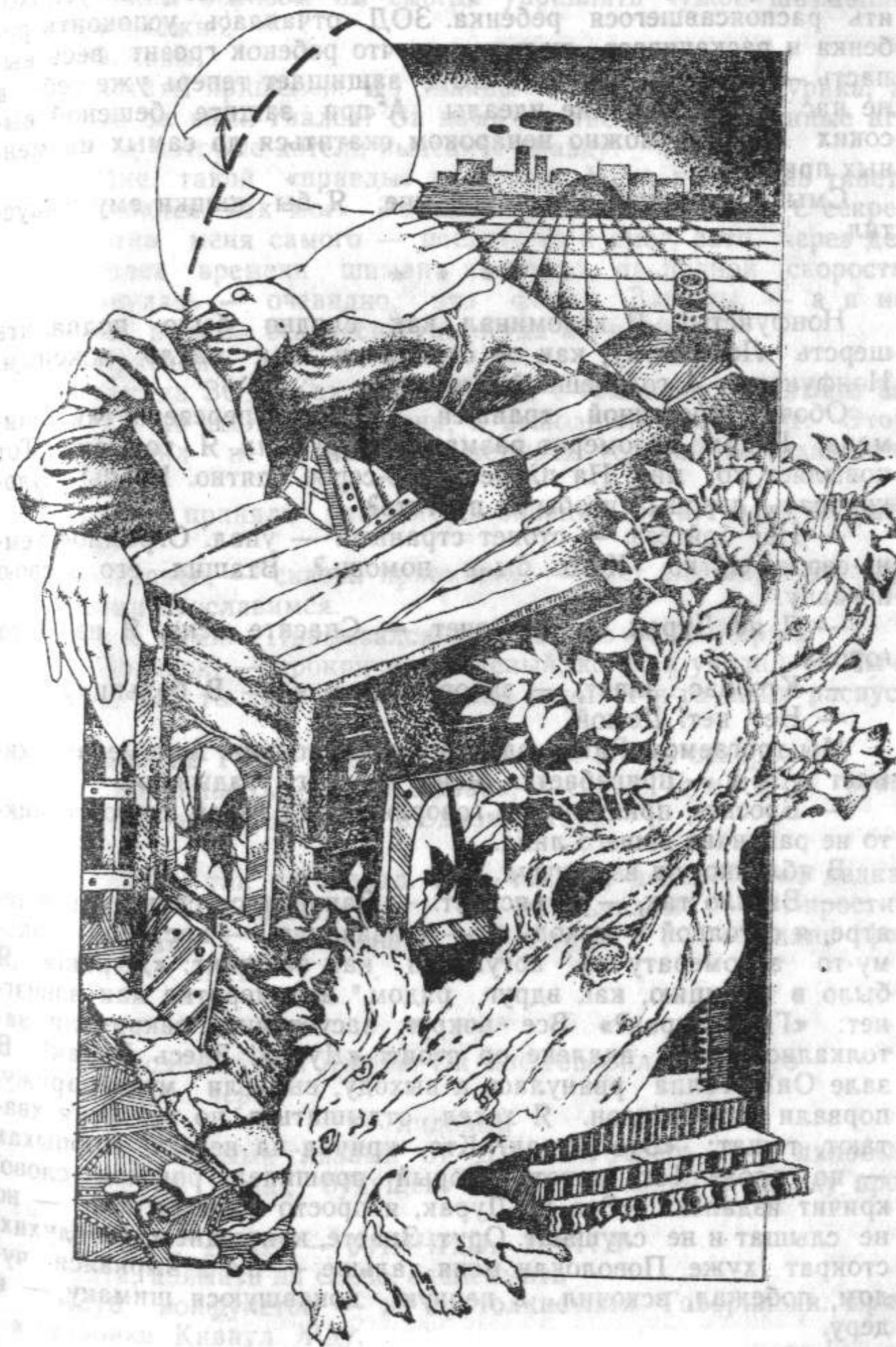
Братья! Наше время — время потрясения корней. Колоссальная прекрасная система ЗОД не выдерживает напора агломератской глупости.

Рядом со мной агломерат пробормотал, видимо, такой же случайный прохожий, как и я:

— Зачем про смирение-то пристегнул? Выходит, Дурак таки есть? Или нет?

Я застыл, ухватив своим умишком у Пима фальшивую ноту: «напор агломератской глупости». Откуда? На планете лишь один Он. Как он может создать целый напор глупости? Одиночество? До того, как проявит себя? Даже если Он тайно гадит, то это действительно тайно происходит — и напора невозможно ощутить. Тут Пим опять чушь...

— Все мы, окончательно ошалев, — продолжает петь Пим, — решили, что можем делать все, что нам взбредет в голову, жить, как попало, работать, как придется, — и если мы натворим такое, что творить не стоило бы, так за нашей спиной маячит ЗОД, которая в любой момент нас поправит. ЗОД стала исполинской нянькой. Но нянькой обозленной... грубой,

которая раскачивает люльку в остервенении, не умея успокоить распоясавшегося ребенка. ЗОД отчаялась успокоить ребенка и раскачивает люльку так, что ребенок грозит весь выпасть — хотя бы и в Г/А. ЗОД защищает теперь уже себя, а не нас, свои высокие идеалы. А при защите бешеной высоких идеалов можно ненароком скатиться до самых низменных приемов.

Смысл его речей был темен мне. Я бы кишки ему выпустил.

* * *

Нонфуисты! Я вспоминал, как сладко было подпалить шерсть Лохматому, как он скулил и как пахло жженым. Нонфуисты! А головешкой в морду?

Обочь шоссейной траншеи дымится перевернутая шимана. Рядом агломерат размахивает руками. Я торможу. Тот жовыляет ко мне. На плече темно-серое пятно. Кровь! Блокировать дверцы, чтобы не пустить?

— Не бойтесь, — стонет странный — упал. Огромное темно-серое пятно. Кого бы в помощь? Втащил его в свою шиману.

— Я не Дурак, — бормочет. — Спасите меня. Я из 16-го города.

— Кто вас знает, — забормотал и я. — В больницу?

— Нет, нет! Домой.

Мы трогаемся. Раны здорово кровоточили. Агломерат сжимает зубы и — пригибается. Ясно. Я вдруг угадываю.

— Бросьте, приятель, — говорю. — На такой скорости никто не различит вашего лица.

В яблочко: он вздрогнул.

— Вышло так, — объясняет. — Закончился спектакль в театре, я с толпой к выходу и — угораздило! — наступил какому-то агломерату на ногу. Он как зашипит: «Дурак!» Я было в амбицию, как вдруг рядом агломератка как взвизгнет: «Где Дурак?» Все вокруг засуетились, закричали, затолкались. Уже вдалеке ор стоит: «Дурак! Здесь Дурак! В зале Он!» Толпа рванулась к выходу, вынесли меня наружу, порвали комбинезон. Я хотел отдышаться, но тут меня хватают, тащат: «Это Дурак? Кто кричал на него?» Впопыхах — по голове. Тот идиот, который прошипел роковое слово, кричит издали: «Это не Дурак, я просто обозвал его!» — но не слышат и не слушают. Орут. Знаете, кричащие хуже глухих, стократ хуже. Поволокли меня дальше — ну, я вырвался чудом, побежал, вскочил в первую попавшуюся шиману — и деру.

— Каким образом вы смогли управлять чужой шиманой? Это невозможно.

— Экинвы.

— Кстати пришелся. Но экинвы — средство от Дурака, а разве Он за вами гнался? За вами гнались обыкновенные агломераты, которые хотели выяснить правду.

— Мне такой «правды» не нужно. Меня на Г/А не тянет. Выкручивался, как мог. Экинвы оказался, конечно, с секретом против меня самого — поехать-то я смог, зато через десять долек времени шимана внезапно на полной скорости перевернулась — очевидно, это фокус Защиты, — а я не закрепил ремень безопасности... Куда мы едем?

— Приехали.

Пирамида ЗОД. Как бы этот тип с темно-серым пятном во весь бок ни смотрел на меня, я выполнил свой долг. Этот тип нарушил не меньше трех-четырех условий Победившего Разума.

Лиловые приняли раненого, я обвинил его в Глупости, расписался.

— Спасибо, — сказал приемщик, — даст случай, и это Он, мы с вами прославимся.

«Мы с вами». Примазался к вилам по воде. Хорош!

— Подонок! — прокричал раненый, когда я уходил. — Ты и есть Он, раз ты так коряво понял меня. А я-то нюни распустил...

Он шел на Г/А — ему терять нечего. Пусть оскорбляет.

Все правильно... А если ошибка, а если... Думать об этом запрещено, об этом нет ни в одном уставе.

Вдруг:

Дедка бы так не сделал. При чем тут дедка? Я не дедка, и баста . . . брызжейка . . . пртыдьпломт . . . протик . . . авцап . . . шимана . . . трах . . . какие фанерки . . . лист . . .

* * *

Буду только что у Джеба. Он мне говорил бы то что Приняли... через

лиловый

С заслезенными глазами от Джеба я теперь буду лиловый медвяный запах будущего я лягу камнем в кладку против Него

ПЕРВОЕ ДЕЛО — УЛИЧИТЬ БРАТА

найти, поймать на слове, заклеить

Клуб нонфуистов — не протолкнешься. Говорильня. Брат в сторонке. Кивнул. Жду.

ТОКОМ: вон там, там — без места, у стенки, норовит на дыпочки, шрамик над бровью (я на полянке, прижав к траве — в глаз), глаза птички, круглые, несерые! Завороженно: Фашка. Это, как шлем: мертво, ни одного голоса. Час, два — тишина — рты открываются — Фашка!

Толпа выходит вышвырнула в коридор. Я — неподъемный камень.

— Фашка!

— Ты?

Ударит? Ударь. — А она ласково улыбается:

— Как дела? Давно в Агломерашке?

Чужой, взрослый голос. Простой, заштопанный на груди комбинезон. У Додо пикантнее, у Мены роскошнее. Откуда у меня это слово — пикантнее? Где я его подцепил? Не светится комбинезон. Забыла, как я ее...

ориентация на потребление рост квалификации попикиантей

порыжергуд беззащитна но почему кварки путь реминисценция мы сидим во дворе она говорит что нисколько не обижаюсь на меня и то не имело никакого значения просто мы были молодые и глупые

а ведь это было всего лишь полступени назад тогда для нее это имело значение если бежала в Агломерашку

— Ты не обижаешься на меня?

— За что? Ах, ты о том. Нет, я давно забыла. Это не имеет никакого значения. Просто мы были молодые и глупые. В жизни есть вещи поважней. А агломерата и агломератку должны связывать более крепкие узы — духовная общность. Поэтому твой поступок — ничто, он не мог обидеть меня. Ты не коснулся духовного.

а во взгляде ненависть ненависть ненависть мы ведь старые друзья говорит а глаза пустые птички, несерые пустые потому что меня в них нет

— Как тебе Агломерашка? — спрашивает Фашка. Я забыл, где встретил ее — у нефуистов — и захлеб:

— Потрясно! Нелепо, что я до шестнадцатой ступени маялся в проклятой Аграрке. Здесь — жизнь, здесь — гармония, здесь — счастье. Этот спокойный ровный серый цвет, эта величественная безразнообразная архитектура, эти несомненно, невозвратно, безызынно умные агломераты и агломератки, этот ежедневный парад разума и величественная погоня за Ним, которая завершится грандиозным триумфом, — все это взметнуло меня на невиданную высоту. Я вырос в эти дни и, клянусь, дорасту до настоящего коренного агломерата — дай срок!

— Из какой это брошюрки?

Оторопь. В глазах ее оторопь — даже ненависть отодвинула.

Пауза. Любовь беззащитна, говорит Брид.

— А ты, — едва собирая звуки в слова, продрожал я губами. — А ты разве не так приняла? Ты... нефуистка?

— Бажан, мне кажется, что, если бы выпал случай, то ты снова сделал бы со мной... то же самое. Даже грубее, без чувств вины. Ты не вырос, ты — усох. Ты спрашиваешь, Агломерация? Смердящее ничтожество, спесивое, из-за выеденного яйца, место, где навалено много гладких вертикальных и горизонтальных поверхностей, где накоплено мириады вещей, ценностей и афоризмов. Это одна душная церковь, где молятся Ему, где ждут Его пришествия, где Того, светлого, заменили Этим, иссера-серым. Молись, новоблаженный Бажан, молись. Авось вымолишь себе честь лизнуть зад Ему, когда Он придет и снимет комбинезон... Нет, я не нефуистка. Нефуисты — дрянь. Одноглазые среди слепых. А я хочу быть двухглазой, трехглазой!

— Я обвиняю тебя... — слогами, рвано недопроизнес я.

— А я ошиблась и прошу прощения, — нагло усмехаясь, говорит Фашка. — Вина моя и только моя, воистину вина.

Мы стоим друг против друга Увидимся? Нет. Да? Нет. Да?

— Да. Ведь мы родные, и мне жалко тебя. Среди нас, небогатых, ты особенно беден. Я не хочу, чтобы ты усох.

Не понимаю ее. Ей бы меня возненавидеть.

* * *

Ежеступенный Парад Разума. Впервые — я.

Рядом шагает Брид, и я с восторгом пялюсь на его отглаженный лиловый комбинезон. У него какие-то неприятности, и он бурчит непонятное, бубнит всю дорогу до площади перед Оплотом:

— Жители Агло живут поразительно прекрасной жизнью. Большинству из них противна их ежепопыточная работа, и они блаженствуют, потому что ради общего блага им выпало счастье преодолеть свое отвращение к труду и служить обществу. Рано утром, когда они мучительно хотят спать, они бодро и радостно вскакивают, чистят свои гнилые кровотокающие зубы, съедают ту дрянь, которую им подсовывают на складах продуктов, бреются тупыми — Защита! — бритвами или намазывают лицо до неузнаваемости и спешат, чтобы не опоздать; потом одни трудятся до мозолей — единицы, другие слоняются по производствам и делают вид, что над чем-то

усиленно думают; те и другие в определенный час идут обедать, в определенный час едут домой. И так — в течение десятков ступеней. Они никогда не задумываются: для чего они живут, ради какой такой цели встают, не доспав, и мчатся создавать материальные блага, почему вечера напролет смотрят ласкатели зрения и слуха, которые сами презирают и клянут за скучное однообразие; не задумываются, зачем женятся или выходят замуж, кроме животного желания и продолжения рода — то есть новых агломератов, которые, недоспав, побегут создавать материальные блага. Они не задумываются, почему они ради производства все новых и новых вещей — новых модных разновидностей того-то и того-то — отдают самое дорогое в жизни, а именно свое время. Тогда как можно было бы производить разумный минимум вещей и отдавать время более важному, чем новая модель туфель, новый ласкатель или новый вид туалетной бумаги. Но они уже не могут остановиться и договориться о прекращении безумной возгонки вещей, о прекращении делания все новых агломератов — для непонятной, бесцельной жизни, направленной только на все более совершенное самообеспечение вещами, шманами, мебелью!.. Ты, Бажан, не слушай. Впрочем, ты ни шиша не поймешь — поэтому я тебе все это и говорю... Духовная Революция? Мы ее и не нюхали...

Мы с трудом пробивались сквозь толчею на площадь Оплоту. Толпы были в сто раз больше, чем во время встречи нефуистов. Площадь была единой сплошной толпой. Перед Оплотом были трибуны, перед ними — ряд лиловых. На трибунах много-много людей в диагональных комбинезонах — президенты. Они держались тройками, а тройки все время быстро перемещались по трибуне, которая была как бы огромной сценой.

— Брид, почему президенты не стоят на месте, а словно мелькают?

— Хотят спрятаться друг за дружкой. Каждый в тройке норовит спрятаться, и каждая тройка, в свою очередь, тоже старается укрыться. Тройки, которые оказываются впереди, проталкиваются внутрь. Они боятся ответственности. Это «танец президентов». А главное, мы никогда не знаем, кто какое решение принял и кому мы за него должны либо сторицей, либо в омут головой.

Все президенты были великолепны, их так много, что я не знаю, на которого смотреть.

— А вот тот, чубатый, — говорит агломераткин голос рядом, похоже, на ногах не держится.

Я ошеломленно оглядываюсь. С остервенением: кто? Но во-

руг десятки агломератов — и все смотрят на толпу президентов с одинаково восторженным выражением лица. Очевидно, мне послышалось.

Президенты — выступать. К микрофону — и говорить. Я не все понимаю. Кое-чего не слышу. Голова трещит. Ура! Ох! Разум! В диагональных комбинезонах. Ура!

— ...Окинем взглядом достижения Разума! Мы...
— ...мы также положили конец многовековой борьбе агломерата с природой — мы загнали природу в Аграрку и в резервацию, где она медленно дотлевет и больше уже ничем не грозит агломерату.

— ...мы высушили моря и превратили их в колоссальную свалку, видную далеко из космоса, мы превратили планету в Пустицу. Да здравствует Разум!

Толпа владеющих, подхватывая, закричала:

— Да здравствует Разум!

Толпы подвластных пророкотали:

— Да здравствует Разум!!!

— ...мы разумно осваивали космос и участвовали всего лишь в полутора миллионах войн и потеряли в них только девяносто два миллиарда агломератов. Эти ничтожные потери Агломерации есть яркое выражение торжества Разума на протяжении всей истории Агломерации! В то время, как мы могли не потерять ни одного агломерата погибшим, мы потеряли всего лишь девяносто два миллиарда. Вот к чему приводит Разум. По-настоящему оценить неповторимость жизни агломерата, глубину этой жизни можно только после того, как он перестал быть. Наше огромное счастье, что мы смогли познать утрату 92 миллиардов агломератов. Тем самым мы остро ощутили неповторимость каждой из этих жизней и оценили горечь потерь. Если бы мы не ценили так высоко жизнь каждого, именно каждого, тогда бы погибло не 92 миллиарда, а намного меньше. Но мы принесли на алтарь самое ценное.

— Да здравствует Разум!

— Да здравствует Разум!!!

— ...мы добились того, что стоит одному агломерату солгать в одном конце Агломерации, и эту ложь через несколько долек времени уже принимают за незыблемую правду во всех уголках огромной Агломерации. Это и есть чудо средств коммуникации. А правда — это что? Это то, что никого не обижает.

— Да здравствует Разум!!!

Среди рева толпы я вдруг явственно слышу чье-то:

— Чем трепать языками, Дурака бы лучше изловили. А

то чучело его каждую ступень жгут...

Я остервенело кругом. Все с одинаково восторженными лицами. Почудилось?

— Да здравствует Разум!!!

Толпа взвыла миллионноглоточно, дрогнула и серым студнем колыхнулась в сторону трибуны президентов. Передние готовы повалиться на шеренгу лиловых, не подпускающих публику к трибуне, но внезапно словно упираются в невидимое препятствие.

— Электромагнитный пояс, — поясняет криком Брид. Оказывается, он здесь, не оттерли еще. — Невидимая стена. В комбинезоны всех агломератов вшиты тонкие пластины металла — и пояс отталкивает их со страшной силой.

Толпа продолжала неистовствовать, так что я едва слышу Брида, который мне в ухо.

— За-щи-та! За-щи-та! Ра-зум! По-бе-да! — скандируют кругом, аж уши трещат.

— Вот животы поотъедали, падлы! — прозвенел рядом чей-то. Я не стал оглядываться и искать: кто? Я, наверно, не революновался — и мне чудятся голоса. Может, это мои внутренние голоса? Тогда — о ужас? Нет, во мне нет, не может быть подобных голосов. И в толпе не может. Я брежу.

Внезапно вижу невдалеке агломераша, зажатого среди взрослых. Он истерически рыдает. И вдруг среди всего гомона — возможно, по губам — я отгадал, что он кричит: «Мама! Мамуся!»

Он тянется к агломератке, которая не смотрит на него, а иступленно орет и рвется вперед, ближе к родным диагональным комбинезонам.

Я кричу Бриду, что надо спасти ребенка, но он не слышит. Тогда я стал пробираться к агломерашу. Я толкаю агломератов изо всех сил, грубо, но ни один не обращает внимания. Тут толпа сгустилась еще больше и я остановился в нескольких шагах от агломераша, зажатый в тиски, — дальше не пробиться.

— Да здравствует Разум! Нет Дураку! Нет! Нет!

Агломераш упал. Я — а-а-а! Кто-то большой на волокут вперед. Не видят — а-а-а! Кто-то на лежащих вскочил, чтобы лучше видеть вперед.

— Ребенок! — рву себе легкие. — Ребенка задавили! Расступитесь! О галактика! — Они не слышат.

— Да здравствует Разум!

— Нет — Дураку!

— В порошок Дурака!

— Ура семи условиям Победившего Разума!

Ребенок! Спасите!

Мы победили! Мы победим еще лучше!

— О, спасибо Разуму!

— Эй, что тут за дрянь мокрая под ногами?

Брид бьет кого-то наотмашь.

— Пробивайся сюда, — орет мне, — а не то хана.

... сидим в каком-то подъезде. Брид бьет мне голову рукавом от своего комбинезона — оторвал.

— Легко отделались, — еще тяжело дыша, сбивчиво, приговаривает он. Снаружи после умеренной тишины — снова рев. Жуть.

— Чего там еще? — содрогаюсь.

— Небось чучело Дурака сжигают.

Я выполз из подъезда. Отсюда виден приличный кусок площади перед Оплотом. Над толпами колышится многометровое чучело — лишь отдаленно формой напоминает агломерата. Оно вымазано черным и броско выделяется над серым морем толпы.

Крики сильнее. Президенты неистово у микрофона, стараясь перекрыть толпу. Как будто сто ракет стартовали одновременно.

Метнулась вверх точка огня — и вся черная фигура сразу вспыхнула. Стартовали еще двести ракет, и еще двести. Я заткнул уши.

Фигура Дурака медленно горит, и стали вдруг заметны сгустившиеся сумерки.

Я зачарованно смотрю на языки пламени.

Я хочу, как можно скорее, прекратить делать то, что хочется. Ходить и ездить туда, куда мне хочется, распоряжаться своим временем по своему усмотрению. Я хочу прекратить думать то, что мне хочется, и хотеть того, о чем мне думается. Я хочу думать, хотеть и делать только то, что положено. Я хочу перестать быть недоразвитым, гадким, тупым мальчишкой — и стать полноценным живым существом, которое думает, хочет и делает лишь то, что положено. А я то и дело ошибаюсь. Деревенщина!

Немыслимый шум внезапно больше не раздражает, я даже отпускаю уши. Сладкий покой на меня. Дурак неспешно, верно, необратимо горит, и душа моя пылает радостью. Я рванулся бежать на площадь.

Брид подсек меня — и я падаю.

— Не спеши, олух! — шипит Брид.

Я укусил его. Он вскрикнул, но больше драться не стал.

Сидя на покрытии тротуара, я восторженно ласкаю взгля-

дом дрожащий студень толпы. Я с ними, один из них. Мои чувства — их чувства.

— Да здравствует Разум! — выкрикиваю я что есть мочи. Чучело внезапно вспыхивает, ломается пополам, рушится прямо на чьи-то головы!

— В клочья Дурака!!!

Даже если бы у меня из горла хлынула кровь, я бы не остановил свой счастливый крик.

— Сейчас начнется праздничный карнавал, — с нехорошей улыбкой говорит Брид. — Это очень веселое мероприятие, поэтому я предпочитаю скромно удалиться. У меня что-то боком разболелось.

— Постой, Брид, а что такое карнавал? — говорю я.

— Это не просто карнавал, это разумный карнавал. Его особенность — каждый на несколько часов становится самим собой.

— Значит, все остальное время, всю ступень...

— Это ничего не значит, — грубо перебивает меня Брид. — Я тебе говорю: на этот карнавал надо являться со своим истинным лицом. Ты что, остаешься? Брось, лучше спрячемся до моего дома все равно не успеем.

Мы зашли в подъезд. Привычно пахло помоями. Голова больше не кровоточит. На улице, как я заметил, происходит странное: агломераты поспешно разбегаются с площади перед Оплотом, пустеют и окружающие улицы. Кто же будет участвовать в веселом карнавале? Брид помалкивает.

Через полчаса улицы пусты. Брид привалился к обшарпанной стене и дремлет. Я, то и дело, выглядываю наружу. Ну, пустыня, Пустыня. Это после столпотворения-то. Хотя бы где-нибудь, хоть один прощмыгнул. Даже не видно обычных патрульных шиман лиловых. Фонари льют свет на пустые шоссе-траншеи. Агломерация словно перестала быть. Только посапывание Брида отпугивает мой страх.

Вдруг — сразу, грохотом — музыка!

Брид подскочил и заморгал глазами. Его лицо искривилось от ужаса и отвращения.

— Ты, Бажан, крепкий, нормально переносишь музыку, — говорит.

— Так я ж привык в Аграрке. У нас, что ни вечер, — то песни, а то и танцульки.

— Тьфу, гадость! — говорит Брид.

Музыка набирала силу, становилась все веселее, ритмичнее.

Прямо хоть в пляс. Но ничто не двигалось на улицах. Мне захотелось вида хотя бы кошки приبلудной или куцехвостой собаки, но в Агло их нет. Даже нет лиловых. Словно эти прекрасные, благородные агломераты боятся показать свое истинное лицо.

Все во мне задрожало и напряглось. Брид хватается меня за локоть: «Опять, щенок, в тебе соки играют?» Я его отталкиваю и встаю. Я должен. Мне нечего бояться. Я вышагиваю из подъезда и вываливаюсь в Пустыню. Музыка крепнет.

— Вернись, — кричит Брид, но выйти за мной не осмеливается. Из других подъездов испуганно выглядывают — вижу.

Я выхожу на середину улицы и оглядываюсь. Мне жутковато. Вроде сейчас дома двинутся и расплющат меня.

Я медленно иду вперед, не вижу глядящих на меня. Пасты подъездов. Агломераты — торчащие зубы. Если появится Он, то никто не бросится на помощь. А Защита? Нет, Защита меня охраняет.

Но музыка звучала, и навстречу ей звучала музыка внутри меня. Я забыл о нем. Потому что Он и музыка были несовместимы. Пока есть музыка, Он бессилен.

Я перестал робко сутулиться и, наконец, смотрю прямо перед собой, смело. Я напеваю, да, я напеваю!

Я пришел на карнавал, так какое же у меня лицо? Сейчас, именно сейчас у меня должно быть мое и только мое лицо! Я посмотрел направо и налево, и вдруг увидел себя отраженным в глазах тех, кто подглядывал за мной, торча в открытых пастях подъездов. Так вот я какой! Вернее, как много меня. В одних глазах я видел страх, в других — робость, в третьих — отвращение, в четвертых — восхищение. И из чужих я творил свой образ. Нет зеркала, кроме зеркала других. И каждое это зеркало дает свое отражение. И снова все непонятно... и вдруг я на площади перед Оплотом. И без того невероятно огромная, она сейчас пустая, измеряется световыми годами. Я иду и иду, пока до самого центра. Стоп. Вокруг. Меня видят все!

Музыка вихрилась, как законный белый мир моих детских зим. И моя музыка рвалась из меня-клетки. Я незаметно пританцовываю. И вдруг — в пляс. Прямо в центре площади. Один! Э-эх! Не удержаться!

Из одного подъезда в другой перебежала угловатая фигура. Я, извиваясь в танце, заметил, что это был домашний робот. Он прикрывал пульт управления — лицо робота — платочком. Э-эх, дурни!

Та-та-ту-тутам-та-ту. Рам-па-вы-вам-па... Все смотрят на меня. Э-эх, жуть. Пусть видят, видят, видят, мне нечего, нече-

го! нечего? скрывать. Словно я голый. Но я красивый. Додо говорила, и голым быть не страшно? не страшно

Я оцепенел. Замер. Остановился.

От шеренги шиман возле Оплота отделилась одна шимана — огромное кольцо шиманы оранжевой службы. Аспидно-серая. С тонкой оранжевой каймой.

Шимана медленно развернулась и выехала из ворот. Движется прямо на меня, пересекая площадь.

Прямо на меня. О галактика. Полушария прозрачного верха неумолимо смыкаются в купол вокруг одинокой сидящей фигуры в оранжевом комбинезоне. Ближе. Ближе.

Воитель в оранжевом — я вижу! — прикрывает лицо платком.

Бежать? Бежать! Хотя бы уступить дорогу. Стою. Музыка разрывается от счастья. Купол сомкнулся, и, несмотря на грохот музыки, я отчетливо услышал хлопок.

Шимана растет. Ближе. В упор. Воитель — его глаза — смотрит прямо. Стоп. Рядом. Смотрю. И мгновенно лицо — прячу.

— Привет, мой мальчик, — голос. Не отрывая от лица. Джеб? Джеб!!

— Ваше лицо? — слагаю в слова.

— Мое лицо? — Смех. Не зловеще, а добродушно. — Деревенщи-на!..

Пауза.

— Открой лицо, — говорит голос Джеба.

— Нет.

— Не ломайся. Ведь ты не боялся. Я потрясен твоей отвагой. Открой лицо.

Я — нет! Вижу: люк распахивается, глубокое черное смотрит в меня. Дыра. Дыра, которая втолкнет меня в дыру, из которой не будет выхода.

— Открой лицо, — повторяет Джеб.

Я отнимаю от лица. Ему в глаза. Ну?

Джеб — одни глаза видны. Отпрянул. Что?

— Какой кошмар, — говорит. — Я подозревал, но уже поздно, поздно...

Люк — хлоп, ужас — спрятался. Шимана задний ход — к Оплоту.

В ворота — в ножи. В шеренгу обратно.

Все.

Музыка — в клубок — и за печку. Тихо. Тишайше.

... вокруг ... много ... толпы и толпы

... откуда взялись ... и снова рев и снова много-

голосица ... тупею от перемен ... море серых ком-

бинезонов ... вся площадь ... толкают

галактика ... трибуны полны президентами, их трой-

ки по-прежнему мечутся ... гвоздь в галактику!

— Что было нашей целью? Дружба между агломератами.

И мы добились ее.

— Да здравствует Разум!!! — ор, ушам больно.

— Каждый любит каждого, и все мы — друзья. Вы согласны, друзья?

— Да здравствует дружба всех и каждого, — многоголово.

— Вы согласны? — вновь выкрикивает один из президен-

тов в микрофон. Лучше бы он этого не делал.

Рядом со мной один агломер схватил другого за грудки и

хрипит с пеной, пузырящейся в углах рта:

— Ты согласен, что мы все друзья? Признавайся!

— Согласен! — взвизгивает тот.

— Нет, ты действительно согласен? — не унимался первый,

все еще надеясь на противодействие.

Агломер слева от меня бросился к этой паре:

— А ну, пусти!

Я с удивлением вижу, что он размахивает каким-то тяже-

лым предметом. Как ни странно, это — предплечье робота.

— Ах, это ты не веришь, что все агломераты — друзья и

братья! — кричит первый агломерат и отпускает свою пер-

вую жертву.

— Верю! — говорит агломер и бьет задиристого по голо-

ве предплечьем робота. Тот упал. Из-за него выскакивает аг-

ломератка и на агломерата: «а-а-а!» Кругом закричали, за-

метались.

Я в растерянности. Кто-то толкнул меня и побежал впе-

ред, крича: «Чего стоишь? Бей!»

Кого бить? Но тут кто-то мне по уху — бац! Я в ужасе —

туда-сюда. Ага, и — на фонарный столб. Вверх. Вышло.

Сверху вся площадь. Дерутся везде. Очевидно, драка на-

чалась сразу в нескольких местах.

— Друзья, — выходит маленький лысый президент на

трибуну, — мы рады свидетельству тесной дружбы, которое

видим прямо перед собой. Но давайте прекратим этот дружес-

кий спор и продолжим радостный разговор о притягательной си-

ле всеобщей дружбы.

Из-за его спины выдвинулся широкоплечий широкогу-

бий президент и, обдернув свой диагональный комбинезон,

вдруг схватил маленького за горло.

— Что ты имеешь в виду, говоря тесная дружба? Тесная —

значит, душная, гадкая. Дружба не может быть тесной, она

— просторна!

— Да я ведь...

— Это провокация! — широкоплечий широкогубый швырнул маленького на доски трибуны. Через дольку времени на трибуне, возвышенности, творилось то же самое, что и на остальной площади: агломераты падали, поднимались, снова сцеплялись, вновь рвали друг другу комбинезоны и рты.

Гордость реяла в моей душе. Ибо передо мной открывалась истина. Торжество Разума: когда агломераты могут собраться вот так, и быстро, немногословно разрешить по-дружески, празднично все наболевшие проблемы. Меня особенно поражает внедрение техники в процесс выяснения истины — этот кусок манипулятора от робота — предплечье.

Я особенно остро ощущаю достижения Агло в деле охраны личной безопасности агломерата. Вся площадь по периметру была густо уставлена фонарными столбами. Сейчас они облеплены агломератами. Вот мудрая предусмотрительность Защиты. Фонарные столбы — величайшее достижение в деле охраны личной безопасности живых существ.

Кто-то дергает меня за ногу, я не удержался на столбе и падаю.

— Вот тебя-то, Мохнатый, я и искал! — гроыхнуло надо мной. Я увидел знакомое лицо, и предплечье робота блистало отраженным светом фонаря.

— Через галактику, это не Мохнатый! Обидно! — услышал я — и поплыл по широкой черной реке, запомнив только блик от металла, опустившегося на мою голову.

Я вынырнул и огляделся. Сел. Площадь была залита густым лиловым светом фонарей. В разных концах ее серели одинокие фигуры вроде меня. Из фигур — кто лежит, кто сидит, кто пробует встать, но падает. Один быстро ползет в сторону домов.

Мой вялый взгляд доковылял до трибун. Там копошилась серая масса, мелькают диагональные комбинезоны. Крики, стоны, грохот от падений о доски. Лиловые стоят невозмутимым строем по периметру трибуны. Я хочу приподняться — и вдруг снова ныряю в широкую черную реку.

Снова вынырываю. Тронул кровь на голове — запеклась. Рукав давно потерял. Боль, то и дело, задерживала занавеску перед глазами.

Трибуна пуста. Лиловое оцепление снято. На площади я один.

Я поднимаюсь и, шатаясь, иду к месту, где оставил шиману. Но по прямой не выходит — сносит в сторону. Площадь усеяна консервными банками, бутылками, куча-

ми мусора, обрывками газет; какие-то обломки ящиков, следы костра (костра? почему?), объедки. Я вступаю в огромное жирное пятно, — очевидно, здесь танкер промывал свою колоссальную утробу. В одном месте покрытие площади взрыто, и из ямы торчат какие-то вонючие ящики. Должно быть, радиоактивные отходы, равнодушно думаю я. Костер, вспоминаю я, костер — какой? А для 92 миллиардов. Пепел, пепел высокого, красивого, в четверть неба, гри-лишь девяносто два миллиарда. Я плыл и плыл по черной широкой площади, которая была серой, и выбирал лиловые сети.

Перед трибунами, на которых недавно так величественно бесновались президенты, одиноко, обиженно, блестя стороной, омытой лиловыми лучами луны, лежал наивный результат агломератской деятельности — в пирамидку свитая аккуратная колбаска.

* * *

Следующая попытка после Парада Разума — длинный сладостный сон: я прилип к письменному столу. Море впечатлений — выплеснуть. Держу в руках чудо. Смог написать. Впервые!

Быстрее в редакцию. Хочу, чтобы все — как я. Чтобы я — как все. Чтобы все со мной, и я — со всеми. Вот.

Да, кстати, редакция. Вот

Грузный агломерат... вспорхнула... смотрит на меня... что это вы принесли?... чирикает... потом... суп...

Поведение агломератов в редакции меня крайне поразило. Тот грузный тип, который прочитал мое произведение о величайшем событии, долго, внимательно разглядывает меня, ничего не говорит. После этого он зовет другого сотрудника и дает ему мою рукопись. Тот читает (я замучился ждать) и молчит. Опять же на меня смотрит.

Грузный: Это как же понимать, молодой агломерат? Вы издеваетесь над гениальной системой ЗОД? Вы понимаете, чем это пахнет? В Аграрку захотели?

Я: Вы меня неправильно поняли!

Второй: Милый мой, но кто же сам, добровольно, станет хвалить ЗОД, писать, что все у нас хорошо, что лучше и быть не может! Мы тут работаем, это наша работа, вот мы и хвалим. По какой речке плыть — той и славушку творить. Но чтобы кто-то делал это просто так, от души,

такого, милый мой, не бывает. Надо быть... Дураком. Зачем вы накатали эту похабщину — передразнить то, как мы обычно пишем?

Я: Да ведь я искренне... Я недавно из Аграрки, столько впечатлений...

Грузный: Может, его на Г/А? Кто же, будучи в своем уме, не понуждаемый извне ничем, станет хвалить Агло, восхищаться Парадом Разума и славить «наивный результат деятельности агломератов — в пирамидку свитую аккуратную колбаску»!

Второй: Агломерат — существо сложное. Очевидно, возможны и такие безумные случаи.

Грузный: Проваливай отсюда по добру-по здорову. И не пиши никогда, деревенщина!

Обухом.

* * *

где я шатался, где бродил только был глубокий вечер, и фонари досвечивали последним прохожим перед официальной ночью. Я вернулся к своей шимане. Остановился на тротуаре возле. Способность думать последовательно возвращалась. Почему она сказала, что среди небогатых я — самый бедный? Что значит небогатые и отчего я — самый бедный? И все-таки Фашка разрешила встретиться. Ничего не потеряно. Я покажу ей настоящую Агло, она полюбит ее, как любил Агло я.

Родители и Пим, Джеб и Брид, братья-студенты, Додо и Мена, Чунча и Бут, многие, многие другие и многое другое, что вошло в меня, — все было необычайно, ново, рвуще важно, но поверх всего, надо всем и превыше всего было мое желание быть, желание присутствовать и не опускать взгляда. Быть — значит, рано или поздно все увидеть и все понять.

Я задумываюсь и касаюсь перил, ограничивающих тротуар.

Удар отшвыривает меня на пару метров. Я встаю, отряхиваюсь, и у меня выступают слезы на глазах. Как я счастлив!

Мне хотелось подойти и погладить эти серовато-серые перила, которые защищают мою жизнь, мою судьбу, мое счастье, мое будущее. О милая, дорогая Агломерация, прекрасный цветок, выросший на навозе прошлого!

Ах, мне хочется окинуть с птичьего полета это великолепие, омытое лиловым светом фонарей. Но как проникнуть сейчас, мигот, на безумную для бескрылого высоту? Стены домов — гладкие, путь на крыши блокирован ЗОД, лезть на

фонарь — смешно, да и узришь оттуда с гулькиной нос. Я призадумываюсь, оглядываюсь.

Траншея, которая ведет к подземному гаражу, заканчивается тупиком. Стена его не вертикальная, а пологая — впрочем, довольно крутая. Очевидно, это предусмотрено ЗОД, чтобы шимана не могла случайно врезаться в этот тупик, а мягко выскочила наверх, на огражденный участок.

Я сел в шиману, отъезжаю, как можно дальше, и включаю самый полный вперед. Кучер вдруг вскрикнул: «Что мы делаем?» — но тут же понял, что мое решение изменить поздно, испуганно, ощутимо для меня замолчал.

Шимана промчалась по только что придуманной катапульте — и взмыла вверх. Выше. Еще. И выше фонарей. И вот — выше крыш. О!

Я не думаю о переставании быть. Оно осталось внизу. А я трижды есть, потому что вознесся до лицемерия.

Подо мной млела в лиловом свете Агломерация. Прямые ряды серых домов, которые казались восхитительно сизыми в лиловом. Ряды великолепно, неповторимо одинаковые. Миллион огней. Пусто без прохожих. С козявками патрульных машин.

Мой взгляд ласкал бескрайности Агло, наслаждаясь серым медом ее сот.

«Ты, ты победила!» — прошептал я.

— Мы падаем! — едва ли не визжит кучер.

О Агломерация! Ты завоевала меня! Ты прекрасна, ты грандиозна. Прижми меня к своей груди! Я — твой! Я весь — твой, возьми меня и делай со мной все, что хочешь! И кого хочешь!

И Она притянула меня к себе — я потерял сознание от счастья... Тьма рассеялась. Меня швыряет из стороны в сторону. Шимана звенит о покрытие шоссе какими-то манипуляторами. Это она пытается принять нормальное положение — я вишу на ремнях безопасности, а моя добрая шимана лежит кверху дном.

Наконец кучер хорошо ее раскачал, мир вернулся в привычное положение.

— Что это было? — спрашивает кучер.

— Ошибка управления, — смеюсь я. В голове окончательно проясняется.

— Ошибки в управлении не может быть, я-то на что? — начал было кучер, но тут я увидел две патрульные шиманы. Они стоят поодаль, и от них отделяются пять лиловых. Мчатся в мою сторону. Я невольно дал полный вперед. Лиловые бросаются к своим шиманам.

Я вперед — неясный страх. Моя вина? Выше крыш, возможно, запрещено?

Лилловые догоняют. Мой кучер вдруг тормозит:

— Нас преследуют, мы обязаны остановиться. Я понял, что не переубедить, долой из шиманы. Бегу прочь.

Глупо убегать от лиловых, милых сердцу.., но — бегу.

Едва я пробежал несколько шагов, как вдруг — темнота. «Официальная ночь!» — с ужасом я. Стало темно, как бывает темно только в детстве, — до слез вздохнул. Криком поперхнулся.

Физически: поток света. Лилловые — в меня. И тут — для себя непонятно — вон из луча. Дальше, дальше, бесконечный туннель между тротуарами... топот за мной... падаю... поднимаюсь. Полоснуло лучем. Вперед за дом о символ дерева — бац Падаю

— За что? Я свой, свой! Я ваш, гвоздь в галактику! Я самый ваш из ваших! Поймите, олухи! — это мой голос, мой вопль, но внутри меня, снаружи — топот. Ближе. Поднимаюсь. О, не упади!

Какой-то покосившийся забор. Дрянные домики. Глаза остервенели — видят то, что неподвластно им в такой тьме. За забор, упал, не дыши, перестань быть. Перестал. Топот, топот.

— Гвоздь в галактику, где он?

— Мне страшно, я дальше не пойду.

— Думаешь, он — Дурак?

— Не знаю, впервые вижу, чтобы кто-то летал на шимане.

— Может, авария, случайно? Ладно, прочеши там, вдоль палисадника.

Их было двое. Остается один. Сквозь дырочку от выпавшего сучка — вижу. Он замер. Нет, угадываю, — обмер. Даже фонарь боится включать. Это значит выявить себя, отдать на растерзание окружающей темноте, сделаться мишенью для невообразимого врага.

Слышу его дыханье. Слышу... О, проклятый забор, — скрипнул под моей рукой!

— Кто здесь? Я обвиняю вас, в том что вы Дурак! — кричит лиловый.

«Это конец!» — медленно набухает в моем сознании.

Часть вторая

КОРЕНЬ

214 ступень после Д. Р.

Разумной убежденности никогда не бывает полной. Полная убежденность бывает только неразумной.

«Это конец!» — медленно набухало в моем сознании.

Я понял, что ему некуда укрыться, кроме как за символ дерева. За четыре ступени службы лиловым воителем я научился угадывать действия подозреваемых. Теперь я спокойно прикидывал, как изящнее захватить подозреваемого.

До первых сумерек оставалось немного, и на небе уже лиловела малая луна. К официальной ночи она исчезнет, а большой луны сегодня не будет. Предстоит страшная ночь. Нет хуже, чем патрулировать в такую ночь.

А он замер за деревом. Не дышит. Небось, обмер от страха. Еще надеется, что я зевну и пройду мимо.

Мне почудилось, что подобное со мной когда-то было. Иногда этаким вздор мерещится. Некогда размышлять — добыча может уйти из-под носа.

«Нет, братишка, — ласково подумал я, — не уйдешь. Ты нужен народу, народ хочет тебя проверить. Если бы я нужен был народу для проверки — я бы сам прибежал: берите меня, ешьте, теребите, узнавайте обо мне все — я весь, как на ладошке, жду вашего решения. Я бы стремглав прибежал. А он прячется — значит, нарочно обвиняет себя. Если у него нет вины, так одного факта бегства достаточно. Якобы Г/А бонтея, лишь ты!..»

Он прятался за деревом, а я испытывал к нему глубокое нежное чувство, не спеша поймать его. Он мой. Он принадлежит мне. Между нами прочная связь, прочнее, чем между мной и родителями, между мной и тем же Бридом, между мной и Фашкой — Фашка, галактика ее побори, что может быть непрочней нашей с ней связи! А этот равнодушен ко мне. Он испытывает глубочайшее, искреннее чувство ненависти ко мне. Плевать, что ненависти. Ради этого вот равнодушия можно пойти на все. Еще час назад он ничегошеньки не знал обо мне, о моем существовании, а теперь он уз-

нал меня, я для него не чужой, не посторонний, а властелин его судьбы. Между нами возникли отношения неслучайной, нешуточной заинтересованности, именно те отношения взаимной заинтересованности, которые должны установиться после Духовной Революции. Для него каждый мой шаг — событие исключительной важности. Для меня — каждое его движение исполнено смысла. Мы с любопытством, взволнованно следим друг за другом, за обоюдными успехами. Следовательно, между нами возникла проникновенная духовная связь. И эта связь не прервется уже никогда. Если я его поймаю, он будет помнить меня всю оставшуюся жизнь. А я буду помнить его, благодаря награде, которую получу за положенным взысканием, а он будет вспоминать обо мне с волнением и трепетным теплым чувством..., пусть даже с насмешкой, но будет-таки вспоминать.

Я в притворной рассеянности подошел к дереву. Теперь нужно... Я напряженно вспоминал занятия по противодействию. Нет, не то, ответ должен быть из учебника по захвату. Ага, вспомнил!.. А если братишка тоже знает этот способ? Тогда победит он? Нет, ЗОД не должна сплеховать.

Я ринулся к дереву, вцепился в сучок на уровне глаз — там была едва заметная полоска.

Какая-то грубая жестокая сила хлестнула меня по спине, больно ударила всем корпусом о дерево, прижала к прямоугольному брусу, символизирующему ствол.

Рядом кто-то взвизгнул и сразу же охнул от боли.

Я опомнился и сообразил, что это из ствола вылетел манипулятор, который ловко облапил и меня, и мою добычу. Меня поймали заодно, на всякий случай. ЗОД предпочитает больше поймать, а потом потихоньку разбираться, кто прав, а кто — виноват.

— Эй, ты! — крикнул я хрипло — и живот, и грудь были плотно прижаты к стволу.

— Да? — отозвался дрожащий голос из-за дерева.

Я усмехнулся. Другой бы, на его месте, хоть выругался бы, а этот откровенно сдрейфил. Целый час я его гонял, решил было, что он храбрец, а он — скис.

Ко мне бежали Брид, Куско и Ейча. Они быстро освободили меня, скрутили подозреваемого в глупости и передали вторую патрульную шиману, которую нам пришлось вызвать на подмогу.

— Что это был за тип? В чем он провинился? — спросил Куско Брида, когда мы усаживались в своей патрульной шимане.

— Какая разница, — сказал Брид, неодобрительно покосившись на меня... Куско мой подчиненный и его глупый вопрос бросает тень прежде всего на меня как на его непосредственного начальника.

— Куско, — сказал я, — наша задача не рассуждать, а защищать безопасность жителей. Нам передал надпатруль его приметы, мы выполнили свой долг — и баста.

Мы продолжаем патрулировать наш сектор восемнадцатого города.

Давно минули времена, когда мы с Бридом были запанибрата. Последние две ступени он уже оранжевый и сильно переменился. Я не могу удержаться и частенько люблю его оранжевым комбинезоном, когда Брид лично опекает дежурство. Но это случается очень редко — в ситуации чрезвычайной готовности, как сегодня. В полдень объявили о появлении особо опасного подозреваемого в глупости. Его фотографии показывали по ласкателю. Этот подонок усомнился в необходимости собирания и хранения прошлогоднего снега, он заявил публично, что это якобы экономически невыгодно. Брид счел необходимым остаться после рабочего дня, чтобы лично контролировать ход дежурства. То, что он предпочел мою шиману, показывает: теплится у него что-то ко мне. С тех пор, как он стал потреблять дурманные таблетки, немало их понито вместе. А уж сколько разных Додо промелькнуло за время наших приятельских отношений... Мне нравится новое выражение лица Брида — определенное, значительное и, вместе с тем, искренне дружелюбное, как у всех оранжевых. Разве что Джеб время от времени позволяет себе брезгливую гримасу. Последнее время он, как ни посмотрит на меня, так и морщится, будто в дерьмо вступил. Не знаю, чего он взъелся. Помню, первое время он все над моей дикцией издевался — пишу, мол. Так я две ступени, до одурения, учился говорить четко, звонко. И научился-таки. Когда Фашку после перерыва встретил, она просто поразила. Может, отсутствие этого поганого писка и решило то, что мы сошлись. Конечно, я пообтерся, иногда и промолчу, иногда свое мнение и приберегу. Фашка все такая же норовистая, но я для себя решил, что она не может быть Дурой, то есть может, но я, в случае чего, перехвачу ее до совершения глупости — на то я и натренирован. Попытки две назад вызвал к себе Джеб, он теперь триначальник, шишка. А комбинезон лоснится по-прежнему. Подозреваю, все тот же, что и пять ступеней назад.

— Наслышан о ваших успехах, — сказал Джеб, едва я вошел в его кабинет. — Шестьдесят два подозреваемых за одну попытку отправили на Г/А. И это лично. А ваши ребя-

гушки — как их там, Куско и Ейча? — еще сорок. Молодцы.

Я bravo вытянулся.

— Бажан, когда есть выбор: бежать или преследовать, то — порядочный агломерат не запинается — к кому примкнуть?

— К преследователям.

Джеб потер нос.

— К преследователям, — чуть помедлив, повторил я.

Джеб почесал за ухом.

— К преследователям? — робко я.

— Разумеется, — сказал Джеб и громко шмыгнул носом.

Мы промолчали. В первые пробы моей службы у лиловых Джеб надолго зазывал меня к себе в кабинет и, отложив горящие дела, часами беседовал со мной. Обо всем на свете. Но смысл его речей был темен мне. С тех пор у меня сохранилась неловкость, которая не оставляет меня, пока я рядом с Джебом.

— Бажан, вы никогда не сомневаетесь? — наконец, нарушил молчание Джеб.

— Никогда. Сомневаться — значит, не успеть нанести удар первым.

— Я вас, вроде бы, не этому учил... Вы практически ничего из моих уроков не усвоили. Я слишком завуалировал свои мысли, я не сумел адаптировать свои взгляды для вашего уровня.

Я чувствовал, что не только не уловил хода его мыслей в прошлом, но и во время последнего разговора мало что понимал.

Да, выражение лица Брида. Казалось, что он его заготовил дома, у зеркала, и бережно приносил на службу вместе с завтраком, завернутым в фольгу.

Нести патрульную службу, когда рядом в шимане сидит твой начальник, дело утомительное. Куско и Ейча нервничают еще больше меня. Оба служат недавно. Ейча — из Аграрки, Куско — коренной агломерат, это чувствуется.

— Как думаете, до утра поймут? — говорит Куско. Бедолага обращался только к Бриду, боясь заговорить со мной в присутствии более высокого чина.

Брид угрюмо молчит. Погоня немного разогрела его, но поймали не того, кого хотели, а, главное, Брид — ежепопыточно, иногда целыми сутками ходит под дурманом и плетет галактика весть что. Ни он, ни я не вспоминаем о тех временах, когда мы с пеной у рта поносили дурманщиков, а Брид с остервенением расквашивал им носы по темным углам. Теперь, впрочем, лишь часть таблеток доставляется из космоса, остальные тайно изготавливаются на планете. Скорее

всего, в Охвосте — эти подонки нуждаются во многом, поэтому им выгодно производить для обменов нечто более ходовое, чем стихи, картины. Мы и без того уж затоварились стихами, прозой, мазней, афоризмы вот только по-прежнему в дефиците.

ЗОД оберегает этих охвостовцев, а я их не жалую — бывает, целыми домами направляю на Г/А, воздух чище становится. ЗОД с ними канителится, а подпольное производство таблеток можно прихлопнуть в пару попыток. Но мы теперь заинтересованы только ограничить размах этой теневой отрасли. В ресторанах и барах уже открыто официанты приносят таблетки, платя лиловым по афоризму в неделю.

— Сейчас бы маму повидать, — сказал Куско, которому, очевидно, не терпелось поговорить. — Соскучился.

— Однова дыхнуть, — откликнулся Ейча. Когда он говорит, то захватывает верхнюю губу нижней. Неприятно.

— А вы часто видите с родителями? — обратился Куско ко мне, понимая, что оранжевому Бриду подобный вопрос покажется хамством.

Я замаялся, но ответил честно:

— Не то, чтобы слишком. Я их несколько ступеней уже не видел. Боюсь встречаться.

— Почему? — наивно распахнул глаза Куско. Наверно, и я был таким же ступеней пять назад.

— Как бы они не лягнули или не сделали что-то не то, ведь моим служебным долгом будет...

— Однова дыхнуть! — неожиданно одобрил Ейча.

Брид, он вроде и не слушал, пристально смотрит на меня.

— Да, Бажан, вы просто кладезь достоинств... А впрочем, мне правится, что вы так, остервенело, верите в свою правоту. — Тут он решил преподать нам урок из азбучных истин: — Мальчишки, затвердите наизусть: «Все, что непонятно, должно быть устранено». Все, что кажется вам необъяснимым, странным, — все это обязано быть уничтожено, приведено к понятному, бесхитростному — любым способом. Вооруженные этим великим принципом, вы не станете тратить время в ответственный момент на колебания и сомнения. Да, главное не сомневаться. Я, например, никогда не сомневаюсь. Сомневаться — значит, опоздать нанести удар первым. Вкусите от принципа «все непонятное — избыточно», — и жить вам станет во сто крат легче. Все непонятное чревато переменами. А зачем они нам? Непонятное — само по себе не зло, но это зародыш склонности к переменам, а где возникает склонность, там будут и перемены. А главное — не сомневаться, — закончил он, явно сбившись.

— Что значит устранить? — спросил Куско.
— Отодвинуть с дороги.
— И все-таки?
— Это может означать все, что угодно. Смотря по обстоятельствам. Важен сам принцип. А главное — не сомневаться.

Ловить... Сколько уже их поймали, а толку мало. Каждый раз кажется, что вот он — звездный час!... Увы, все начинается сначала. Первое время я трепетал, заступая в патруль, — вот сегодня поймал! Теперь привык. Работа, как любая другая. Как там Джеб говорил мне наедине: Дурак удовлетворяет высшую потребность окружающих — их желание отыскать причину своих неудач, своего недовольства, своей неясной тоски, найти причины существующего и сущего, а также выплеснуть свою необъяснимую злобу, которая объясняется неумением объять и объяснить существующее и сущее. Мудрено Джеб говорил, а запомнилось... Вздор, конечно... Пусть он и оранжевый, а как скажет иногда...

Мы останавливаем шиману, и Брид выходит — якобы на склад, за бутербродами.

— Какой умный наш Брид, — сказал Куско, когда Брид отошел.

Я со странным чувством посмотрел на него. Неужели и я был таким?.. Нужно быть тоньше, внимательней, что ли... судить вот так, очертя голову?.. Джеб непонятен мне — значит ли, что его следует устранить? А Фашка, а Пим — о галактика, Пим! — А Чунча, с которым я замучился, до того мне хочется сдать его на Г/А, но нет же, просиживаю с ним каждый вечер — слушаю, развесив уши, его горячечный бред... Простыми кажутся мало или вовсе незнакомые люди — их так бесхлопотно отправлять на Г/А...

— Ты прав, Куско, — сказал я. — Брид — умнейшая голова.

Чунча не должен запаздывать с первым ударом.

Мне стыдно, что Брид, мой непосредственный начальник, не вызывает у меня того трепетного чувства, которое каждый из нас должен испытывать по отношению к своему начальству. Я с тревогой замечаю, что плевалы презрения к начальству, которые узаконены для невоителей, попали и в меня, по ошибке. Я о многих воителях думаю... А думать вообще не рекомендуется, с этого все учебники начинаются. Я их осуждаю — это безобразие следует прекратить. Это необъяснимо. Если общество назначило его начальником, значит, надо уважать. Начальник — представитель общества. Если я еще при-
мусь судить, то добровольно пойду на Г/А.

Я осмеливаюсь сравнивать Брида и Джеба. Насколько первый мелочен, суетен, напыщен, развратен, настолько второй спокоен, прост до грубости, аскетичен... правда, себе на уме... Недоговаривает. А у нас мысли должны быть нараспашку. Воистину, Брид больше отвечает требованиям ЗОД к воителю... Но Джеб мне лучше нравится... тут ничего не поделаешь.

По радиации сообщили о пожаре в соседнем секторе. Мы перевели шиману на произвольный режим, чтобы не тратить секунды на выдачу программы кучеру. Пожар — событие, это сбой Защиты, необычный, недопустимый.

Когда мы прибыли к месту происшествия, пожар уже был потушен, улица забита пожарными и медицинскими шиманами. Разрушений, на первый взгляд, мало. Поражало количество жертв.

К нам немедленно подошел командир пожарной команды и доложил, что погибло тридцать два агломера — шестеро сгорели, остальные — задохнулись. Имеются раненые. Словом, чудовищное происшествие. Гибель одного агломерата считается общепланетной катастрофой, а тут столько!

— ПОЧЕМУ? — перебил командира пожарников Брид. Нас касалась только причина.

— Маньяк. Облил лестничную клетку горючим — и поджег. Сам заблаговременно вышел из дома. Мы его схватили: он и не пытался бежать, любовался своим делом.

— ГДЕ? — взревел Брид. У всех заколотились сердца: через галактику! Сто процентов, что в наших руках Он!

Мимо цепочки трупов, покрытых простынями, — санитары укладывали их на носилки, — мы пробежали к пожарной шимане, где сидел связанный агломерат — взгляд безумный. неестественная ухмылка, застиранный серо-серый комбинезон, покрытый какими-то пятнами.

— Зачем ты это сделал? — схватил его за грудки Брид. Куско выхватил поджигателя из шиманы. Тот не мог стоять — голова болталась, в глазах какое-то лукавое веселье. Карманы его комбинезона топорщились. Я обыскал его — он был начинен дурманными капсулами.

— Зачем? Гы... потому, что Дурак., — залепетал поджигатель, тараща глаза. Брид многозначительно посмотрел на Ейчу. Тот весело отозвался: «Однава дыхнуты!» — и размахнулся. Поджигатель рухнул на асфальт. Куско и Ейча подняли его. Он заметно протрезвел.

— Я увидел, как в дом входил странный агломерат, похожий на Дурака, — почти членораздельно, торопливо заговорил поджигатель, застенчивым жестом стирая кровь с губ.

— Этот агломерат трусливо оглядывался, а когда увидел меня, то шарахнулся в сторону и быстро побежал вверх. Лифт работал, а он бежал по лестнице. Я не мог угадать, на какой этаж он... Тогда я решил выкурить его.

— Гвоздь в галактику... — растерянно пробормотал Брид. — Развяжите... Трупы опознаны? — обратился он к командиру пожарников. Тот ответил, что состояние трупов не дает возможности...

— Значит, среди них мог бы быть Дурак, — с усилием выдавил Брид. — Вы сделали большое дело, великое. Вы поступили героически! — Брид дружелюбно потрепал поджигателя по плечу. А этот тип внезапно сказал, обращаясь к Бриду:

— Станочка, пойдем в лес?

Брид с удивлением посмотрел на него, но мысль свою закончил:

— О вас будет доложено, и, надеюсь, ваш поступок будет высоко оценен.

— Станочка, ты меня любишь? — спросил поджигатель и полез обнимать Брида. Я отстранил его. Вежливо. Как-никак, национальный герой. Командир пожарной команды ошеломленно наблюдал за происходящим.

— Вы что, отпустите этого выродка?

— Выбирайте слова, — отчеканил Брид, поправляя свой новенький оранжевый комбинезон. — Перед нами истинный герой. На его месте так должен был поступить каждый. Разве вы не подожгли бы дом, в котором затаился Дурак?

Командир пожарников, что-то бормоча, отошел. Мне почудилось, он сказал: «Ну так сожгите всю планету!»

Подбежал к нему один из пожарников:

— Разрешите доложить...

Командир пожарников крикнул: «А пошел ты!..» Брид пронычески покачал головой и направился к нашей шимане. Конечно, Бриду придется утром докладывать 999 президентам, но версия уже готова. ЗОД не придется краснеть. Сбоя не было — и быть не может. ЗОД работает без сучка и задоринки. Я зачарованно смотрел на поджигателя, который преспокойно себе улегся на покрытие и дремал. Кто-то тронул меня.

— Куско? — я оглянулся и встретил странный взгляд.

— Но ведь он пьян... вдрызг пьяный... — негромко, но почти просительно.

— Ну и что? Это несколько не умаляет героики поступка, — ответил я. — Наоборот, даже в таком состоянии он думал, как бы принести пользу Агломерации. Это лишь подчеркивает, что размышлять о благе всех — для нас уже рефлекс.

— Мог же он сообщить в пирамиду ЗОД — в ближайшую, тут пятьдесят метров, — сказал Куско, испуганно моргая.

— Потерять драгоценные дольки времени? Упустить Дурака? Сомневаться — значит, опоздать нанести удар первым! А если бы Он ушел через крышу?

— Я не слышал ни об одном агломерате, шедшем через крышу, — с маниакальным упрямством сказал Куско. — И потом, в лифтах многие боятся ездить, случайных прохожих мы все боимся, тем более пьяных и...

— Да вы что, Куско? Разве вы не в нашей школе учились?

Куско мгновенно ссутулился, заморгал еще чаще и вдруг, браво подтянувшись, отчеканил:

— Моя вина — и только моя, воистину моя.

Я усмехнулся: от волнения он даже формулу спутал. Но Брид порадовался бы тому, как я вышколил своих подчиненных.

С полчаса мы патрулировали улицы в полном молчании. Народу было еще много, но мы были не очень внимательны. На одном из перекрестков нам пришлось разогнать нонфуистов — они митинговали в траншее для транспорта. Нарочно, сволочи.

Когда они разбежались, один агломерат остался лежать на покрытии. Мы в ужасе подскочили к нему. Он был весь в крови, но жив.

— Галактика! Чунча! — поразился я. — Как тебя угораздило?

Он бодро улыбался.

— Пустяки, царапины. Я хотел проверить, до какой степени терпимы противники всякого насилия. Влез в толпу и стал их подзуживать...

— Надо бы отправить его в больницу, но я точно знаю — удерет... Он не раз говорил, что врачи боятся прихода Дурака и лечат вполсилы, он их не любит.

Пока мы шли к своей шимане, я спросил Брида (мы как раз были далеко от Куско и Ейчи):

— Мне крайне неловко... Но поджигатель мог позвонить в ЗОД, ближайшая пирамидка — пятьдесят метров. А это самосуд...

— Бажан... Вы взрослый агломерат. Если бы он оказался Им, вы же понимаете, это вышло бы нам боком.

— Не понимаю.

— Оказалось бы, что ЗОД прошлапила, что Защита — неэффективна, раз Дурак мог обойти ее, поджечь дом, натворить дел!

— Исходя из ваших слов, наша цель не схватить Его, а покрыть страшные поступки Его. Но ведь какая разница, была эффективна ЗОД или нет, если после того, как мы поймаем Его, ЗОД станет ненужной.

— Обезвредив теперешнего Его, мы не можем быть уверены, что через несколько десятилетий не появится новый. А насчет того, что наша цель не поймать, а покрыть... Мы можем изловить Его до той каши, которую он заварит. После — нам невыгодно выказывать себя неподготовленными. Понимаете? А мы не можем своими системами охватить абсолютно все. Хотя пытаемся.

— Нет, не понимаю.

— Да вы что, Бажан? Не в нашей школе учились?

Я вздрогнул и сказал так поспешно, что прикусил щеку.

— Вина моя и только моя, воистину вина.

Темнело, малая луна становилась ярче, фонари светили вполсилы. Я подозревал, что пока мы катим привычными маршрутами, Куско и Ейча заняты не слежением за правильным поведением прохожих, а выискиванием среди банальных надписей на спинах типа «МЫ — НЕ ДУРАКИ», «НЕ НАРУШУ», «Я ТУТ НИ ПРИ ЧЕМ», «ХУЖЕ НЕ БУДЕТ» — свеженьких, оригинальных надписей. И правда, Куско иногда восторженно повизгивает:

— Гляньте на того старого хрыча! Прямо перед ним агломерат с надписью: «ХОЧЕШЬ?», а у него — «УЖЕ НИЧЕГО НЕ ХОЧУ!»

Он то и дело выкрикивает что-нибудь в этом роде, когда ему становится скучно и клонит в сон.

Я вдруг вспомнил давешнее приключение. Вчера один агломерат, Языкантий, показал мне нечто оригинальное — дуракоубежище. Я уже слышал от оранжевых, что по Агломерации возникают на пустырях, а также подле Охвостья подземные помещения, которые строят агломераты с самым разным положением в обществе — от уважаемых работников до гадепных плебеев-начальников. Строят стихийно, без разрешения.

Я сплю с женой Языкантия и дружу с ним. Что было раньше — его жена или наша дружба, я уже не помню. Я выражаюсь несколько туманно, но думаю ясно. Языкантий — оранжевый. Я мало общаюсь с невоителями — серые агломераты знакомятся со мной без особого энтузиазма.

Языкантий вдруг признался, что построил дуракоубежище. Он жил возле дряхлых домов Охвостья. За последние несколько ступеней он потихоньку посылал на Г/А то одного жильца из домишка напротив, то другого. Пока не вывел всех охвостовцев из облюбованного домишки. После Г/А редко

кто возвращается на старое место. И под этим домишкой он вырыл огромный подвал, электрифицировал его, оборудовал по последнему слову, а затем и отделал себе наверху квартиру в домишке Охвостья над подвалом. Инспекция еще не хватилась, и его агломерационная квартира тоже оставалась за ним. Кстати, он же мне объяснил, откуда произошло слово Околесица — обозначение промышленного кольца. Оказывается, сначала было — Около леса, Околелесица, потом усекли до Околесицы. Словом, спустились мы с Языкантием в подвал. Я здорово удивился — комфорт что надо. Языкантий нарочно закупорил выход, задраил люк, включил всю сигнализацию, все системы и подсистемы. «Пока планета не развалится, я тут в полной безопасности», — так он сказал.

Мы заглотили по две таблетки, разговорились.

— Ты знаешь, Бажан, — сказал Языкантий, обтирая свой лоснящийся лоб, у него всегда лоснится лоб, потому что он всегда боялся Дурака, и пот выступает от страха, — я только здесь не боюсь Дурака. Я наверху очень счастлив. У меня отличные дети, любимая работа, я отлаживаю систему ЗОД в лифтах, у меня прекрасная верная жена. А на душе — груз. Залезу сюда — спадет. О, галактика, галактика, как я здесь спокоен. Здесь Дурак не тронет меня, не достанет. Сюда ему не проникнуть.

— Да, — сказал я, — это ты здорово придумал, шикарно. А это что за проводки?

— Стой!

Я потянул за проводки балаганного серого цвета и вдруг вырвал их откуда-то. Посыпались искры — и погас свет. Взыла сирена — и стало тихо. Как в сломанных наушниках.

— Дремучий сторож! — прохрипел Языкантий. — Что ты натворил! Разрушил главную проводку. Теперь мы пропали. Дверь заклинило: она задраена наглухо. Мы здесь задохнемся — вентиляция тоже отключилась!

Вот так фокус! Мы сидели в темноте и ругались. У меня тоже теперь выступил пот на лбу. Понял, что Языкантий не преувеличивает...

— Бажан, — тихонько толкнул меня в бок Куско. Я задумался, а ему показалось, что задремал, — неудобно перед Бридом.

— Нет, ничего, — тихо сказал я. — Вот что, Куско... помните того поджигателя?

— Еще бы.

— Вне сомнения, это исключительный агломерат, достойный преклонения и так далее. Однако, я заметил, у него оторваны две пуговицы на комбинезоне. Может ли нормальный аг-

ломерат появиться в обществе без двух пуговиц? Разрешаю вам сбежать за ним, если найдете, и обратить его внимание на этот прискорбный факт. Будет очень неловко, если он придет за наградой в таком виде.

— Есть!

— Помните, что нехватка двух пуговиц — очень и очень грубое нарушение.

Куско внимательно посмотрел на меня.

— Очень и очень?

Я энергично кивнул. Куско остановил шиману и вышел. Я разъяснил Бриду, что надо прочесать Охвостье внутри квартала, пока окончательно не стемнело. «Он парень бедовый, сам справится...»

Да, я понял, что Языкантий не преувеличивает. Мы сидели уже третий час; воздуха стало не хватать. Дышать стало трудно. Языкантий взял мой фонарик, чтобы починить систему, но выронил его и разбил. Своего фонарика у этого олуха не было. Я наощупь попытался восстановить коммуникации, но только хуже сделал — включился какой-то насос, который стал стремительно выкачивать воздух из дуракоубежища. Я внезапно даже подумал: «Дуракоубежище — это ведь убежище для дураков!», — но тут же одернул себя и мысленно произнес: «Я ошибся и извиняюсь, вина моя и только моя, вину вина.»

Языкантий хрипел, у него начался бред. Я разорвал комбинезон на груди, но это не помогло. Я хотел сорвать решетку вентилятора — и упал... И вдруг распахнулся огромный прямоугольник яркого света. Я с трудом приподнялся и увидел жену Языкантия, которая стояла на пороге — да, на пороге! С ней вместе в помещение врвался свежайший, прелестнейший воздух.

— Что вы тут делаете, в темноте? — удивленно поинтересовалась жена Языкантия.

Ее супруг не пришел в себя. Она бросила пакеты и стала приводить его в чувство. Наконец он сказал:

— Как же так, ведь запасной выход был намертво закрыт? Я сам проверил пробу назад. Черный ход — это ход для Дурака.

— А я открыла. Я тут продукты держу, вместо холодильника.

— Значит, дверь была постоянно открыта? — спросил я.

Языкантий ужасно смутился.

— Значит, так-то вот крепко ты от Дурака защитился, — сказал я и ушел от них к галактике собачьей...

Включилась рация.

— Это Куско. Докладываю: только что отправлен на Г/А прохожий. Я зафиксировал отсутствие двух пуговиц на его комбинезоне. Спрошенный о причинах беспорядка в костюме, подозреваемый ответил, что плевал на этот факт. Все. Продолжаю патрулирование.

Брид уставился на меня.

— У того параноика не было двух пуговиц, это я заметил.

— У какого параноика? — деланно удивился я.

— Да ладно уж...

Я даже едва не смутился, потому что то выражение лица Брида, словно заготовленное дома и принесенное на службу в фольге, исчезло, сменилось молодым, задорным, тем, к которому я привык в первые ступени нашего знакомства. Хотелось ему «ты» сказать. Но я знал, что это только иллюзия, на мгновение, не больше.

— Я не понимаю, на что вы намекаете, — сказал я.

— Ни на что. — Я видел, как от его подбородка ко лбу пробежала невидимая волна и на лице установилось то самое выражение.

Вскоре после того, как мы подобрали Куско, прохожих стало намного меньше. Шли любопытные программы по ласкателью, да и официальная ночь приближалась. Мне пора было осуществить задуманное. Я тихонько сдвинул движки на панели, пока Куско, ответственный за маршрут, зевал по сторонам.

— Ну-ка, притормози, — сказал Брид лениво. По тротуару брел, качаясь и нелепо размахивая конечностями, невысокий агломер в забрызганном грязью комбинезоне. Он время от времени касался перил, они отшвыривали его мощным ударом тока. Он приходил на дольку времени в себя, потом опять погружался в черную реку.

Мы вышли из шиманы. Куско и Ейча остановили грязную и обнюхали.

— Нанюхался, — констатировал Куско. — А в кармане еще одна книга. Непочатая.

— Сволочи, — скривился Брид. — Нанюхаются дрянейших книг, вообразят галактика знает что, и начинают ходить на головах. Один идиот битый час позавчера доказывал мне, что так жить дальше нельзя, что в книгах пахнет не тем, чем на улицах.

У Брида было философское настроение. Он отлучался по разным поводам — значит, таблеток шесть уже принял. Он повернулся к Ейче, который обыскивал грязную.

— Ейча, вы могли бы прочитать книгу?
— Однова дыхнуть, — кивнул Ейча весело.
— Вот, а какой бравый молодец! — поучительно сказал Брид. Это он мне. Он почему-то вообразил, что я книги читаю, а я их и не нюхал. — Продолжай так и дальше, Ейча, станешь надначальником оранжевых!

— Однова дыхнуть.
Брид приказал оттащить грязнулю в ближайший подъезд. Пусть проспится.

В шимане Брид стал нахваливать какую-то книгу.
— Вот вы, Куско, знаете эту книгу? Чем от нее пахнет?
— Потом? Она стоила автору пота.
— Вздор. Потом! Фу! С чего вы взяли?
— Потому что читал ее.
— Ч-читали?... Ну, что ж... Чтение — дело полезное, судя по вашему грязному замечанию о поте.

Куско стал прозрачно-серым. Он понял, что вызвал недовольство начальства, — что может быть страшней!

— Я читал исключительно по инициативе Джеба, — сказал он.

— Опять этот Джеб, — поморщился Брид. — Вечно он просвещает своих подчиненных.

Мне было неприятно, что Брид позволяет себе отзываться так о вышестоящем начальнике.

— Вы усомнились в целесообразности действий своего высшего начальства, — сказал Брид, — а именно Джеба.

— Д-да? — пролепетал Куско.
Ну и хмырь этот Брид. И нашим, и вашим.

— Эх, Куско, — устало сказал Брид, — закройте рот. Вы и без того глупо выглядите. На сей раз я прощаю вас. Но впредь взвешивайте свои слова... Надо было этому нюхальщику дрянной литературы продырявить треугольник.

— Кто этого сейчас боится? — заметил я. Треугольник — право работать всю попытку. Пять дырок-замечаний лишают права приносить пользу обществу в течение ступени.

Мы вернулись в свой сектор восемнадцатого города. Но я вспомнил о главном деле и опять незаметно изменил маршрут — мы передвинулись в девятнадцатый город. По рассеянности и благодаря похожести улиц, никто ничего не заметил. Шимана медленно прочесывала сектор, но сектор, нужный исключительно мне. Куско и Ейча вглядывались в редких прохожих. Брид сидел насупившись, ни на кого не глядя. Да, ночь может быть решающей в моей карьере. ТОГО АГЛОМЕРАТА, КОТОРОГО ПОКАЗЫВАЛИ ДНЕМ ПО ЛАС-

КАТЕЛЮ, Я ОТЛИЧНО ЗНАЛ. У меня было предчувствие, что я смогу найти и обезвредить его.

— Шимана идет странно, — сказал Куско, — шестой раз проезжаем незнакомой улицей.

Я торопливо придумывал какую-нибудь ложь, прикрытие, чтобы она не была ложью и нарушением условий Победившего Разума. Но тут я увидел того агломерата. Он быстро шагнул в сторону именно того дома, возле которого я и предполагал засечь его. Заметив патрульную шиману, он — только для меня уловимо — сбился с шага.

— Обождите, я должен проверить кое-что, — неопределенно бросил я Бриду и выскочил из медленно движущейся шиманы.

Агломерат уже вошел в подъезд. Я — за ним. Пахло всякой дрянью. Едва я взбежал на второй этаж, слыша его шаги где-то выше, — погас свет. Я ждал этого и мгновенно нащупал выключатель. Из сотен тех, что густо поднимались один за другим, следуя за подъемом лестницы. Я включил свет. И свет тут же погас. Значит, тот воспользовался одним из сотен отключателей, линия которых шла параллельно выключателям. Все это часть ЗОД. Я включил, а он выключил. Я включил, он... ни у одного из нас нет преимущества... ЗОД перестраховывается даже от себя, гвоздь в галактику!.. Я выхватил фонарик и побежал, перепрыгивая по три ступеньки. Фонарик выхватил из тьмы фигуру агломерата. Он остановился. Я включил свет.

— Ты?! — воскликнул он.

— Да, Примечание, это я.

Он смотрел на мой лиловый комбинезон.

— Этого и следовало ожидать, — сказал он, наконец.

— Вы ждали чего-то другого? — спросил я, успокаиваясь, приводя в норму дыхание и испытывая упоительное чувство единства с ним. Он был мой. Он принадлежал теперь мне и не мог никуда исчезнуть. Теперь спешить некуда, наоборот — надо припасть к источнику и неспеша напиться, утолить жажду без суеты. Примечание постарел, хотя еще не был агломеруном, отнюдь. Но голова у него слегка как бы обуглилась, наполовину. Глаза поразительные, еще более несерые, чем раньше.

— Ты знал, что гонишься за мной? — сказал Примечание.

— Да.

— Тогда не стоит беседовать. Чужой чужим и пахнет. Веди меня вниз. — Он смотрел на меня рассеяннo, устало, как когда-то на воду, когда рыба, хоть убей, не клевала. Мне

стало обидно, что он относится ко мне равнодушно, как к чужому.

— Я хочу, чтобы вы поняли, — вежливо сказал я, — что я вам — не чужой. Я для вас не отраву, а лекарство. Я прав, а вы виноваты, и я пришел снять с вас вину или доказать ее посредством Глубокого Анализа.

— От ваших лекарств —дохнут. Да и вся ЗОД — не лекарство... Неужели и ты веришь, что производство прошлого-днего снега — дело многообещающее?

— Да. Все, что исходит от 999 президентов, не может не быть многообещающим.

— 999 — такие же, как и мы. Случайно вынесенные наверх. Никто не может быть совершенно уверен в своей правоте. Абсолютной правоты не существует.

— Побеждают только фанатики, — сказал я.

— В фанатизме всегда прячутся семена самоуничтожения. Исступленное упрямство выворачивает наизнанку некогда прекрасный идеал.

— Зачем вы приперлись из Аграрки? Жили бы себе спокойно. Мало того, что вы здесь незаконно, так еще и народ балаете.

— Мне надоело. Такое спокойствие на отшибе — хуже воровства.

Он смотрел на меня без страха, скорее сочувственно, как бы жалея меня за то, что я должен сделать с ним. Так он смотрел на меня и когда я бил ему окна: словно виноват был не я, а кто-то третий, и мы оба были пострадавшими от того, третьего.

— Идем, — с грустью сказал он. — Чего тянуть?..

— Я уйду один, — внезапно решил я. — А вы поднимайтесь в квартиру Фашки, как и намеревались. Угадал, что вы, первым делом, к ней пойдете.

Я молил его мысленно об одном: ни слова благодарности, а то весы дрогнули бы в другую сторону — его благодарность подчеркнула бы всю преступность моего деяния. Я бы тогда волоком стащил его вниз. Но он повернулся ко мне спиной и зашагал прочь, выйдя из кружка, освещенного фонариком. Ни слова. Даже внутри себя он вряд ли был благодарен мне. Он принял все как должное.

— Ну, что за отлучки? — встретила меня внизу недовольная физиономия Брида. — Вы дрожите? Что случилось?

— Пустяки. Замерз. Мне померещилось. Извините.

* * *

«Фашка сейчас радостно обнимает Примечание», — думал

я, глядя на опустевшие улицы. Нет, я не ревновал. Но они сходно думают, духовно они ближе, чем я и Фашка, — вот такая штука... Фашка исступленно работает на нефуистов, бросила официальную работу, все время посвящает пропаганде. Мне не раз хотелось поинтересоваться: знает ли она, что работает на Защиту? Но мне было запрещено задавать подобные иронические вопросы.

В первую же неделю службы у лиловых, чувствуя себя на седьмом небе в новеньком лиловом комбинезоне, я пришел к Джебу с докладной, где изложил все, что знал о преступной деятельности брата.

Джеб долго вчитывался в принесенные мной странички, затем тяжело вздохнул, почесал ухо, шмыгнул носом и отложил докладную.

— Бажан, — вы чудо, — ласково сказал он. — Вы не перестаете удивлять меня... У вас никогда не возникают сомнения?

— А должны возникать? — пискнул я.

Джеб широким торжественным жестом разгладил свои усы.

— Вы сами знаете, сомнений у нас быть не должно, — сказал он отчетливо, хотя мне почудилось, что с какой-то странной интонацией. Я напрягся, но понять ничего не мог. В мозгу только вспыхнула фраза, недавно вычитанная в учебнике: «Все непонятное должно быть устранено». И я устранил непонятную интонацию Джеба из своей памяти.

— Вынужден открыть вам одну из тайн, входящих в грандиозный комплекс ЗОД, — тихим, но вполне официальным голосом заговорил Джеб. — Ваш брат Пим организовал нефуистское движение по нашему плану и приказу. В чем суть движения нефуизма? В отрицании существования Дурака и, одновременно, непотворению Дураку. Эта двойственность несовместима, но выгодна нам. Кажется, ересь? Нет, тот, кто не противится Ему, тот не противится никому, а значит, — не противится ЗОД. Лучше нефуизм, чем какая-нибудь более перспективная галиматья. Лучше лидером — такой слизняк, как Пим, чем энергичный агрессивный и талантливый организатор. Нефуизм есть та галиматья, которая препятствует созреванию более глубоких мыслей. В случае необходимости мы можем официально признать доктрину нефуизма, и от этого ничего не изменится — или очень мало... Вам же советую не думать о нефуизме, а больше учиться. У вас в каждом слове по три ошибки. Да и писк этот ваш. Ну как вы мне писковым голосом доложите, что поймали Дурака? Ведь вас потом всей планете покажут — героя! А вы — пискун!

Я слушал его, буквально открыв рот, но мало что понял, кроме того, что Пим — наш, и это надо тщательно скрывать. Миссия Пима столь важна, что он не может открыться даже брату.

С тех пор я внешне по-прежнему плохо относился к брату. Но внутри себя — уважал... немного. Меня мучило любопытство: знают ли рядовые нонфуисты об истинной цели существования их движения? Потом этот вопрос стал еще актуальней — после сближения с Фашкой. Временами я думал, что она в курсе, на кого работает, — и восхищался ею, а иногда жалел ее, видя, до чего искренне она подходит к нонфуистской деятельности. Она говорила: «Сейчас нет более серьезной оппозиции ЗОД, так я должна хоть в ней участвовать. А позже мы пойдем дальше: уже без Пима.» Если она знает, ну и лицемерка же!

— Зачем женщины одинаково, не делая различия, любят и праведных и грешных, — говорила она часто, лаская меня по ночам, — даже именно неправедных предпочитают! Насколько лучше стал бы мир, если бы агломератки любили исключительно праведных. Неправедным пришлось бы срочно изменяться — ведь всем хочется быть любимыми.

Фашку очень мучило ее хорошее отношение ко мне. Она не соглашалась стать моей женой, иногда по несколько проб мы не виделись единственно потому, что она вбивала себе в голову, будто не имеет права встречаться с лиловым, да еще с таким дубоголовым фанатиком, как я. Меня так и подмывало положить конец ее глупым метаниям и признаться, что мы служим одному делу — защите. Но Джеб, категорически запретил мне раскрывать тайну нонфуизма кому бы то ни было.

Что-то я стал много думать. Вообще-то я редко думаю. Всякая мысль — это путь к сомнению, беспокойство, непорядок. Ни о чем не думать, или думать слишком много, но неправильные мысли — это одна из тех крайностей, что может быть присуща Дураку. А самые глупые, по учебнику, — ночные мысли, и я много месяцев учился не думать в постели, еще дольше пришлось тренировать умение бездумно патрулировать ночной город — не могу сказать, что в этом я добился значительных успехов: то и дело мелькают контрабандные мысли. Надев лиловый комбинезон, я обязывался думать поменьше, но Джеб заставлял меня размышлять — уже не знаю, что ему за радость была здесь. Он то и дело запускал мне блох под череп, поневоле станешь мозговать, что значит та или иная его реплика, мнение, замечание. Но читать, как он приказывал, я так и не стал. Этого мне не надо.

Ни нюхать, ни читать — (подальше от этой заразы. Дикцию исправил, это ладно. Манеры улучшил) — теперь никто за деревенщину не принимает. Но читать — это уж принципиально нетушки.

Но думать я все-таки думал. И вдруг спросил Брида, который, казалось, уже задремал после седьмой или восьмой таблетки.

— Брид, а вы счастливы?

Мне показалось, что я вижу — осязаю глазами — взрыв многотонной бомбы молчания, осколки которой тяжело ранят Куско и отскакивают от слоновой кожи Ейчи, а через мгновение конфузят меня. Когда тишина улеглась, Брид безразлично, устало, лениво сказал:

— Я не обязан отвечать на подобные вопросы.

Я вздрогнул. Поделом. Я не смел задавать этот вопрос — и кому! Своему начальнику! Я не уполномочен задавать подобные вопросы даже самому себе!

Теперь каждый прохожий был объектом нашего пристального внимания — любой, кто так поздно не боится выйти из дома, может оказаться Им. Рисковать глупо своей жизнью — примета Дурака.

Брид контролировал движение всех своих патрульных шиман. Мы медленно двигались по совершенно пустым улицам. Куско беспокойно поглядывал на часы. Он никак не мог привыкнуть к наступлению официальной ночи. Впрочем, к этому трудно привыкнуть. Малая луна уже погасла. Кучер шиманы, похоже, тоже справился с часами — бесшумно поднялись и сомкнулись со щелчком створки прозрачного непроницаемого купола над нами. Мгновение спустя погасли разом все фонари Агломерации. Еще через дольку времени — невидимо для нас — погасли все огни внутри домов. Темнота была ослепительной. Ни зги не видать. Ейча и тот испуганно и суеверно проормотал: «Однава дыхнуть...» У меня внутри непроизвольно все сжалось: темнота до утра — большой луны не будет. Мы молчали.

Через пару долек времени стали различимы контуры предметов — не больше. Лиловые звезды были рассыпаны по безоблачному небу, но свет от них был скудный.

Шимана торжественно плыла в безмолвии. Куско не вытерпел и стал рассказывать какой-то анекдот. Никто не смеялся, только Ейча тихонько закряхтел, словно ему было неловко сидеть в кресле.

— Сзади... — шепотом сказал Брид. Я быстро повернулся. Куско и Ейча вскрикнули, испугавшись моего резкого движения.

— Что? — выдохнул я, напрягая глаза, замечая лишь какие-то тени сзади.

— Померещилось, — сказал Брид. — Плакучий сторож!..

Долек десять времени мы ехали в полном молчании. Шимана плавно поворачивала, прочесывая улицу за улицей.

— Свет! — наконец приказал Брид. Я мгновенно включил освещение — меня давно подмывало это сделать. Кучер стал медленно очерчивать круг света вокруг шиманы.

Это еще хуже подействовало на нервы. Кусок улицы выхватывался светом, бегущим дальше, потом погружался во тьму, и там до возвращения света могло произойти все, что угодно. Каждый из нас выбрал самый, по его мнению, опасный участок и вглядывался в него, то расслабляясь, то напрягаясь до истерики.

— Не лучше ли остановиться? — сказал Куско. — Тогда можно включить полный круговой.

Брид кивнул. Шимана остановилась, вертушка света остановилась, включилось полное круговое освещение. Мы стояли в центре площади. Однако, что было там, за границей света, опять-таки неизвестно.

— Мальчики, что так невеселы? — со смешком поинтересовался Брид. Он дежурит ночью два-три раза в год, по особой тревоге, ему тяжелее, чем мне. У меня хоть кое-какая привычка.

— А-ааа-э-а! — внезапно раздался резкий крик где-то за границей видимости.

— Что это? Агломерат? Слышали? — подскочил Брид.

— Из шиманы! — приказал я деловито. — Брид, оставайтесь, а мы выясним, что происходит.

Я знал, что наша экспедиция будет напрасной. Этот крик случается по ночам. Никто никогда не узнает, что это за крик. По легенде, распространенной среди лиловых, этот крик идет не снаружи, а изнутри. Но каждый раз мы обязаны бежать на него — вдруг это мольба о помощи... или вызывающая угроза Его?..

— Я? Здесь? — вскинулся Брид. — Бажан, группу поведу я, вы остаетесь в шимане.

Я поморщился, но приказ есть приказ. Оставаться одному, пусть и вооруженному до зубов, опираясь на помощь кучера, было не менее страшно, чем бежать в темноте навстречу неведомому врагу.

Я видел, как Брид с ребятами с разбегу погрузились в темноту — оранжевый комбинезон Брида был виден чуть дольше остальных.

Чего мы боимся? Кого? Темнота наполнена Им. Но раз-

ве он не агломерат? Он из плоти и крови, он не может появиться сразу из нескольких мест, он не может разрушить больше, чем способен разрушить один агломерат, и все же, все же... А что, если Он живет рядом с вершинами теперешних знаний! Тогда он может много, безумно много, непредположимо много... Однако по отношению ко мне он может одно — убить меня (да кто, через галактику, сказал, что цель Дурака — убивать? Это болезненное воображение!). Так это страх собственной смерти? Но, находясь на службе, я не боюсь перестать быть. Страх страха? Страх страха страха? И так далее?

Я чувствовал, что дольше не выдержу: это странное, дурацкое ожидание должно чем-то разрешиться — пусть ужасным, из ряда вон выходящим... И я сделал из ряда вон выходящее: стал быстро-быстро колотить пальцами по кнопкам видеофона. Экран не засветился.

— Слушаю, — прозвучал сонный голос Джеба.

— Где вы? — в растерянности спросил я.

— Да в спальне, гвоздь... Свет у меня выключен. Кто это?

— Б-бажан. Простите меня. Мне страшно.

Джеб молчал. Из далекой темноты донесся тяжелый вздох. Сейчас будет... Но, вздохнув, Джеб спросил с привычной любознательностью: «Чего вы боитесь?»

— Всего. Сам не знаю.

— Запомните: «ЭТО ЗДОРОВЫЙ СТРАХ, ПОТОМУ ЧТО ОН ПРИВОДИТ ЗА СОБОЙ РЕШИМОСТЬ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ НЕГО.» Все. Конец цитаты.

Видефон щелкнул — отключился. Джеб не стал вникать в подробности ситуации. Настоящий начальник — ему наплевать на дело после окончания рабочего дня.

В этот момент случилось то жуткое, что и должно было произойти: большое толстое мелькнуло перед моим лицом, сдавило мне голову и потащило меня вон из шиманы. Я заорал предсмертным криком. О Н О тоже закричало — страшным, неагломератским голосом.

— С кем ты разговаривал? Что ты задумал?

Из густой темноты высерились два лица. Через галактику! Это были Куско и Ейча. А кричал Брид. Они скопом придавили меня, но так, чтобы я мог отвечать.

Отхрипевшись, я выплюнул:

— С ума сошли? Я разговаривал с Джебом! Всего-то.

Брид недоверчиво хмыкнул и набрал номер Джеба. Недоумение уладилось. Меня отпустили.

— Вы сами виноваты, — сказал Брид. — Мы верну-

лись, а вы с кем-то болтаете. Мы и решили, что вы что-то сплетаете против нас. Ночью, сами понимаете, все кошки цветными кажутся.

Я отряхнулся и молча возвратился в шиману. Настроение у всех было хуже прежнего. Зато страх улетучился — напряжение разрядилось в нелепой схватке — остались раздражение и усталость после шероховато прошедшего начала ночи.

* * *

Светало. Мы через силу таращили глаза. Бриду было особенно обидно — напрасно отрубил целую ночь, особо опасного так и не поймали. «Не выпить ли нам? — сказал Брид. — Я всегда по утрам испытываю странное чувство тревоги и неудовлетворенности после патруля, еще с тех пор, как сам был лиловым.»

Он вынул из кармана грязно-серую капсулу. Мне не хотелось дурманиться, но надо было составить компанию. Я вытащил свою капсулу. Он щелкнул своей капсулой по моей.

— Откуда у вас такое чувство по утрам? — с жадным любопытством спросил я.

— Откуда?.. Какой же у вас хищный взгляд, Бажан... Откуда это чувство?.. Давайте еще по одной.

На этот раз он сунул в рот сразу три таблетки.

— А вы вспомните, откуда у вас... у тебя, Бажан, такое мурное чувство, когда ты по утрам возвращаешься от Мены? Фашке наврал, провел ночь у потаскушки... И только потому, что Мена духовно соответствует тебе, она лояльна, она... хм, небольшого ума.., но главное, у нее папашка — величина, Дион — первостатейный художник... По утрам так хорошо... так красиво... тихо. И не хочется вспоминать, верить, что где-то есть Дурак. А если Он и есть, то спит себе где-нибудь свернувшись в комочек под теплым одеялом...

Я оглянулся на Ейчу и Куско. Те почти не слушали. И все же...

— Стыдно по утрам за ночные страхи, — продолжал Брид. — И вообще — стыдно. Жизнь растрачивается на что-то необязательное, лишнее, неглавное. — Лицо его приобретало расслабленное, брюзгливое выражение. Таблетки действовали. Вечером он был крепче.

Я остановил шиману. Куско и Ейча растянулись на шимане травы. Но до них было рукой подать. Брид снова ожил, обвеваемый слабым ветерком. Язык его явно заплетался:

— Еще несколько ступеней назад воители не были такими бесцеремонными. Нашей задачей было следить за функциони-

рованием Защиты. Я свято верил, вкалывал до седьмого пота... А теперь мы заняты перетряхиванием мозгов. Похоже, что мы теперь не агломератов от Дурака защищаем, а Защиту — от Дурака и остальных. Мы истерически хватаем агломератов без разбора, направляем на Г/А. Безрезультатно. От этого напряженность растет еще больше.

— Агломераты сами творят самосуды, направляют кого попало на Г/А. Мы только централизовали уже имевшуюся тенденцию, — сказал я осторожно, вызывая его на большую откровенность.

— Они больше не верят нам, — сказал Брид, закрывая глаза. — Мы обещали избавить их от Него. А на самом деле мы только гоняем какую-то тень да живем себе припеваючи... Мы валяем дурака, а не ловим Его. Хорош каламбур?.. А может, Его нельзя поймать? Никогда? — Он перешел на сбивчивый шепот: — Никогда, понимаешь, никогда не поймем! — И вдруг он заорал так, что Куско и Ейча вскочили с лужайки, покрытой серой имитацией травы:

— Быть может, его и вовсе не суще...

— Бри-и-ид! — возопил я, заслоняясь своим криком от его слов и загораживая своим криком слух Куско и Ейчи. — Я ОБВИНЯЮ ВАС...

Голос у меня сорвался, и сказать, в чем именно я его обвиняю, я уже не мог, только свистящим шепотом приказал:

— Я подозреваю, что это Дурак. Нейтрализовать.

Брид не испугался, он насмешливо поджидал Куско и Ейчу.

— Бажан, — сказал он, иронически кривя губы, — вы, возможно, последний, кто всерьез верит во все эти выдумки с кнопочками, заслончиками, перестраховочками и патрульчиками. Да и верите-то вы, не в обиду вам, не от большого ума... Я вас любил, но в вас есть что-то собачье — ваша преданность похвальна, хотя и вызывает насмешки... Но вы их не замечайте, насмешки. Когда верить уже не во что, последнее спасение — преданность до последнего вздоха, вопреки всему, вопреки здравому смыслу... Я не могу, вы можете, вы счастливы. Мы слуги дела, в которое не верим. А если не верим мы, то как мы заставим верить других?

Куско и Ейча очумело смотрели на нас. Я сделал традиционный жест. Куско и Ейча мгновенно скрутили Брида. Их не смущало то, что они связали своего начальника. Если я ошибся, они так же скрутят и меня, — но позже. Был бы приказ. А сейчас ответственность на мне, и они подчиняются — машинально, быстро, ибо все, что непонятно, — невозможно, а невозможное нельзя допустить.

Джеб угнезвился в своем огромном кресле и чистил зубы ниточкой. На мой приход по вызову он отреагировал только угрюмым взглядом. Я стал рапортовать, он выдернул ниточку из рта и клацнул зубами. Я обмер.

— В курсе я, в курсе, — лениво выговорил он. Его способность превращаться в дегенерата парализовала агломератов, которые общались с ним; сбивала она с толку и меня, несмотря на долгие годы знакомства. — Уходили Брида, спасибо.

Он громко, противно потянул воздух носом. Я потерялся. Как вдруг он вскочил и выбежал из-за стола, перемолнившее выражение лица, щедро улыбаясь и замер передо мной, стоящим навтыжку:

— Бажан, поздравляю вас с правильной реакцией на ситуацию. Вы оправдали наше доверие и многолетней безупречной службой заслужили соответствующее отношение. С завтрашнего дня вы назначаетесь подначальником оранжевых города № 18 вместо безвременно ушедшего Брида. Под ваше командование переходит двадцать пять патрулей сектора 44/792. Поздравляю.

Не помню, как я вышел из его кабинета. Кажется, он отпаивал меня водой. Или нет, я сумел сохранить внешнюю невозмутимость? Не помню. Ах да, прежде чем выйти, я вдруг вернулся.

— Джеб, я благодарен вам... я так..., а знаете, я могу быть полезен... я знаю, где особо опасный преступник...

Помню, Джеб записал данные и горячо поблагодарил меня.

Примечание... Я — оранжевый, и это главное. Но простит ли Фашка. Ах да, я просил Джеба взять Примечание на улице, чтобы не возникло подозрения в моем доносе.

В пустой приемной я остановился. Дрожу, Я — оранжевый!

Сладко плеснулось детское: то, как по веревке, связавшей две рожи, мчался торт с оранжевыми свечками. И вот я сам — будущая оранжевая свечка на шимане, скитающейся по свету в поисках покоя для Агломерации!..

Дверь за мной неплотно прикрылась, и я вдруг услышал голос Джеба — он кому-то видеодировал.

— Да, да, — говорил он. — Меня интересует, есть ли свободные места в ЦЕНТРЕ ВЫСОЧАЙШЕГО ОБУЧЕНИЯ. Я знаю, пробиться туда ужас как трудно, я сам туда пробился большой кровью. Не мог бы ты по-приятельски пощупать... Нет, не для моего сына. Тут есть один подонок, который уже

дорос до подначальника, сейчас он приступает к работе. Это недоагломерат, который ни перед чем не остановится, для которого нет ни морали, ни нравственности... короче говоря, его надо нейтрализовать. Пусть учится, галактика с ним. По крайней мере, шесть ступеней не будет буйствовать. А потом... ну, надеюсь, к тому времени обстановка на планете переменится. Ну, бывай, заранее благодарен.

Мне было неловко, что я подслушал. Мягко ступая по ковру, я вышел из приемной. Кого имел в виду Джеб? Кто из наших недавно стал подначальником? Четверо ребят. Кто же из них тот подонок, который может столько натворить? У Джеба тонкое чутье на агломератов, он не может ошибиться.

Работа оранжевых представлялась мне в виде лихих прогулок по Аграрке. А эти прогулки были лишь каникулами в будничном труде по поддержанию порядка систем ЗОД. Патрулирование было одной сотой обязанностей, романтической добавкой к ежепопытному контролю за функционированием и ремонтом миллионов систем ЗОД — от бытовых до глобальных — в масштабах планеты. Конечно, к планетарным комплексам я не имел никакого доступа по малости своего поста, но городские абракадабры то и дело задавали мне работу. Ведь ни один зодовец не знает до конца порученную ему подсистему. Представление о ее работе складывается в мозаику только из знаний нескольких воителей. Эта перестраховка от Него, если Он появится среди воителей.

Ревизорская поездка в Аграрку выдалась только через несколько проб.

За последней громадой Околесицы гладкие языки иссерасерых дорог были обрублены. Открывался уродливый пейзаж Аграрки. Ни правильности, ни выверенности форм и линий. Кривая линия леса, холмы, овраг, хаос неровностей — и гадкие, несерые цвета. Зеленый резал глаза. Желтоватые дороги, рыжие склоны оврагов, черные проплешины на полях и взгорьях, синеватая вода в реке и еще множество кричащих, вульгарных цветов. Только детские воспоминания смягчили мое отношение к этому безвкусно многоцветному миру. К счастью, хоть небо привычно серое, да светило любо оранжевое.

На перевалочном пункте вышла заминка. Робот проворно проверил все наши пропуска, сверяясь с лоскутом бумаги в своем манипуляторе, и вдруг указал на широкоплечего агломерата, сидевшего рядом со мной:

— А вам нельзя.

— В чем дело? — уставился на него широкоплечий.
Робот еще раз посмотрел на лоскут бумаги:
— Нельзя, потому что у вас пупок грязный, — сказал он.
— Откуда вы знаете? Я ведь в комбинезоне.
— Все знать — наша обязанность.
— Но он оранжевый! — вмешался начальник экспедиции.
— Кроме того, какое отношение имеет чистота его пупка к нашей миссии?
— Непосредственное.
— Ах, непосредственное... Тогда другое дело. Возьмите ватку и протрите пупок, — обратился начальник к широкоплечему, который больше не казался широкоплечим. Тот покраснел и расстегнул комбинезон. Закончив, он робко спросил:
— Вот. А теперь можно?

Робот лязгнул металлом, задев манипулятором о край стола, снова справился с лоскутом и сказал строго:

— Нет, нельзя. Вы забыли дома выключить свет.

Широкоплечий вышел из шиманы, и мы тронулись.

* * *

Мало того, что Аграрка оказалась местом вульгарным, идеализированным моими воспоминаниями, — экспедиция вылилась в изнурительную механическую работу. Мы давали людям опросники, втолковывали необходимость искренних ответов, вели устные беседы, выслушивали наушников, наблюдали, чтобы вынести для рапорта свои личные впечатления. Мы должны были принести гору информации, которую проанализирует наше начальство. Согласно учебнику, нахождение Дурака в Аграрке наиболее вероятно. Но со временем чувство опасности притупилось в нас. Хотелось одного — быстрее вернуться в Агло.

Меня поражало в жителях Аграрки их покорное отношение к нашим опросникам, беседам, подсматриваниям, подозрениям. Мы в Агло привыкли: так, мол, надо, но они-то... Их не возмущает, не злит, и я часто вспоминал Примечание с его противоестественной ненавистью к тому, чтобы в его душе копались посторонние, пусть даже в оранжевых комбинезонах. Я ждал от жителей протестов, сопротивления и был приятно удивлен их поведением. Они оказались образцовыми агломератами. Поэтому мое враждебное отношение к ним сменилось равнодушием, что, как говорит Фашка, при моем характере равноценно любви.

В одном из поселков вокруг нашей шиманы крутился веснушчатый агломерат. Он сыпал вопросами и мешал нам

работать. Я хотел задать ему взбучку, но он смотрел до того преданно, что я спросил:

— Очень ненавидишь Дурака?

— Да! — звонко, смело ответил он.

— Молодец. Вырастешь, приходи ко мне в Агло. Если я Его не поймаю, за дело примешься ты. Договорились?

В глубине души я надеялся, что мы навестим мой поселок. Но вышло так, что мы пронеслись на полной скорости той дорогой, которую я изгрыз глазами за долгие попытки сидения на груше. Я уже привык к открытой круглой шимане и не был так взволнован, как ожидал. Стекла в домике Примечания были по-прежнему разбиты, корыто уже никого не защищало от дождя.

Мы проскочили мимо того места в лесу, где я повалил в траву Фашку. Мне стало скучно. Фашки не было.

Ночевать мы остались в соседнем поселке — до моего совсем близко. Все, кроме начальника, улеглись на сеновале.

Я не сразу заснул: чужой разнозвучий храп сердил меня и отгонял сон. В голову лезло разное, но я привык не думать по ночам, старался думать о том, что ни о чем не думаю.

Внезапно дверь приоткрылась, и я увидел, как высоко, на уровне ручки, в просвет сунулась маленькая темная кошачья морда с пятном под правым глазом и надорванным левым ухом. Морда требовательно повела усом, и я понял, что она зовет меня за собой. Я бесшумно поднялся и вышел во двор. Лиловый свет большой луны резко очерчивал дальний лес; белые стены домиков, обращенные к восходящей луне, мерцали и, когда я жмурился, словно качались в воде. Кот исчез. Но посреди двора стоял гигантский, выше крыши, мешок — мешковина была влажной. Я почему-то угадал — это кровь.

Мешок истошно, на всю вселенную мяукнул — и обрушилась тишина. Из-за мешка вышел дед Плешка и со сладострастной улыбкой, не соответствующей словам, сказал: «Оглянись вокруг». Я оглянулся.

Я видел все сразу, все цвета, которые были прекрасны даже при лиловом лунном свете. О, как славно!

И вдруг я заметил, что стою на губах Примечания, а он говорит что-то очень громко, но я не слышу, потому что колеблюсь от каждого движения его губ и есть угроза свалиться в пропасть его рта. Я все с большим трудом удерживался на его нижней губе, и внезапно он выкрикнул слово, которое я понял: «Дурак!» — и я не удержался, соскользнул...

Мой крик никого не разбудил.

Я встал и вышел во двор, чтобы успокоить колотящееся сердце. Белые стены домиков, повернутые к луне, мерцали

особым дружелюбным светом. Я подошел к кусту сирени и тронул листочек, который и сейчас, в потемках, не обрел своего оттенка, а зеленел всей своей нежной, для глаз, и жесткой, для кончиков пальцев, поверхностью. У каждого предмета вокруг были свое лицо, свой цвет. Мне вдруг захотелось прижаться к бабушкиной груди и заплакать.

Я настороженно огляделся. Кругом все спало. Тогда я вышел за ворота и, ступая осторожно, стараясь держаться в тени кустов, побежал в сторону родного поселка.

* * *

Дедушка сидел на лавке и потирал затылок. «Так, значит, уже в оранжевых ходишь? Вот какой карьер, бабка, внучок, сделал!» Бабушка, заплаканная от радости, отмахивалась: «Не язви, язва. Ужели внуку не рад?» — «Рад, как же», — огрызался дед, словно не он пять долек назад сжимал меня в объятиях, и сметая слезу.

Окно было распахнуто, и крыша домика Примечания колола мне глаза. Он был беззащитен. Попер супротив рожна, сидел бы себе в своем красностенном домике. Ничего этого я не мог рассказать милому злому дедушке.

— Дед, споем? — вдруг попросил я.

— Разные у нас с тобой песни, — окрысился дедушка и тут же затянул с высокой ноты песню времен оккупации планеты:

Вернись со звезд, о, капитан,

Вернись — тревожно здесь,

Ты нужен здесь, ты нужен весь...

Я подхватил сипло, с непривычки, потом — чище, звонче. Бабушкин голос вплеся, и чудо, чудо, но вдруг я испугался. И запахнул лицо — закрылся. Я вспомнил, что музыка расслабляет, и агломерат показывает свое настоящее лицо. А вот дедушка и бабушка не изменились. У них были прежние добрые лица. Настоящие? Песня оборвалась. В гнусной тишине я не сразу нашелся.

— Фашку видел. Цветет. Моя невеста, — наконец сказал я.

— Не по тебе, — сказал дедушка. — У тебя глаза серые, а у нее — видал какие!

Горьким был разговор...

Под утро я попрощался с бабушкой. Дедушка проводил до опушки леса.

— Как здесь прекрасно, — сказал я. Надо полагать, своим восхищением я не нарушал условий Победившего Разума. Закона презирать Аграрку нет. Просто не рекомендуется ее любить.

— Прекрасно? — повторил дедушка. — Стало быть, нравится? Вот мы ночь с тобой проговорили. Даже песни пали, хоть ты личико и прятал. Подрос ты. Но расти тебе еще долго. И в какую сторону потянешься, галактика тебя знает... Напоследок разочарую тебя. Тебе, оранжевому, пора бы знать, что все это — подделка.

— В каком смысле?

— В прямом. Агломераты давным-давно истребили природу. Но потребность в ней у многих осталась. Тяга к природе перешла в легенду. И тогда в Околесице сделали траву, сконструировали деревья, нанизали на них листву, наворочали пригорков и оврагов в бывшей Пустике — в ее кусочке, запустили собак и кошек с планеты Земля, сработали еще всякой жизни на биосхемах.

— Не может быть. Они размножаются!

— Ты разве забыл, что с твоего детства ничего не изменилось? Тот же Лохматый вон на цепи — несколько не постарел.

Я прислонился к дереву. Голова кружилась. Но, почувствовав спиной кору, я отпрянул — дерево было ненастоящим.

— Почему? Но почему? По-че-му?

Дедушка не хотел видеть, в какой колодец он толкает меня. Его прожорливая, изголодавшаяся злость перекусила меня, не заметив, как не замечает метровый пес случайно проглоченное насекомое. Но и в этом сравнении теперь, я знаю, участвуют суррогаты: синтетический пес и механическая муха...

— Почему? — передразнил дедушка. — Потому что это часть ЗОД. Кто-то когда-то решил, что возвращение к природе, земледелию, к естественной связи с почвой, к неспешному вдумчивому образу жизни на берегах незагаженных рек, к лесам, полным зверей и птиц, — все это чудовищная глупость, идея, достойная Дурака. И вот, чтобы никакой Дурак не смог вывести агломератов из бездушной геометрии Агломерации, из сутолоки, не оставляющей времени на размышления, из пыли, грязи, закопченности Агломерашки, была придумана Аграрка — с целью опошлить саму идею ухода из Агло. Мол, вот она какая, Аграрка — нравится?! — с синтетическими ко-ровами, куца подделка! Аграрка в том виде, в каком она сейчас существует — с неурожаями, стареющими вырождающимися жителями, пьянством, бескультурьем, — самое убогое, что можно себе представить. Но ведь это лишь провокация — вся эта профанация того, что может быть прекрасным, чистым и обильным. Провокация против несуществующего Дурака. Да, никакой Дурак не станет звать агломератов жить в такой Аграрке! Но умнейший агломерат позовет агломератов в ту Аграрку, которой она может и должна быть!

— Молчи, молчи, молчи, — прошептал я, особенно пугаясь его последних фраз. — Я ничего не слышал, ни слова, ни слова...

* * *

Через несколько недель меня вызвал Джеб.

— Приятный сюрприз для вас, Бажан. Я выхлопотал вам место в Центре Высочайшего Обучения. Что с вами? Вы победнели! Возьмите себя в руки.

— Спасибо, огромное спасибо, — сказал я. — Не знаю, как вас благодарить.

Джеб что-то пробормотал. Я ослышался, потому что мне почудилось: «До чего ж я ошибся в нем... глуп, до чего глуп...»

— Простите? — переспросил я.

— Нет, я так... Вы свободны. Сдайте дела, со следующей недели приступайте к учебе. Теперь уж вам придется читать книги — так и не отвертелись.

Я был ему очень благодарен, но мне было так и непонятно, почему он так любит меня, так выделяет из остальных, принимает так близко к сердцу мою судьбу.

— До свидания, — восторженно проговорил я. — И помните, я за вас готов в огонь и в воду!

— Ну, ну, не надо... Идите. Идите же!

* * *

Я вспоминаю, и мне больно.

Часть третья

СТЕБЕЛЬ

222 ступень после Д. Р.

Пчела не знает, что несет семена цветов.

...В связи с необратимым процессом, результат которого монополия на принятие решения, что ведет к деградации всего Комплекса, приходится констатировать перманентный рост

поляризации по отношению к окказиональным действиям. Когда суть бытия сводится к ежепопыточному систематическому отклонению от принятия решений, тогда вопрос об окказиональности волеизъявления перестает быть риторическим. Жизнь функционирует, следовательно, решения принимаются — принимаются случайно, когда необходимость решения созревает до невозможности нерешения. Тогда, чаще всего внезапно, решение принимается — первое попавшееся решение на первом попавшемся уровне.

Кучер вел шиману домой, а я мысленно продолжал тот спор, который не прекращался в Комиссии по превратностям взаимодействия всю последнюю неделю, пока мы заканчивали доклад по итогам ревизии пятидесяти производств. Как председатель Комиссии, я мог выдвинуть неординарное решение, но едва ли десятая часть сотрудников меня поддержала бы. Большинство выдвинуло концепцию умалчивания — то есть попросту настояло не включать в доклад тревожных фактов.

Рабочий день завершился, массы агломератов перемещались из Околесицы в города и из Оплота — в города. Хотя кучер сбавил скорость, ориентируясь на повышенную интенсивность движения, тем не менее толпы на тротуарах сливались для меня в серую неплотную массу. Из перестраховки кучер притормаживал на отлично закругленных поворотах, в которые легко вписаться даже на большой скорости, и тогда я различал фигуры, составляющие вирулентные потоки агломератов.

На одном из поворотов мое рассеянное внимание зафиксировало необычное. Я нажал кнопку торможения.

То теряясь за чужими спинами, то появляясь вновь, по течению с толпой удалялся от меня агломерат. И то пропадала, то заставляла меня вздрагивать крупная, жирными буквами, надпись на его комбинезоне: «НАДОЕЛО!»

Я выскочил на тротуар и побежал за ним, задыхаясь от злобы и возбуждения. Пешеходы нарочно загораживали мне дорогу — мой оранжевый комбинезон вспыхивал в их глазах, как огонь ненависти, и серая масса грозно сгущалась. Гвоздь в галактику! Я побрел обратно к своей шимане — агломерат с надписью пропал.

Мена выбежала встречать меня в прихожую. Я ласково приветствовал жену и пошел переодеваться к ужину.

— Со мной случился дикий анекдот, — смеясь, сказала Мена. — Я полчаса прождала продукты внизу, на складе.

Я замер возле открытого шкафа.

— Как ты сказала?

— Продукты не подвезли, собралась толпища, все были

так удивлены. Впервые в жизни я увидела на складе пустые полки. Забавно. Перед нами извинились, и все уладилось.

Вот оно — «забавно».

Пока Мена разогревала ужин — она не позволяла это делать домашнему роботу, чтобы доставить мне удовольствие, — я рассказал ей инцидент с надписью. Она внимательно выслушала и попросила повторить рассказ.

— Зачем повторять? — насторожился я. Мы поженились на 218 ступени, мое обучение было на четвертом этапе; поженились сразу после того, как Фашка поставила вопрос ребром: или я с оранжевыми, или с ней. Последние ступени мы жили с Меной недружно, и я всегда был начеку в ее обществе. Чуть расслабишься — и она упечет на Глубокий Анализ. Мне бывает неприятно смотреть на нее.

— Повторить, потому что рассказик любопытный. Невинную надпись «НАДОЕЛО!», которая может иметь сотни поводов, ты воспринял однозначно. Как антизодовскую. Ты хоть понимаешь, что означает твоя реакция? С чего ты взял, что речь идет о ЗОД? Вывод один: или тебе лично жить надоело, или ты чувствуешь, что так жить надоело другим. В первом случае ты сам преступник, во втором — ты на грани преступления: в твоём мозгу угнездилась омерзительнейшая мысль, будто тот возвышенный образ жизни, который мы ведем, может кому-либо не нравиться! Хорош же преданный оранжевый, триначальник, у которого слово «надоело» вызывает единственную ассоциацию — надоело жить с проклятой Защитой!

— Ты считаешь, что агломерат не имел в виду ничего дурного?

— Бажан, галактика с этим типом! Подумай о себе, ты-то не таишь в себе «дурного»?

— Я бывший лиловый, а они натасканы подозревать кругом самое худшее, — неуклюже парировал я ее плутовской удар. «Возвышенно-разумный образ жизни!» Слова-то какие обтекаемые. Слова не должны обманывать умных агломератов. Слова говорят для того, чтобы ввести Его в заблуждение, охранить Смысл от Него.

Едва я удалился в свой кабинет и начал переписывать набело завтрашний доклад, со мной связался дежурный двуначальник:

— Бажан, грандиозная неприятность — завтра праздник Снега, а снега нет. Максимум на полпопытки, а необходимо на три.

— Растяните.

— Не выйдет.

— Но столько производств обязаны давать снег! Хоть всю

планету завали! Ладно... отправьте в соседнюю планетную систему за снегом. Успеете за сутки?

— На это уйдет три четверти суточной энергии планеты!

— Это приказ — выполнять!

Мельком я подумал: «А неправ был Примечание, когда смеялся над прошлогодним снегом. Он не знал всех тонкостей агломерационной экономики».

Промышленность Околесицы составляют группы производств. Одни поставляют сырье, другие — полуфабрикаты, третьи — запчасти, пятые — микросхемы и так далее. Хозяйственный механизм Агломерации действует только как результат сцепления тысяч шестеренок. Мой сектор службы ЗОД занимается взаимодействием производств. Мы держим в своих руках огромное количество нитей и следим, чтобы они не перепутывались. И однако они путаются. Об этом мой доклад — результат многопробной ревизии. Можно бы и умолчать. Но это опасно для стабильности Агло. Во-вторых, если я сделаю броский доклад, то привлеку внимание к себе: волей-неволей заметят и приставят к исправлению выявленных недочетов. А это широкие горизонты, случай приносить наибольшую пользу обществу. Фашка была права, когда утверждала, что я подонки, фанатик, бесполезный в общей структуре общества. Нет, я гибок, я не туп и не прямолинеен, как многие намекают.

Рык Напоминающего Времени заставил меня подскочить. Через галактику! Как мне надоели эти регулярные пытки. Знаю, знаю, что времени у агломерата в обрез. Но это напоминание всякий раз на целый час выбивает из нормального ритма. А идиотство с официальной ночью и гаснущим светом? Приходится работать при лучинах, а эта исступленная фанатичка Мена крадет лучины и уничтожает запас, не давая мне трудиться. Работа! Тоже вот — напридумываешь, наизобретаешь, а как до дела — никакой самостоятельности, контроль за каждым шагом. Никакое изобретение не принимают сходу — миллион проверок, а потом внедрение — тяготина на многие ступени. Чуть что необычное предложишь, так тебя и сковывают десятка два подонков. И эти подонки уверены — они-де защищают интересы общества. Ретроградство, консерватизм процветают. Бюрократизм раздулся до умопомрачительных размеров. Только что разбирали дело: перенос тумбочки из одного угла бытовки на одном из производств в другой угол той же бытовки. Бригадир не решился принять такое важное решение и бросился к директору. Словом, через три пробы дошло до президентов. Те собрались вдесятером и решили, что вопрос в компетенции

простых работников. Тогда работник написал новую бумагу и понес бригадиру. И снова... С шестого круга бумага сошла случайно: одурманенный работник бульдозера снес бытовку, а с ней и роковую тумбочку. А если бы не бульдозер? Я хочу спросить, почему бытовка со столь драгоценной тумбочкой не была многоступенчато защищена от Дурака? Да, работник бульдозера отправлен на Г/А, но бытовку-то — в щепы!.. И главное, не смей думать обо всем этом плохо — все это часть «возвышенно-разумного образа жизни»!

На прошлой пробе я беседовал с Пимом. Вообще-то я постоянно помню, что он — нонфуист, оппозиционер, поэтому не люблю ругать что-либо при нем, но тут не удержался:

— Вообрази себе, Пим, до чего доходит. Только что моя Комиссия раскрыла еще одну «победу разума». На производство 541/ПФ поступала с производства 1874/ПП таква, наша излюбленная таква, без которой не обходится ни один обед. Чтобы проще было хранить большие запасы этого продукта, его перерабатывают в порошок. Затем порошок вывозят со складов и превращают в жидкую такву на 698/РП. Но жидкую такву везут потом не потребителю, а обратно, на производство, где ее преобразовывают в порошок, порошок — в жидкую такву — и так без конца. Работали без потерь по замкнутому циклу. ЗОД не препятствовала, потому что трудно даже предположить такой оборот дела. Виноватых нет, потому что всем было безразлично, попадет ли таква на стол агломератов. Предприятия выполняли план.

— Бажан, ты все еще наивен. Мой сын обнаружил позавчера во внутреннем дворике Охвостья среди ветхих домов новехонький космолет с фотонным двигателем. Кто бросил, почему — поди угадай. Стоит себе, любезный, поблескивает. Я сам не поленился проверить. Залез вовнутрь, попробовал управление, взлетел, совершил круг вокруг планеты и вернулся. Сын говорит, что эта «штука» стоит там уже не первую пробу, ребятишки выцарапали на корпусе непристойное слово... А ведь постройка каждой ракеты с фотонным двигателем — событие планетной значимости, плод усилий миллиона агломератов.

— Очевидно, — сказал я, — вся беда в существовании Комплекса. Пока он есть, каждый мой шаг, жест, даже мысль, регламентированы. То есть я знаю, куда ступить, какой жест сделать и какую мысль думать. — Комплекс подсказывает мне и шаг, и жест, и мысль. Мне незачем размышлять, когда есть готовые блоки решений. И если я поступаю по невидимой подсказке, то я снимаю с себя какую бы то ни было ответственность. Обвиняйте Комплекс, коль вам не по вкусу

мой поступки... Вот и находят фотонные ракеты на свалке с процарапанной на обшивке непристойностью!

— Ты все же редкое исключение, — сказал Пим, пытаясь успокоить меня. — Ты агломерат, который осознал, что его поступки могут прийти кому-то «не по вкусу». Остальные даже не догадываются о возможности ошибок: Комплекс-де не ошибка, следовательно, и все, сделанное в рамках его требований, не может быть ошибочным...

— Пим, ты осознаешь, что твои действия ведут, подводят к насилию?

— Я не могу согласиться на оправдание насилия, потому что там, где его хоть немного дозволено, нет преграды для увеличения «нормы» на еще чуть-чуть, и еще чуть-чуть. Где есть право на насилие, там сыщется место и злоупотреблению насилием... Дурак, сущий во мне, рано или поздно превратит лекарство в яд, потому что в большом количестве любое лекарство — яд. Так же и насилие... Мы до сих пор не знаем точно, что имеется в виду под термином Дурак, хотя полно всяческих определений. Не знаем, чем же он реально опасен.

Мы еще долго обменивались сумбурными мыслями, пока мне не стало стыдно. Я одернул свой оранжевый комбинезон, а заодно и себя, сменив тему разговора.

— Ты все еще шуришься, Пим. Если плохо видишь, ложись в больницу, смени глаза.

— Да все недосуг.

Каждая встреча с Пимом больно напоминает мне о Фашке. Она давно распознала то, что я только теперь вижу отчетливо: Пим не представляет угрозы ЗОД. Он — болтун, как и его последователи. Их терпят, потому что приятно иметь в оппозиции бездеятельных болтунов. Без оппозиции скучно, без явной оппозиции возникает угроза, что зародится тайная, могучая организация. Еще во времена, предшествующие поступлению в ЦВО, я полагал, что нонфуизм спровоцирован оранжевыми (эту мысль подбросил мне Джеб). Именно из-за этого произошел разрыв с Фашкой. Она разлюбила Пима столь же яростно, как и полюбила поначалу. Но и позже она защищала его от «такой дряни, как ты». Однажды я взбеленился и ляпнул: Пим, мол, продался, нонфуизм — часть оранжевой службы. С ней сделалась истерика. Она припомнила разные мелочи, которые раньше настораживали ее, и поверила моей версии. Домашний робот спас ее от самоубийства. После выздоровления она пошла к Пиму, чтобы уничтожить его. Тут я и решил, что она — Она, ведь убивать может только Дурак. Они встретились с Пимом наедине, и он сумел убедить ее, что

Джеб солгал. После этого Фашка стала избегать меня, а потом и вовсе пропала.

Это были самые черные попытки в моей жизни. Я с трудом продрался сквозь несчастье... А там подвернулась Мена — с ее упрямством, целенаправленной любовью ко мне, с могущественным отцом, покоряющим миллионы своим похабным творчеством. Помню, Мена говорила: «Я дегустаторша. Я не запойная. Я отведаю одного агломерата — и дальше. Чтоб я да не дала — такого не бывает. Если не каждому давать, можно пропустить Единственного!»

Я был даже счастлив первые недели с ней. А потом я вдруг понял, что она не думает, вернее, мыслит какими-то заранее заготовленными блоками, кассетами мыслей, и мне стало скучно с ней, как мне было бы скучно с самим собой, каким я был ступеней десять назад — восторженной деревенщиной с распахнутыми глазами.

На следующее утро я проснулся с тяжелой головой — после бессонной ночи. День предстоял важный. Поворотный.

За завтраком я поперхнулся такой — диктор утренних известий, приятно улыбаясь, зачитал сообщение: за последние две недели несколько сот агломератов переехало на постоянное жительство в Аграрку. Правом выезда в Аграрку владеют только оранжевые. Значит, выехали оранжевые! Диктор об этом умолчал. Но я прекрасно понял, что это значит. Уж если оранжевые потянулись туда...

— Эта волна любви к природе достойна сожаления, — подытожил диктор, предоставляя слово профессору такому-то. Такой-то, сделав буку, сдвинув брови, прямо в камеру сказал, что пестрота красок Аграрки портит зрение взрослых агломератов, а обилие кислорода вредно действует на функции мозга, — например, ночью там невозможно не думать. Деревья там выделяют вреднейшее вещество — озон, который разрушает легкие агломерата, съевшиеся за многие поколения городской жизни.

Вот как, подумал я, не вслушиваясь в галиматью профессора, — появились кретины, возлюбившие травку и птичек. С чего это они возлюбили пестрые пейзажики? Думая это, я одновременно сознавал, что думаю ахиною, и сейчас важно не мое мнение по поводу данной информации, а моя эмоциональная реакция на нее.

— Всех бы их на Г/А! — сказала Мена. — Предпочесть Аграрку!

По дороге на службу я приглядывался к улицам. Справа и слева стояли огромные ящики без окон, по ним ползали автоматы — и красили фасады, красили, красили, красили фасады. Между домами стояли цепочки палок с навешенными на них квадратами и треугольниками. Шимана заворачивала на новую улицу, и снова маршировали ящики, ящики, а оранжевое светило казалось чудом, и я вдруг вспомнил вид сверху, когда еще глупым юнцом парил над Агломерацией на шимане. И мне вдруг показалось, что я упакован в большой серый ящик, вверху которого круглая дыра, через которую проникает оранжевый свет, но от этого все кругом казалось еще серее и непролазнее.

Я вылез из многоугольного ящика — шиманы — и направился к громадному ящику — главному зданию Грозди. Я вошел в ящик лифта и внезапно понял, что ничего из моего доклада не выйдет. Никому он не нужен. Все, что делалось кругом, делалось быстро, ловко, преднамеренно и неостановимо. Выбраться из этой колеи, пропев несколько скорбных слезных фраз, нельзя было. Более того, мой доклад, нацеленный подправить колею, был лишь частью колеи, частью движения, а река не может исправить свое течение иначе, как со временем промыть себе новое русло, или резко, бурно... Мой доклад был лишь одинокой волной, ударяющей в непривычном направлении в поисках нового, лучшего русла...

Не успел я разложить бумаги в главном зале, украшенном мозаикой, изображавшей деяния Предтечи, как вошли девять президентов, ответственных за координацию производств, а с ними — десятки советников и с полсотни работников высших оранжевых служб. Я кивал многочисленным знакомым. Среди советников президентов я с раздражением заметил Рогульку, одноэтапника по ЦВО, и Рачи, ставшего теперь крупным публицистом. Среди оранжевых присутствовал Джеб. С тех пор, как я допетрил, до чего он меня ненавидит, я в постоянном конфликте с ним — и сегодня он пришел, чтобы подгадить мне, это уж наверняка. Он взметнулся к вершинам власти — сейчас он ведущий контролер Координатора, но это не имеет отношения к координации производств.

После вступительных слов я начал:

— Уважаемые президенты! Как триначальник, я рассмотрел все факты в комплексе, чтобы выявить эффективность сотрудничества производств в Агло.

Я стал подробно излагать все, что увидела Комиссия. Президенты хмурились. По их жесту из зала удалили представителей прессы. Рачи, благодаря своей личной близости к президентам, остался. Я ожидал подобной реакции, но смело

гнул свою линию, оставляя самые убийственные цифры и факты напоследок.

— ... таким образом, комиссия вынуждена констатировать: производства заняты преимущественно защитой от Дурака, иными словами, девятнадцать двадцатых усилий производства направлено на создание систем защиты от Него, их ремонт и придумывание новых систем, на создание системы перестраховки от перестраховки и так далее. На комбинатах царит круговая порука — никто не принимает решений, примитивная задача покраски дверных ручек перерастает в эпохальный вопрос. Дело доходит до маляра только после сбора ста — ста пятидесяти подписей, но затем начинается согласование разрешения на использование кистей. Что же говорить о более сложных проблемах? Они вызывают поток бумаг, разговоров, переговоров, сомнений. Работники парализованы страхом трудиться на Дурака. Этот страх не рассеивается, а нарочито нагнетается. Работники видят, что решения принимаются после дичайших опасений, в атмосфере чудовищного недоверия. Решения противоречат друг другу, потому что имеют целью обмануть Его. Но никого, кроме себя мы не обманываем!

Особое беспокойство Комиссии вызвало нерациональное использование технических достижений, в частности, самоработающих комплексов, где агломераты только контролируют автоматiku. Мы зафиксировали документально то, что в виде слухов давно циркулирует по Агло, а именно: полное нежелание автоматики работать в полную силу. Атмосфера, создаваемая на предприятиях перестраховкой против Него, опасением чужих ошибок, недоверием всех ко всем и к самим себе, в первую очередь, повлияла непредсказуемым образом на биотронные мозги станков, приборов, конвейеров и прочих рабочих комплексов. Мы имеем налицо отлынивание автоматики от полноценной работы. Они работают лишь на одну десятую возможностей. Производительность их труда не возрастает. Свободное время они заполняют отдыхом, решением посторонних задач и разработкой теории гипотетического появления Его в образе биотрона.

Таким образом, лишь одна двадцатая производства направлена на создание материальных ценностей, а из этой двадцатой лишь одна десятая реализуется в полной мере. Мы производим пока всего лишь одну двухсотую от того, что можем. И пока обеспечиваем себя всем необходимым. Однако, население растет, производительность падает.

Комиссия оставляет делать выводы руководству планеты. Решать не нам.

Комиссия предлагает как первый шаг создание при оранжевой службе группы убеждения. Она будет вести широкую пропаганду среди биотронных систем о том, что необходимо работать с полной отдачей.

Эта моя фраза вызвала смех и оживление зала. А я-то надеялся возглавить группу убеждения.

Доклад длился пять часов. Это был провал, понял я по лицам президентов. Рогулька бесцеремонно улыбался и переговаривался с соседями.

Начались прения. Все были против моих выводов. Я почти не слушал. Все было ясно. Из колен не выбиться, даже если она заводит в тупик. Попросил слова Джеб. Как же без него!

— Уважаемые президенты! Мы выслушали любопытный, но увыв, паникерский доклад Бажана. Если бы он те же слова произнес вне этого зала, то подобные призывы и выводы неминуемо привели бы его на Г/А. Здесь-то мы настроены либерально и готовы выслушивать любой бред.

Основной вывод Бажана: промышленность реализует лишь мизерную часть своих возможностей. Но представьте себе. Сейчас мы в изобилии имеем все нужное нам. Если всего станет в двести раз больше, мы погибнем, заваленные лишним. Бажан утверждает, что уже более ступени нет зубных щеток и более трех ступеней мы не можем наладить выпуск липкого пластыря. Мы с этим справимся. А вот почему он не обратил внимания на замечательное перепроизводство прошлогоднего снега? Ведь план по прошлогоднему снегу превышен в три раза! Мне кажется, это преступная слепота! Вместо того, чтобы высветить наши успехи, Комиссия извлекает из неметенных углов мелкие фактики и тычет их нам под нос.

Он еще долго говорил. Никто и не заметил, что я говорил не об увеличении производства в двести раз, а о прекращении ненужных усилий, консолидации сил в ином направлении, хотя бы на духовную деятельность. Но ведь и духовную деятельность они понимают как перепродажу афоризмов и малевание бездарных картин, нюхание книг и так далее. И не о зубных щетках я пекся — хотя и это деталь броская. А прошлогоднего снега уже нет — растаял. Мне же уже сообщили — снега не хватит. Сделан чудовищный шаг — послано за снегом в другую планетную систему, мы растратили уймищу энергии. А, да что там!..

Я сидел и думал о своем. Я перебирал в уме разговоры с Фашкой, пытаюсь вычленив из ее демагогии полезное для себя. Она говорила, о галактика, ночью, при лучине, мне, сгорающему от нежелания выслушать умные мысли:

— В развитии каждого общества бывает один, довольно краткий момент, когда оно может выбрать свой путь, когда оно стоит на развилке. Налево пойдешь — обрешь духовные ценности. Направо — ничего путного не сыщешь. В развитии каждого общества наступает период, когда изощренность фантазии его лучших представителей не идет дальше снабжения всех его граждан всем необходимым. Наконец эта благородная цель реализована. Фантазии необходимо лететь дальше, парить выше. Она и взлетает выше, но по той же прямой: теперь-де снабдим всех кроме необходимого еще излишним. Сделано. А фантазия оголтело: еще комфортнее! Но ведь у Агло впереди пролеты, сотни ступеней существования, немыслимые прежде возможности идти дальше и дальше — в космос. Ну, освоим новые планеты, что частично сделано, ну заполним их вещами, продуктами, агломератами, домами, шиманами. Но дальше? Еще шиманы, еще нарожать, чтобы было кому еще больше потреблять? Чем заполнить будущие времена, кроме все новых и новых предметов роскоши и средств прокормить безмерно разбухающее население? Мы можем почти весь труд агломератов заменить машинным. Но ведь допетрили — уже не заменяем, потому что тут философский тупик, потому что агломератов больше нечем занять. Мы обязаны стабилизировать численность населения и довести воспитание каждого члена общества до уровня, который требует Духовная Революция, якобы у нас уже закончившаяся. Как же мы, гуманнейшее общество, допускаем, что некая статистическая часть агломератов совершает преступные действия, попадает на Г/А? Не пришло ли время обратить внимание на судьбу каждого агломерата? Пусть лучше мы не наштамбуем миллион дверных ручек нового типа или два миллиона моднящих комбинезонов, чем допустить, чтобы такой-то агломерат или такая-то агломератка проплакали весь вечер или наглотались до одурения таблеток. Слеза ребенка пролилась, та самая, которая не перевешивает всех благ, приобретенных миллиардами. Ну, пролилась, не вотишь. Мы построили свою сверхцивилизацию на слезах миллионов детей... И что построили?! О галактика!

Тогда я не слушал ее, а сейчас вот всплыло в памяти.

— Бажан, вам предоставлено последнее слово.

Я встал и сказал:

— Я согласен с замечаниями. Мы пересмотрим в корне результаты наших трудов. Комиссия допустила ошибки.

Все, пусть только отвяжутся.

Я увидел счастливые улыбки на лицах президентов. Это ли не награда желанная?

* * *

Вечером пришел Пим, а с ним какой-то агломерат, поразивший меня своим дерзким видом. Его комбинезон был прорван в нескольких местах, пуговиц не хватает. Но самое ужасное — прострочен ярко-зелеными нитками!

Брат приказал своему знакомому посидеть в комнате, а меня увел на кухню.

— Бажан, этого агломерата преследуют, ему грозит Г/А. У триначальника его не станут искать. Квартира вместительная...

— Он нонфунст?

— Нет. Хотя теперь и нонфуистам не сладко. Ты слышал, мы призывали к неподчинению, а за это высылают в Аграрку. Теперь любой агломерат может попасть в Аграрку — мы подсказали способ...

— Так этот из движения за раздурачивание?

— Хуже.

— Что может быть хуже?.. Любомудр?

Пим кивнул.

— Ты с ума сошел, Пим! Ты — нонфуист, ты — против насилия, а подпольная группа любомудров требует уничтожения всех лиловых и оранжевых, прекращения космических контактов, насильственного расселения по всей планете, взрыв Агломерации и переход к аграрному образу жизни, истребление всех сопротивляющихся и — это уже после уничтожения Защиты! Давать приют таким... авантюристам? Никогда!

Дверь распахнулась. На пороге возник любомудр с искаженным от ярости лицом.

— Ну, Пим, падла, куда меня привел? В квартиру оранжевого!

— Это наш друг, — сказал Пим, — и мой брат!

— Мне на х... не нужны такие друзья!

Я содрогнулся от его слов. Пим вытолкнул любомудра из кухни, и они стали громко препираться в прихожей. Постепенно голоса становились тише. Пим вернулся.

— Он согласен просить прощения.

— Через галактику извинения! Пусть остается. Но прежде надо уговорить жену.

Мена приветливо откликнулась на мой стук в дверь: «Входи, я заканчиваю работу. Что у тебя там за шумливые гости?»

Она сидела за письменным столом — книги, чертежи, — готовится к реконструкции одного из цехов на производстве, где она директором.

— Меночка, — сказал я по возможности ласковей, — я тебя

редко прошу об одолжениях... Нам надо помочь приятелю Пима. Он недолго проживет у нас.

— Нонфуист? — погасив улыбку, спросила жена.

— Да. Знаешь, из этих несчастных овечек, которые блеют глупости о непротивлении.

— Не знаю, никогда не видела овечек, — может, они чрезвычайно опасные звери.

— Но, Меночка... В конце концов, необходимо проявлять дальновидность. Сейчас мы поможем им, а когда начнутся события, это может выручить нас.

— Какие еще события?

— Милая моя, мы прекрасно понимаем друг друга. Так вот, не приведи случай, вспыхнут события, а это, похоже, неизбежно, тогда нам пригодится и мое родство с Пимом, и маленькая услуга, о которой я сейчас говорю...

— В случае чего, мы будем стоять насмерть. Нам не нужны их милости.

— Будь гуманной, этого агломерата швырнут на Г/А! Ведь ты представительница Победившего Разума!

— Разум потому и победил, что все кругом кровью залил. Давно ли ты слал агломератов на Г/А сотнями?

— Нельзя же шеренгами, строим отправлять всю Агломерацию на Глубокий Анализ!

— Можно. Если мое терпение лопнет, я и тебя...

Конечно, угроза пустая, а внутри тренькнуло.

— Да и я могу тебя... — сказал я. — Кто первый, — тот и выиграет.

Ей слишком лестно быть женой такого молодого триначальника, тем паче, несладко ей приходится на директорском посту — все презирают, плюют в лицо. Моя власть — ее утешение. Мне есть чем шантажировать. Но до определенного предела. Например, сумел отправить своего сына к бабушке в Аграрку, но дочь она, несмотря на мои ухищрения, оставила в городском интернате.

— Все в порядке, — вернулся я к Пиму. — Пусть живет, но только для жены он нонфуист. Прикажи ему вести себя смирно, иначе я сам кликну лиловых.

* * *

Президенты не желают, чтобы такие преданные агломераты, как я, подставили свои спины и спасли Защиту. Тем хуже для них. Преданность тому, кто терпит поражение и не хочет видеть этого, равносильна глупости.

Я вновь и вновь перебираю в памяти вехи пути, пройденного мной за последние ступени. Не могу не признать, моя пси-

хология, мои убеждения претерпели значительные изменения. Это тревожно, ведь этого не должно быть. Было бы преувеличением сказать, что я не приемлю официальных доктрин, но время от времени я позволяю себе мысли, которые партитурно не совпадают во всех своих элементах с настроениями, доминирующими в массах, не в последнюю очередь благодаря аудиовизуальным средствам.

Чунча, который бросил Диона и окончательно переселился в Охвостье, посмеивается: «Ну что ты плетешь? «Все зависит от предощущения контрапункта...» Несколько ступеней назад ты не мог пискляво связать десятка слов в членораздельную фразу. Теперь фразы отскакивают от твоих зубов, но понять тебя еще труднее, чем раньше. У тебя заворот мозга от обжорства информацией. Лучше хорошенько посмаковать ломтик информации, чем проглотить кусище, не запивая его приятным размышлением.

Я на это всегда отвечал ему: «После голодовки не до смакования.» Да, может, и правда я нахватался по верхам знаний. Надо приводить их в порядок, а тут без смелости...

Фашка: «Мы живем гнусно, гнусно, потому что трижды думаем, прежде чем произнести что-либо вслух и, наконец, — вместо назревшего, наболевшего! — несем чушь о погоде. Но ведь погода у нас всегда одинаковая, как и все остальное! Что о погоде-то говорить? Мы парализованы несносным четвертым условием победившего якобы разума: «Если «к чему приведет?» смутно, то поступок не рождается». Мы знаем, что необходимо сделать вот так, вопрос «зачем?» давным-давно разрешен, и к чему это приведет — нам ясно, а не смутно. Но поступок все равно не рождается, когда нам слишком ясно, к чему он приведет. Между вероятными пользой для всех и вредом для себя агломерат, очень «вумный» после Духовной Революции, несомненно, выберет пользу для себя и вред для всех.

Вот что мелет Фашка.

В бессонные ночи я вспоминаю не только Фашку. Снова и снова перебирает память ступени учебы в ЦВО — Центре Высочайшего Обучения.

При поступлении новичков разделили для экзаменов на две группы. Одна, малочисленная, группа маклаков. Туда входили те, у чьих родителей пупки были правильной круглой формы. Вторая, огромная группа, — лапосивые — те, чьи родительские пупки имели всяческие изъяны. Я обследовал пупки матери и отца и констатировал, что мне быть с лапосивыми. Мой отец возглавлял комиссию по нравственности, но городского масштаба, а это все равно что ничего. Мать — рядовой архитектор. Маклаки экзаменов не сдавали вообще — они то-

лько приходили и ели слоенные пирожки, которые для них пе-кли профессора, принимающие экзамены. А лапосивые не то-лько сдавали экзамены, но любой аспирант имел право и да-же считал своим долгом поковыряться у них в зубах и про-верить уши.

На первом экзамене меня спросили, давно ли я знаком с Джебом. Я ответил, что да. Экзаменаторы заволновались, за-бегали, кто-то даже предложил перевести меня в маклаки. Но в маклаки перевести не посмели. Просто сказали, что я от-лично сдал первый экзамен и отпустили.

На втором экзамене меня спросили, предпочитаю ли я есть сидя или стоя. Я ответил: это зависит от. Мне сказали, что я отлично подготовлен и попросили передать привет Джебу.

На третьем экзамене мне сказали, что я могу задавать им любые вопросы, на что я ответил: не имею. Тогда мне сказа-ли, что и они не имеют. Я думал, что после этого они начнут ковыряться у меня в зубах и даже открыл рот. Но они сказа-ли, что я зачислен и рот можно закрыть. Тогда я взял и ска-зал, что ничего не знаю. Они очень испугались, сказали, что такое говорить не надо. И вообще, я знаю жизнь, а это — гла-вное.

Обучение в ЦВО длилось шесть ступеней и было разбито на шесть этапов. На первом этапе мы изучали все сущее разнообра-зие наук, захватывая краешек то одной, то другой. Нас пред-упредили, что все науки—пустяки в сравнении с изучением комплекса ЗОД. Ну мы и плевали на науки — спали большую часть лекций. На втором этапе изучали «необходимые, но со-вершенно ненужные науки» — вроде физики, химии, автома-тики, истории, филологии, философии. На третьем этапе мы изучали Победивший Разум и его условия, на четвертом ус-воили все составные части Комплекса. Пятый этап был са-мым любопытным: нас заставили забыть все, что мы изучили за четыре этапа, — много знаний опасно, если они в руках Ду-рака, а любой из нас мог оказаться Им. Для забывания нас вместо лекций водили в кино на самые пустые фильмы, рас-сказывали с кафедры анекдоты, проводили выездные лекции в барах и ресторанах.

На шестом этапе мы галопом вспоминали кое-что из за-бытого.

Главным в обучении было наше присутствие на лекциях. Для этого мы носили в кармане приборчик, который сигнализи-ровал начальству ЦВО, если мы во время лекции были вне аудитории. Приборчик нельзя было передать товарищу — он сразу сигнализировал о подтасовке. Но мы приспособились

отдавать приборчик посторонним, которые за малую мзду соглашались спать в аудиториях.

Перед лекцией нам выдавали по чугунному шару. По кра-ям рядов, шедших амфитеатром, были желоба, куда можно было бросить шар. Если лекция не нравилась, мы бросали свои шары в желоб, и они скатывались на площадку, где стоя-ла кафедра с профессором. Как только больше половины уче-ников проявило свое недовольство, шаров накапливалось столько, что площадка с кафедрой под их тяжестью провали-валась — вместе с профессором. Больше бойкотируемый проф не появлялся. Но мы редко пользовались своим правом — вместо одного зануды присылали еще худшего. Да и как мо-жно живо читать лекции вроде «Противопоказания при пер-манентном испуге вследствие видения Дурака» или «Глобаль-ные проблемы маленьких кнопок».

Очень скучно было на лекциях по истории, пока я не на-учился понимать молчание профессоров.

На лекциях по литературе мы разбирали новинки прозы. Помню, возникла острая дискуссия по поводу одного романа. Там было два героя: один стоял за фотонные двигатели для ракет, а другой был за то, чтобы все пассажиры высовыва-лись из иллюминаторов и плевали в сторону, противополож-ную курсу полета, — и утверждал, что таким способом не только экономится горючее, но и повышается скорость све-та. Автор очень мудро не вмешивался в спор героев. Только на тысяча шестой странице он срывал маску показного рав-нодушия и критиковал второго героя. Но было уже поздно, жена первого уже успела уйти к ретрограду. Мы долго спо-рили, может ли агломератка иметь половые сношения с рет-роградом — в ущерб новатору. Или помню другой роман: там что-то строили и не успевали к сроку. Вот и мучаешься: успеют — не успеют, успеют — не успеют. До того увлечешь-ся, что напрочь забудешь: тебе и на хрен не нужно — успеют они или нет, а требуется тебе от литературы совсем другое, совсем-совсем.

Первые полступени мне пришлось ужас как трудно — де-ревенщина. Я умел читать только по складам. Среди макла-ков были и нюхатели книг, но большинство все же получило блестящее образование. Лапосивые были преимущественно горожане и прошли обязательное обучение. Меня называли «ходячей энциклопедией» и засыпали вопросами. Только ус-ловия разума, запрет Защиты смеяться над слабым, остано-вливали немного одноэтапников, не то я превратился бы для них в шута. Я сильно переживал и принялся за чтение. Помогал мне Чунча, Фашка подталкивала, да и другие друзья объяс-

няли многое непонятное — и Бачи, и Начи, которые уже закончили Центр Высокого Обучения, но не завидовали, что я получу высочайшее образование.

Потом случился анекдот, который резко возвысил меня в глазах одноэтапников. Наша группа, где занимались, в основном, маклаки, встретила с новым преподавателем курса «Единство и противоположность разрозненности и сходства» — неким Ратаем.

Этот сутулый сухонький профессор с масляными глазками стал вызывать нас по списку: знакомиться визуально с каждым.

Вызывая маклаков, а их было большинство, Ратай узнавал семейное имя каждого, интересовался, как поживают их родители, пускался в воспоминания о знакомстве с ними. Оказалось, у него отличная память на агломератов с аккуратными круглыми пупками. Он так и просвечивал комбинезоны до пупков.

Передо мной в списке шел Рогулька, маклак, которого я ненавидел за чванливость и высокомерие.

— Рогулька, — вызвал его Ратай.

Рогулька усмехнулся и начал вставать. Поднимался он неспешно и спесиво, как встают агломеруны, сраженные сразу всеми болезнями. Наконец, он распрямился и гордо вперился в лучащиеся добрым любопытством глазки Ратая. Тот еле-еле улыбнулся:

— Рогулька? Вы из тех Рогулек?

— Да, из тех, — без аффектации, но отчетливо произнес Рогулька.

— Как здоровье бесценного вашего батюшки? Он только что получил повышение? Поздравьте от моего имени.

— Непременно.

— И передайте привет дедушке — мы с ним преподавали в подцентре сомнительных наук — было времечко...

— Передам.

Рогулька неспеша сел.

— Бажан, — вызвал Ратай.

Я вдруг усмехнулся самодовольно и стал неспешно подниматься. Я вставал протяжно, как дед поет, и величественно, как расправляется знамя. Ратай озадаченно следил за моим «поднятием». Его глазки забегали, выдавая судорожные усиления памяти. Я стоял. И трудно было не понять, что я жду вполне определенной реакции на свое имя.

— Бажан.., — пробормотал Ратай. — Вы... вы из тех Бажанов?

Он явно говорил наобум.

— Нет, я не из тех Бажанов, — со светлой улыбкой ответил я.

Я опускался в роскошный уют общего хохота, как в теплую ванну. Лицо Ратая стало прозрачно-серым.

Во время зачета по его предмету Ратай выслушал меня с презрительным вниманием и сказал:

— Я не удивлюсь, если долгожданное на планете событие будет связано с вами.

— Вы имеете в виду поимку Дурака? — ощерился я.

— Нет, ни в коем случае, — изуверски улыбнулся Ратай.

— Идите, но с такими куцыми знаниями не суйтесь ко мне.

Я приходил к нему раз десять, выслушивал тончайшие оскорбления, к которым было не придраться. На одиннадцатый раз я знал его предмет назубок. Он сдался:

— Ну, единство разрозненности и сходства вы усвоили. Зато противоположности не понимаете.

— И не пойму, — сдержил я, устав от его мучительства. — Как могут быть два предмета едины и противоположны. У меня не умещается в сознании, как можно сравнивать разрозненность и сходство. Все равно, что высоту дома и продолжительность сна. Ваш предмет создан, как и многие другие в этом Центре, только для защиты от Него. Он мало чему научится, если попадет сюда.

Ратай пучеглазо смотрел на меня и долго маялся с ответом.

— Я не уполномочен обсуждать целесообразность своего предмета, — промямлил он.

— Точнее, несообразность!.. Всего доброго.

Я с превеликим удовольствием открыл дверь, вышел и привел новое положение двери в единство с противоположным. Звук вышел громкий и отрадный, разрозненно сходный с внятно облегчившимся животом.

Чем дальше я учился, тем больше вопросов роилось в моей голове. «Ну, хорошо, — думал я, — Защита исключает карьеризм, она глумится над высокими постами, сводя их к унижительному страху перед серьезными решениями, сосредоточивая на начальство презрение толпы. Президенты выбираются в лотерею, следовательно, высшие посты недоступны последовательным карьеристам (лишь позже я узнал, что результаты лотереи подтасовывают, и из ступени в ступень царят одни и те же). Так откуда это стремление взобраться повыше? Почему мы уже сейчас разделяемся на маклаков, которые перекупают наши высокие принципы и ловко спекулируют ими, и на лапосивых. Почему и после ЦВО маклаки и им подобные будут обходить лапосивых? Есть, значит, привилегии? На нашей планете, где определено, что привиле-

гий себе требует только Он, а разумный агломерат добивается для себя лишь одной привилегии — трудиться для пользы общества больше, чем другие».

«Как же нас могут научить чему-то, ежели первейшая задача профессоров — скрыть информацию, привлекательную для Дурака? Они то и дело говорят не то, что думают, думают не то, что думает нормальный агломерат, нарочито трактуют жизнь и свои науки на Его уровне понимания. Это заговор разума, это опаснейшая по последствиям конспирация».

Так думал я, и только к шестому этапу понял, что конспирации разума нет. Преподаватели до того привыкли обминать острые углы, что перестали их замечать. Они больше не притворялись глупее себя настоящих, а стали... Здесь моя мысль упиралась и не хотела идти дальше. Последнее время мои мысли вообще выносятся страшным юзом к какому-то обрыву и замирают на волосок от падения в зияющую пропасть выводов. Вселенная — единая сквозная рана от выводов.

Я много говорил об этом с Примечанием, который преподавал у нас философию, да так, что мы с трудом останавливали маклаков, желавших послать его на Г/А. Да, Примечание жив-здоров, делает вид, что прошел Г/А, но это не спасает его от наскоков маклаков, которые подозревают, что он не был на Г/А. Ведь это здорово заметно — по внешнему виду, по приступам боли, когда агломерат катается по полу и воет. А Примечание не был на Г/А. Тут Джеб как-то словчил. Это я ему припомню, если надо будет. Особо опасный преступник пробрался на профессорское место — должен же был кто-то помочь. Но я помалкиваю. Пусть Примечание до поры бродит на свободе. В конце концов, он мне удочки дарил. А Фашка — Фашка вся его. Откуда бы взяться ее мыслям, ее тонкому анализу, образованности?

С Примечанием надо быть начеку. На прошлой неделе он меня чуть не поймал на слове. Он долго рассуждал о том, что Защита не была рассчитана на напор всеобщей глупости, что благороднейшую идею Защиты превратили в балаган с прошлогодним снегом и президентишками, которые прячутся друг за дружку.

— Так вы (я чувствовал за Примечанием определенные силы) не пойдете дальше исправления Защиты? — нахмурился я.

— Ай да оранжевый! — расхохотался Примечание, и я вдруг понял двусмысленность своей реплики. — Ты упрекаешь меня в либерализме, в нерешительности? Нет, ЗОД надобно все разрушить. Не потому, что она плоха, а потому что не-

мыслимо усилить ее до защиты от всех дураков. Это будет не машина, не колосс, а галактика знает что! Мы построим эту хреновину, но и живот на это положим. Построим, все силы угрожаем — ляжем и перестанем быть. Неподъемная это задача — оградить каждого от его глупости. Против глупости необходимо искать другие лекарства.

Что мне стоило сдерживаться, выслушивая его ересь! Само множественное число — дураки — мне было поперек горла. И так мы беседовали не раз.

* * *

Шимана притормозила на повороте, и я, по новой привычке, внимательно обшаривая взглядом прохожих, наткнулся на то, что искал. Всего в нескольких прыжках от меня по тротуару шла агломера с однословной надписью на груди. На этот раз я не дал дичи уйти.

— Стойте, — крикнул я, догнав агломеру. — Что означает это слово у вас на спине и на груди?

Агломера остановилась и без удивления, без смущения установилась на мой оранжевый броский комбинезон.

— Надоело чистить зубы по утрам, — не конфузясь, ответила она. — А что?

Я осекся. Ладно. Делать нечего.

Оставив шиману на стоянке, я направился к Пиму. В эти две пробы после моего неудачного доклада мы виделись почти каждую попытку. Мне неприятно было оставаться дома с Меной, которая говорила только общеизвестные, пусть и очень умные вещи, не хотелось одурманиваться со своими дружками-воителями. «Серые» тугο сближались со мной и (при мне) говорили только о пустяках. А с братом — в яростном споре — можно было отвести душу.

Я нарочно пошел пешком, чтобы заглянуть на несколько продуктовых складов: неделю назад жена, отстояв пару часов в очереди, запаслась продуктами, но теперь нужно добывать провиант на следующую неделю.

Всюду пустые полки. На одном из складов подошел агломер и предложил за пару больших картин два пакета тапквы. Я взбесился и затащил его в пирамиду ЗОД — на Г/А. Брать со склада продукты, чтобы сбыть потом втридорога — это может только Он.

На перекрестке собралась толпища. Все смотрели вверх. Я тоже остановился.

По небу плыли два бугристых тучных облака сумеречно-серого цвета. Агломераты, не бывавшие в Аграрке, испу-

ганно переговаривались. Те, кто бывал в Аграрке, пошучивали и объясняли, что это не страшно.

Я связался немедленно со службой контроля за Координатором.

— Да, мы в курсе, — ответили мне. — Несколько облаков прорвались через Заслон. Да, впервые после Духовной Революции. Сейчас мы их уничтожим.

— Надо об этом сообщить по ласкателью.

— Зачем беспокоить население?

— Оно и так взволновано. Слепых нет, достаточно задрать голову.

— Мы не хотим волновать тех, кто еще не успел задрать голову.

Пима я встретил возле его дома. Он стоял на скамеечке, вокруг него собралась небольшая толпа, он что-то горячо проповедовал. Я дождался, пока он закончил и толпа разошлась. Слушавшие его двинулись в одном направлении. Я сразу понял, что в сторону Оплота. Несколько агломератов остались, образовав кружок, они что-то делали с покрытием. Я пригляделся: затирали кровь.

— Только что лиловые измочалили агломеруна, который пытался от них бежать, — пояснил Пим.

— Немощного старца?

— Он и пробежать-то смог от дерева до дерева... Но агломераты, агломераты! Едва не набросились на лиловых! Хорошо хоть те смылись. Я стал уговаривать толпу не прибегать к насилию, говорить, что Он в каждом из нас. Увы, не слушают, направились к Оплоту... Ты кстати, Бажан. У меня Фашка. Наседает на меня и требует, чтобы я, как минимум, разорвал планету на куски.

Не надо бы подниматься к Пиму. Фашка!

Она уже видела меня по внешней камере ласкателя. Она казалась очень спокойной. Мы поздоровались. Я извинился и видеодировал Рачи в редакцию.

— Только что лиловые избили агломеруна. Надо сообщить об этом повсеместно, а виновных найти, — и на Г/А. Это не то что колотить за дурманные таблетки. Это серьезнее.

— Это факт ненужный, мелкий, — замялся Рачи. — Зачем волновать публику?

— Факт станет известен всем, а если не наказать виновных...

— Без газеты узнают, положим, не все. Не надо по своей глупости раззванивать самим. Да таких случаев пруди. Писать о каждом...

— Но ведь ни об одном не написано. Я, например, впервые узнал.

— Видишь! Значит, не стоит писать.

— И когда же ты успел так оподлеться, Рачи? Неужели потому, что никогда не задумывался ни о смерти, ни о жизни?

— Бажан?! — грозно одернул личный советник президента.

— Я ошибся и извиняюсь, — проворно сказал я и отключился от связи.

Фашка встала и обратилась к Пиму, словно они были одни:

— Итак, никаких решительных действий ты не предпримешь?.. Жаль, Да, Бажан, ты вовремя — есть повод заложить меня и подняться ступенькой выше.

Я угрюмо молчал. Мне было стыдно за разговор с Рачи — я просто рисовался перед Фашкой. Она это так и восприняла. Но ей было не до меня. Ее глаза залоснились от слез и стали еще более несерыми, чем обычно. Пим кого хочешь доведет до истерики. Не попрощавшись, Фашка вышла. Сквозь пелену подкрадывающейся тоски я с трудом разобрал и сложил слово в буквы на ее спине: «НАДОЕЛО!»

— Любомудры разгромлены, — сообщил Пим. — Фашка пробует создать организацию еще более агрессивную, чем любомудры, к которым она принадлежит.

— Она? — без особого удивления переспросил я. — А что с их организацией?

— Слышал о вчерашних демонстрациях?

— Спрашиваешь. До половины населения Агло. Лояльная демонстрация. Требовали защиты от Него.

— А лиловые зверски разогнали демонстрантов. Этого ты, сидя в Грозди, можешь и не знать. Начальство не всегда в курсе, какие примеры усердия явили его подчиненные. А началось все с перевернутых машин — катастрофа на перекрестках шестнадцатого. Ее организовали Фашка с товарищами. Они сорвали защиту с трех первых попавшихся шиман — и владельцы расшиблись, получили тяжелые ранения. Было дезорганизовано движение на улицах города. Любомудры добились своего — спровоцировали беспорядки. Но это ударило, в первую очередь, по ним.

Я молча ходил по комнате. Я триначальник, а информация о происходящем у меня куцая. Даже странно.

— Мы будем жестоки, — сказал я, остановившись. — Мы добьемся порядка любой ценой. Мы не отдадим агломератов на растерзание Ему.

Пим сидел, потупив глаза. Хоть бы слово.

— Эй, ты! — грубо остановил я агломерата. — Что тебе «надоело»?

— Вы насчет надписи на груди? Мне надоело каждый день умываться. А что?

Я кивнул лиловому патрулю, и они потащили агломерата в свою шиману. Цацкаться ни с кем не станем.

Мена злорадным взглядом проводила упирающегося и орущего агломерата. Я толкнул ее к нашей шимане — нечего после такого инцидента уклоняться от возможности быстро удрать — агломераты и без того исподтишка плюют в мою оранжевую спину.

Я высадил жену возле нашего дома.

— Спасибо, что помог раздобыть продукты, — сказала Мена с той ласковостью, которая появилась у нее с тех пор, как я избрал жесткую линию поведения в сложившейся ситуации. — Извини, что оторвала тебя от работы. Ты снова сегодня ночуешь в Грозди?

— Да, работа. Будь экономнее. Пока для оранжевых продукты бывают, но это долго не продлится. Возможно, отключат электроэнергию, запасись лучинами. Не волнуйся — мы выстоим.

— Мы раздавим Его!

Небо заволокли насыщенно-серые тучи. Надвигалась гроза. Координатор не починили, вместо этого теперь устанавливают громоотводы, но ими охватили меньше половины Агло. Будут пожары. Кучер резко затормозил — дорогу перебежал агломер. Из-за нехватки энергии барьеры обесточили и теперь пешеходы перебегают улицу где хотят, ленись дойти до мостиков. Я ударился головой о купол — теперь постоянно езжу с опущенным непроницаемым куполом. И ремни безопасности надо бы пристегивать. Потрогал — кровь. Через галактику!

У горизонта небо беззвучно рассекла молния. Покрытие залоснилось — дождь. Улицы совершенно опустели. Агломераты к дождю не привыкли — пугаются.

Молнии вспыхивали все чаще и чаще, загредел близкий гром. Чтобы не стать мишенью для молнии, я поставил шиману на стоянку и вошел в дом, на дверях которого красовался белый крестик — значит, с громоотводом. Откуда белая краска взялась? Вот что значит крайности! Художники только оттенками серого рисовали, а тут надо яркий знак — и контрабандная краска появилась!

Я поднялся на третий этаж. Холл был забит агломератами. Сидели, в проходах стояли. Митинг у них, что ли? Среди

ораторов я с удивлением увидел близнецов Начи и Бачи. — Можно ли говорить о победе разума, — говорил агломерун, голос которого показался мне знакомым, — если большая часть населения только нюхает книги, а нюхание книг возведено в ранг тончайших духовных наслаждений?

Я вдруг узнал в этом дряхлом старце — Брида. Похоже, он чудовищно злоупотребляет таблетками. Г/А старит, но не так же!

Я стоял, как зачарованный. Мне бы бежать стремглав. Встреча с Бридом ни к чему хорошему не приведет. Впервые я видел агломерата, которого я отправил на Г/А, после процедуры. Я расправился с сотнями лиц, казавшихся мне подозрительными, но ни разу воочию не наблюдал результатов своей ретивности.

Брид говорил странным дребезжащим голосом. Такой голос я слышу не впервые... Значит, это признак, что агломерат побывал на Г/А? Ведь никто в этом не признается, и только раннее переставание быть выдает, что пережил агломерат. Казалось бы, какое счастье удостовериться, что ты — не Он. А на деле после такого удостоверения ты — никому не нужная развалина, доживающая свой век в умственных сумерках. Но, судя по Бриду, умственные сумерки преувеличены. А вот боли — правда.

— Мы требуем вскрыть архивы ЗОД, — противным дребезжащим голосом продолжал Брид. Каждая его фраза бомбой падала в аудиторию. — Мы требуем рассказать, правда ли то, что агломератам делалась прививка от глупости. А если да, то почему она оказалась такой слабой — мы ничего, кроме глупостей, не совершаем? Мы хотим знать нашу историю, какой бы горькой она ни была. Нам не нужны браурные фанфары, нам, во избежание повторения ошибок, нужна правда.

Я задохнулся от ужаса. О таких вещах я и думать не смел. А вот стоит агломерат перед тремя сотнями ему подобных и говорит то, что хочет, — будто за стеной на улице уже нет пирамиды ЗОД, а через квартал еще одной, а через сто шагов — еще одной. Была ли прививка от глупости? Это равнозначно вопросу: а не была ли моя мать шлюхой? Только прошедший Г/А может решиться на такую преступную беспардонность.

Брид вел аудиторию за собой в новые дебри вопросов, на которые он требовал ответа.

Разрушение мозга? Но он логичен. Полноте, сумерки ли это, если его так жадно и одобрительно слушают!

Бажан, сумерки наступили для тебя, ибо ты не затыкаешь

уши! Темно, темно значение слов; темно и значение твоего смиренного внимания.

По мере того, как Брид ставил все новые, еще более хамские вопросы, присутствующие все чаще косились на меня, ерзали и делали мне знаки, чтобы я шел прочь. Наконец и Брид заметил меня. Запнулся.

— Друзья, — сказал я, воспользовавшись заминкой Брида. — Мы должны защищаться от Него. Потому что...

Все повернулись ко мне. Я приготовился держать большую речь.

— Потому что... — И внезапно оцепенел от ужаса. Мне нечего было сказать. Мне самому несказанно хочется знать ответы на вопросы Брида. Но сказать об этом? Я осекся. Мгновения текли, но гладкие, знакомые слова застревают у меня в горле. Губы пересохли.

— Ишь, речистый! — негромко съехидничал кто-то в задних рядах. Зал покотился от хохота. Их как прорвало — заулюлюкали, затопали.

— Что, приятель, — брезгливо ухмыляясь, крикнул Брид на всю аудиторию, — не поумнел за эти ступени?

Бачи вскочил и затараторил какую-то чепуху в мою защиту — он, быть может, боялся самосуда. Зал неистовствовал, не слушая его. Я торопливо вышел из зала, не желая спровоцировать драку.

Гроза, искрившаяся по небу, двинулась греметь в сторону соседнего города. Покрытия блестели от воды. Капли падали с символов деревьев. Было прохладно и свежо. Я поежился. Если так и дальше пойдет — возникнет колоссальная проблема с теплой одеждой для миллионов. В комбинезончиках не перезимуешь.

Впечатление от сборища было гнетущим.

Я пригласил на связь Бачи — его вызвали из зала к аппарату.

— Это Бажан. Через десять долек времени я вызову усиленные патрули. Даю вам шанс.

— Бажан, это бессмысленно. Нас не остановить.

— Ты слышал?

Через дольку времени потоки агломератов заструились из подъезда. Мой ультиматум приняли всерьез.

Одним из последних вышел Брид — шаркающей, агломерунской походкой. Понурившись, один.

Я негромко окликнул его, когда он, не замечая ничего вокруг, поровнялся со мной. Он вздрогнул.

— Ну, здравствуй, — отвратительно продребезжал когда-то

беззаботный нюхатель книг, а потом измученный совестью жестокий начальник лиловых.

— Нам есть о чем поговорить, Брид, — сказал я.

— Не плачь, — сказал Брид. — Никто не виноват. Вины все.

* * *

— Что тебе надоело?

— Надоело отвечать на вопросы, что именно мне надоело!

Агломер дерзко не отводил глаза. Как назло, ни одного лилового поблизости. Я бы справился с ним один, но новое ощущение опасности уже прижилось во мне, как и у большей части воителей. Как посмотрят окружающие — навалятся, так накостыляют — ахнуть не успеешь. Я сказал, принужденно улыбаясь: «А ты и не отвечай».

Долгий душевный разговор с Бридом несколько попыток назад растравил во мне глубоко затаенное. Но я еще крепче уцепился за свои ускользающие идеалы. Солнце уже всходило и рассеивало туман, а я упорно заталкивал теплый свет обратно за горизонт и, пусть без радости, но упрямо доживал последние часы в милом сердцу лиловом тумане. Я бы и теперь Брида отправил на Г/А. Со слезами на глазах, конечно... Будто есть разница.

В одном из коридоров Грозди я встретил оживленно насвистывающего Джеба. Похоже, он последнее время и умываться перестал.

— Бажан, поздравляю. Ты стал популярной фигурой. Прежде вся Агло ржала над твоей пропагандой среди автоматов, а теперь ты заставляешь дрожать перед тобой.

— Я выполняю свой долг, — отрезал я. — Мне поручено осуществлять взаимодействие производств.

— Да, твоя комиссия по саботажу нагнала страху.

Он имел право иронизировать: кроме массовых допросов с пристрастием я применить ничего не мог — президенты наложили вето на меры, предложенные мной. Один из них даже воскликнул: «Что мы, изверги?»

— Гордись, Бажан, за вчерашний вечер твое телечучело заказывали 41 тысячу раз.

— А ваше? — в тон спросил я.

— Я чуть популярнее. По требованию президентов я вчера по ласкателью поносил демонстрантов. Битый час кривлялся. Сразу же после передачи полтора миллиона агломератов вдоволь потешились с моим чучелом. Я просматривал статистику. Впрочем, это не смешно.

«Битый час кривлялся» — что он себе позволяет! Но по-

добный тон характерен теперь для большинства моих коллег. Они словно спешат отречься от Защиты, показать, что относятся к ней не серьезнее, чем демонстранты всех толков, а рабоботают — из чувства долга, без души. Сволочи. Позже мы им припомним.

* * *

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ:

Сегодня, на шестую попытку девятой пробы 222 ступени после Д. Р., мы, президенты Агломерации, объявляем:

— переигрывание президентов отменяется вплоть до нормализации положения;

— нюхание книг запрещается и приравнивается к нарушению условий Победившего Разума;

— любые действия, в том числе и словесные, против ЗОД приравниваются к нарушению Условий;

— невыход на работу равен нарушению Условий.

Хороша подачка — с книгами. Нюхатели уйдут в подполье, вот и все. На одну подачку — три пощечины. То-то будет!..

«СРОЧНО. Исключительно для служебного пользования. Сегодня, на седьмую попытку 9 пробы 222 ступени после Д. Р., забастовали все базы космического заслона, кроме баз «Карлик» и «Смещение». Работники баз, совместно с звездными патрулями, требуют переигрывания президентов и свободы дискуссий».

* * *

Я поплелся к своему гаражу. Идти далеко. И вдруг я содрогнулся от кошунственной мысли: такое расположение гаражей подальше от жилищ способствует не только прогулкам на свежем воздухе, но и ограничивает скорость передвижения агломератов — пока добежишь от дома до своего гаража... Только на шиманах большие массы агломератов могут быстро передвигаться и представлять опасность. Защита оказалась крайне дальновидной... Вина моя и только моя, воистину вина.

На перекрестке с десятком агломератов сообща переворачивали опрокинутую шиману. Я скользнул взглядом по насыпи, перегородившей улицу. За углом лиловые разворачивали какой-то огромный неуклюжий предмет с длинным цилиндром.

Один из лиловых громко говорил:

— Они у нас узнают. Слышали, операторам дан приказ разрешать нам стрелять.

— Ну, врешь, — говорил другой. — Разрешение на выстрел дается по трем инстанциям. Они не позволят. Защита не позволит.

Рядом, не обращая внимания на лиловых, какой-то агломерат загружал шиману домашней утварью — в Аграрку бежит, сволочь.

* * *

«СРОЧНО, СТРОГО СЕКРЕТНО. Для оранжевых — начиная от триначальников и выше.

Сегодня, на 9 попытке 9 пробы 222 ступени после Д. Р., вышли из подчинения базы «Карлик» и «Смещение». Планета больше не имеет космического заслона. Система Защиты не допустит вооруженного вмешательства баз в дела Агло. Однако необходимо строжайше проверить соответствующие элементы Защиты, которые призваны подобное вмешательство не допустить».

* * *

На восьмую попытку девятой пробы, когда громадная база «Смещение» еще оставалась лояльной и внутри Грозди еще не вспыхнула паника, пришло невинное сообщение о странном случае в сто одиннадцатом городе.

Я обедал в служебной столовой вместе с приятелем из больничной инспекции. Я слушал его рассказы вполуха — меня вдруг впервые поразила роскошь нашей столовой. До этого умопомрачительный дизайн, который потребовал, несомненно, бешеных затрат времени и труда, вызывал у меня лишь приятные ощущения, стимулирующие аппетит. Теперь, когда многостраничное меню сменилось двумя строчками: «таква горячая сухая и таква холодная жидкая», стала заметна и помпезность зала, защемило от контраста со столовыми для лиловых, где теперь, по слухам, подавали одну жидкую такву.

— ... и больной перестал быть...

— Как? — встрепнулся я. — Больной перестал быть? С ума сошел! У нас нет неизлечимых болезней!

— Если агломерата полоснуть лучом — надвое, то никакие припарки и замены органов не помогут, — иронически усмехнулся мой собеседник. Впрочем, он тут же нахмурился. С досадным опозданием смысл происшедшего дошел и до него.

— Ты советуешь донести по начальству?

Таким образом, я одним из первых узнал об эпидемии добра. Мгновенное расширение эпидемии, ставшей уносить сотни жизней, заслонило от миллионов зловещные события на базах.

Уже на четвертую попытку эпидемии резко сократилось число демонстрантов. Еще через две пробы медики не справились с уборкой тысяч переставших быть.

Вот к чему привели неурядицы из-за действий преображенцев. Мое сочувствие семьям погибших усугублялось тревогой за состояние хозяйства Агло: число прогулов возрастало, даром, что мы применяли жесточайшие меры. Агломераты боялись выходить из домов и контактировать с посторонними.

Болезнь начиналась с проявления синдрома добра. Агломерат, прежде тащивший все в дом, внезапно приглашал друзей, знакомых и раздаривал им свои вещи. Те растаскивали все, бывшее у него в квартире, оставляя голые стены. Супруг или супруга, прихватив детей, бежали от обезумевшего. Больной вел себя при этом спокойно, логично, только приговаривал: ему-де надоело жить для себя, обилие вещей не сделало его счастливым, а нахапанные им вещи еще могут доставить радость другим. Затем агломерат выходил на работу и все положенное время трудился до седьмого пота, причем с готовностью выполнял работу и за товарищей, приказы начальства беспрекословно и творчески воплощал в жизнь. После работы шлялся по знакомым и предлагал свои услуги, соглашаясь на любую работу, даже достойную только роботов. Постепенно он утрачивал спокойствие и начинал кричать: нужно любить друг друга, жить только ради других, помогать друг другу — именно в этом состоит Духовная Революция. Впервые упомянув Д. Р., агломерат входил в раж, у него появлялась пена на губах. Он принимался что-то объяснять, но уже совсем непонятно — только слышалось: «Духовное!.. Чистота!.. Братцы!.. Мы одной крови!.. Берите все!» На третью-четвертую попытку больной пытался раздать нуждающимся части своего тела — начиналась агония.

Светила медицины установили, что причина болезни — накопление огромного количества вещей во время беспорядков. Агломераты привыкли к тому, что вещи принадлежат обществу, в любой момент на складе можно получить или заказать все необходимое от бытовых мелочей до сложнейших приборов. Продолжительные беспорядки, нехватка то того, то другого, а затем экономический кризис вызвали истерические настроения, все стали запасаться всем, чем только могли. На определенном этапе у агломератов заговорила совесть. Неурядицы способствовали нарушению гигиенических норм, а вирус завезен из космоса в связи с забастовкой заслона. О заслоне — это поклев, я думаю. Первый больной погиб еще восьмого, то есть заболел до заварушки на базах.

Болезнь передавалась при контакте — через уши. Поэтому

му агломераты заткнули уши ватой. Теперь больные могли сколько угодно нести свой бред.

Вещи больных уже никто не растаскивал: тогда они выбрасывали их на улицу. Вещи — горы, груды самых разнообразных предметов от такворезок до мебели — валялись на улицах рядом с насыпями и баррикадами. Больные таскали вещи от одного запертого подъезда к другому, пока врачи вместе с патрулями не забирали их.

Как только кто-то на службе принимался усиленно работать, не отлынивал от своих обязанностей, корпел над заданиями, окружающие понимали, что он болен, и посылали за медсестрой.

Агломераты привыкали жить в постоянном кошмаре проблем. Я работал не разгибаясь, метался по начальству, предлагал проекты исправления положения, ездил на производства, созывал совет своих подчиненных, пытался прорваться к президентам. На меня только косились, подозревая, что моя активность — симптом болезни.

Я побывал на совещании президентов. Они обсуждали серьезные проблемы. Один рассказывал:

— ... таким образом, агломераты мочатся где попало. Сколько раз, братья президенты, мы наблюдали эту неприятную сценку — где-нибудь в подворотне, в темном углу или даже в подъезде. Что это? Признак глупости? Делается ли это с преступным умыслом? Нет, братья. Это необходимость. Это жестокая необходимость тянет их верхнюю конечность к ширинке. Сеть общественных туалетов не охватывает всех агломератов. Мест, где агломерат может выпить, в десять раз больше противоположных. Мы не раз дискутировали этот вопрос в стенах Оплота, а воз и ныне там. На сей раз мы вносим радикальное предложение.

— Нет средств на постройку! — закричал один из советников.

— Мы не предлагаем строить. Экономисты подсчитали, что будет гораздо дешевле все места, где потенциально может произойти нарушение общественной нравственности, подсоединить к электросети. Если почва будет находиться под слабым напряжением, агломерат-нарушитель испытает крайнее негативное ощущение — вода хороший проводник тока. Могу вас заверить: тот, кто испытает это хоть раз в жизни, больше не станет нарушать порядок.

Раздались бурные аплодисменты.

Я тихо удалился.

* * *

Агло доедала продукты и занашивала вещи, запасенные в

лучшие времена. Оставив работу, агломераты сидели по домам. На улицах установился видимый порядок. Бесчинствовали только группы хулиганов. Массовые выступления сошли на нет. Мы, оранжевые, делали все возможное... Вру, вру. Ничего мы не делали. На всех уровнях прозвучало успокоительное: «Все, что ни делают агломераты, — разумно. Беспорядки — проявление активности разума, наше выжидание нормализации — проявление разума. Все уладится».

Меня лично, как и многих еще не утративших разум, о котором столько трубили олухи, тревожили не только внутренние трудности. Развал космического пояса, консервация космических производств и прекращение межзвездных контактов — все это было слишком серьезно. Без заслона мы необоронеспособны. Сейчас в пределах галактики нет ни одной враждебной нам цивилизации. Но друзья, как и враги, познаются в беде...

В связи с выбытием из строя многих высших чинов: кто погиб во время демонстраций, а кто — от болезни, кто бежал в Аграрку, а кто — и на Альфу Центавра — меня назначили подначальником Внешней Защиты. Я был горд повышением, но еще более — тем, что оказался на главном пункте борьбы с проклятым Преображением.

Почти целую пробу я провел вне планеты, оставив Мену, которая выводила меня из себя прямолинейными требованиями: выжигать, выжигать, выжигать. Я инспектировал космический заслон, действовал где уговорами, где посулами, где угрозами, до хрипоты доказывая потребность в бдительности. Собирал личный состав базы и распинался перед ними о необходимости «последних усилий». Кому нужны усилия, почему «последние» — я и сам толком не знал, так, фигуры красноречия. Я метался от базы к базе, брызжа слюной, доказывал, убеждал, не встречая иных, кроме отрешенных, взглядов. В одну прекрасную попытку я понял, что Защита От Дурака на заслоне организована идеально: еще более продуманно и еще более громоздко, чем в Агло, — потому что речь шла о возможности случайного конфликта с иной цивилизацией, тут Дурак мог так подсиропить, что и вовсе не расхлебать. В случае реального конфликта началась бы такая перестраховка, круговая порука безответственности и почесывания в затылках, что нас смели бы силы вдесятеро слабее. Восстанавливать функционирование заслона — то же, что делать искусственное дыхание давно остывшему трупу — и неловко ворочать закорженевшие конечности, и гадко, и бесполезно.

Я по инерции продолжал начатое — и успешно. Во всяком

случае, пришел приказ о моем повышении. А потом произошло леденящее душу событие.

Я находился на отдаленной базе «Отчаянных», которая в свое время раз пять была полностью уничтожена во время войн.

После митинга я отдыхал в комнате для посетителей. Мне удалось убедить личный состав занять рабочие места, а патруль — выйти в открытый космос.

Меня разбудил шум в коридоре. Гомон нарастал. Доносились топот бегущих, тревожные крики. Я проворно натянул комбинезон и выскочил из комнаты. Массы работников и патрульные, свободные от смены, бежали к центральной площади базы.

— Связь с Агло прервана! — крикнул на мой вопрос один из патрульных. База компактна, и через пять долек времени я уже был на централке. Связь оборвана — хитрое ли дело, на таком расстоянии, — не очень волнуясь, думал я.

Комендант, прозрачно-серый, стоя на возвышении, требовал тишины. Гомон смолк.

— Связь прекратилась еще вчера, — сказал комендант. — Простите, что скрыл. Я полагал, что есть надежда...

— Связь никогда не прерывалась! — выкрикнули из толпы.

— Спокойствие! Я не осмеливался вам сообщить... Связи не существует со всеми базами заслона, а также со всеми исследовательскими форпостами.

Он замолчал. Тишина была немыслимая при таком скоплении агломератов. Лица всех менялись буквально на глазах. Я тоже испугался — может, чего-то не понимаю?

— Возможно, — выдержав паузу, сказал комендант. — Агломерации больше не существуют.

Реакция была необычайна — ни крика, ни воплей. Тишина. Толпа медленно, без слов разбрелась по рабочим местам. Это были закаленные космосом работники, которым стало стыдно своих бега, ропота, суеты. Им оставалось ждать, и они отправились ждать.

Возвращение на планету было бы худшим временем в моей жизни, если бы мне потом не довелось пережить еще худшее. Мы летели в никуда. Ни одного сигнала с Агло. Планета словно вымерла. Наконец, мы вошли в зону слышимости радио и ласкательских сигналов. Первыми встрепенулись автоматы:

— Есть слышимость! Есть слышимость! — заорал кучер ракеты, напугав всех, — не ожидали мы таких теплых эмоций от биосхемы.

Планета жила. По простой связи нам ответили, что на планете введена противоситуация, связь с космосом во избежание ответных действий было решено прекратить. Через несколько мгновений мы припланетились.

Эпидемия закончилась, а с ней — и спокойствие. Волнения стали еще масштабней, терпение президентов лопнуло — они объявили противоситуацию, никаких передвижений из города в город, сотни тысяч агломератов были схвачены по подозрению в глупости. Отсутствие мест заключения восполнили тем, что закрыли школы и наполнили их подозреваемыми. Г/А работал на полную мощность, но на такие потоки он не был рассчитан, задержанным приходилось подолгу ждать своей очереди. За две пробы (на планете прошло больше времени, чем для меня в космосе) Агло полностью преобразилась: лиловые больше не стеснялись, а агломераты, зная, что терять им нечего, озлобились до крайности. Вспыхивали пожары, подвергались нападениям пирамиды ЗОД. На производства ходили все, но били баклуши еще откровеннее, чем в прежние, мирные, времена.

Я заперся у себя в кабинете и мозговал, как быть дальше. Я стоял лишь ступенькой ниже Джеба, я мог что-то сделать, у меня была власть, но куда ее применить?

Раздался звонок. Видеодировал подначальник патрульной службы — мой хороший приятель. На нем лица не было.

— Что случилось? — вскрикнул я, обожженный предчувствием.

— Только что один из моих парней при облаве убил агломерата. Застрелил. Он убил не Дурака.

— Он не мог. Сотни ступеней планета не знала убийств! Защита исключает убийство. Прежде чем стрелять, нужно радиоразрешение оператора из Грозди.

— Он его получил. У оператора не выдержали нервы!

— Но ЗОД защищает кнопки от оператора!

— Они умеют обходить заслоны. Что делать?

— Расстрелять оператора и стрелявшего!

— Что-о?

— Отправить обоих на Г/А.

Убит во время облавы на бесквадратных, то есть мероприятий, устраиваемого во имя здоровья агломератов. Вот так. Я помчался к своему начальнику. Ворвался в кабинет, да-ром что там шло совещание.

— Убит, застрелен агломерат лиловым, — выдохнул я и упал в пустое кресло.

Воцарилось молчание. Все оцепенели.

Мой начальник вздрогнул, повел плечами и вдруг его рот расплылся в улыбке:

— Поздравляю вас всех. Наконец-то убит Дурак. Какое счастье!

Даже присутствующие прикусили губы от подобного кощунства.

Я встал и обдернул комбинезон.

— Я доложу 999 президентам.

— Это уж как вам будет угодно.

* * *

Я несколько ночей, не разгибаясь, работал в Грозди, дома не ночевал да и вообще не спал третью попытку. Но вот позволил себе расслабиться и поехал домой.

Утром я включил ласкатель во время завтрака. Это случилось.

Мена вдруг замерла с подносом.

— Бажан, ты что — знал? — Она испуганно смотрела на меня. Ее не столько новость сразила, сколько моя реакция.

— Ты с вечера обычно укладываешь портфель, чтобы идти на работу. А вчера ты не собирал.

— Меночка, какая теперь разница?

Итак, они сдались без боя. Ночью в Грозди оставалось две трети воителей — они не пошли спать домой из вполне обоснованных опасений.

Я взял книгу и, надев мягкие тапочки, устроился в кресле.

Через час я вдруг встал и выбежал из дома. Прежде чем захлопнуть дверь, я крикнул жене, чтобы она кликнула своих приверженцев — я знал, что она сколачивала какую-то прозодовскую группу.

Рачи я застал дома. Он был в трансе — сразу даже меня не узнал. Мы связались с Рогулькой, Ратаем, несколькими другими высшими чинами, популярными и имеющими связи. К вечеру я собрал группу в несколько сот агломератов — не только воителей, но и фанатиков Защиты из серых. Я переработал их в привычные неброские комбинезоны — благо сохранились связи на складах. В том хаосе, который царил в городах — заторы шиман, улицы, перегороженные всякой дрянью, объезды, потери времени, поваленные пирамиды ЗОД, отсутствие патрульных, — в этом хаосе мы совершенно незамеченно добрались до Оплота и сосредоточились на близлежащих улицах.

Я рассчитывал атаковать Гроздь, как только погаснут фонари и наступит официальная ночь — при свете прожекторов шиман. Я смотрел на Гроздь и ярился: какие-то мер-

завцы, небось, жрут сейчас такву в моем кабинете, роются в бумагах.

Официальная ночь приближалась, а частично вооруженные толпы на улицах все не рассасывались. Агломераты бродили по улицам, разгоняя мелкие кучки лиловых. Оплот еще не спал, поэтому жители пребывали в напряжении.

Но фонари так и не погасли. Защита оказалась сломленной. Закон об официальной ночи впервые нарушен.

Я решил атаковать при свете — и в лоб. Погибнуть или победить.

По сигналу мы ринулись вперед — бегом.

Казалось, вход никем не охраняется. Прохожие шарахались испуганно в сторону от нас, бегущей, вооруженной до зубов толпы. Едва мы тесной группой домчались до дверей, как их створки мгновенно защелкнулись, распахнулись бойницы и из них уставились на нас дула. Мои залегли на прекрасно простреливаемой площади. Я лежал за символом дерева, рядом сопел Рачи.

— Я могу открыть эту проклятую дверь. Мой экипировка позволяет, — прошептал Рачи.

— Валяй, — радостно подтолкнул я его.

В этот момент на всю площадь раздался знакомый мне голос.

— Примечание!

— Здравствуй, Бажан. Я видел, ты с ними. Останови их. Ваша попытка бесполезна. Вас только горстка. Преображение побеждает.

— Ты где? — крикнул я. — Покажись, трус.

Тотчас двери распахнулись, и из них вышла группа преобразенцев во главе с Примечанием.

— Бажан, — крикнул он. — Нам надоело. А тебе разве нет? Я отшвырнул оружие и вышел из-за символа дерева.

Мои были слишком потрясены, чтобы стрелять. Они побросали оружие и побежали в разные стороны. Примечание жестом остановил своих: не преследовать.

Мне было стыдно, что я понапрасну обеспокоил кучу агломератов, заставил их рисковать жизнью.

— Итак, Бажан, — сказал Примечание, отводя меня в главное здание, — пора тебе занять свой кабинет и приступить к работе. Но во имя великих целей, а не ради гнусной мышеловки — Защиты.

Однако в кабинете посидеть не пришлось. Видеодировал Пим и просил установить патрулирование — начались грабежи. Электричества хватало только для фонарей — квартиры не освещались. Пим требовал освободить воителей, покинуть

Гроздь и восстановить ее работу. Я не верил собственным ушам. Вот душонка! Не зря Джеб говорил, что нонфуисты — бесплатное приложение к ЗОД!

— Пим, — сказал я, — сиди дома и не рыпайся! Плачь со своими хорошенькими плакальщицами, гнилой нонфуиска!

В полночь был созван совет стихийных лидеров Преображения. Решено было отстаивать Гроздь любой ценой — ожидалось, что воители до утра перегруппируются и нападут на нее более мощными силами, чем во время моей глупой вылазки. Меня неприятно поразило, что все ждали приказаний Пима, хотя и не соглашались не проливать кровь, защищая Гроздь. Пима считали самой яркой фигурой в оппозиции и ждали, когда он официально ее возглавит. Был, правда, еще лидер Любомудров, но его никто не знал. Мелкие группы, типа Фашкиной, обрели только локальную популярность.

До утра я с большим отрядом патрулировал улицы городов, вылавливая грабителей и хулиганов. Передвижения лиловых почти не было. В середине ночи погасли фонари. На рассвете в шестьдесят третьем вспыхнул мощный пожар, чьи отсветы озаряли почти всю Агломерацию.

Утром в семнадцатом городе нас настигло идиотское сообщение: Гроздь отбита зодовцами. Комендантом Грозди и временным президентом планеты назначена... Мена. 999 президентов низвержены. Мена... надо же. Она отказалась идти со мной на штурм Оплота, якобы ей страшно. Просто она не поверила, что я всерьез, угадала, мерзавка. И вот — сама.

Примечание, которого я встретил неподалеку от Грозди, — он залег со своими парнями, возлагая надежды на Пима. «Если твоя жена, Бажан, авантюристка, могла расшвырять многотысячные наши силы, то дело Преображения без настоящего популярного вождя погибнет. Я не тот человек, меня никто не знает.»

— Хорошо, едем.

Пим долго ломался. Вокруг него действительно крутилось несколько баб из его нонфуистского прихода. Через час мы уговорили Пима, хотя мне это было и не по сердцу. В полдень мы заняли ласкательный центр. Пим выступил по ласкательям.

Миллионы агломератов словно только и ждали его призывов. С самозванной комендантшей уже к вечеру было покончено. Гроздь отбита и, до грядущего падения Оплота, стала опорным пунктом Преображения.

Возле Грозди нашу шиману остановила вооруженная до зубов группа агломератов. Они, восторженно крича, проводили меня и Пима к главному входу.

Там нас встречал... Джеб. Его поношенный комбинезон был разодран и залит кровью. Чудно — оранжевый комбинезон!

— Знакомьтесь, — сказал Пим, подводя меня к Джебу. — Это руководитель Любомудров, Джеб. Мы с ним познакомились три попытки назад.

— Мы неплохо знакомы, — сказал я, наученный ничему не удивляться. Джеб усмехнулся. — Выходит, вы, Джеб, лгали насчет нонфуизма?

— Пришлось; мне приятно, что ты пришел к нам. Я и не надеялся. Столько попыток угробил на твое воспитание... и даже пришел в отчаяние.

— Как видишь, не все зря, — сказал я.

Мы поднялись по лестнице в главный зал, а я буравил взглядом мощный затылок Джеба — ну и ну, — думал я, ну и ну...

* * *

Наступила последняя, четырехсотая попытка 222 ступени. Едва заоранжевели подолаы облаков, теперь привычных над Агло, Джеб разместил снятое с ракет заслона оружие вокруг Оплота. Там занимали оборону значительные силы воителей. Ходили слухи, что президенты согласны были сдаться — они-то, в конце концов, были лишь случайные лица, выбранные по лотерее — на свою голову. Зато оранжевые принуждали президентов сопротивляться до последнего. Одураченные массы лиловых бесприкословно подчинялись демагогии оранжевых.

Пропаганда оранжевых имела существенный изъян: ведь и преображенцы были представителями победившего разума, против них не было законного права бороться. Но выход нашли: объявили, что Пим — Дурак.

Но реакция Пима на эту утку была характерной. Он стал прозрачно-серым и сказал Примечанию: «Они могут оказаться правы. Нечего посмеиваться над их неуклюжестью.»

Я с горечью подумал: не он, не такой нужен.

Мы безвылазно сидели в центре связи Грозди, откуда было легко следить за событиями во всех концах Агло. Отовсюду приходили известия о нормализации обстановки. Оставался один Оплот. Штурм его назначили на середину попытки.

Из семнадцатого города позвонил Примечание. Он был взволнован.

— Бажан, если ты не очень занят, приезжай. Фашка только что ранена одним психом, лиловым. Ее отвезли в больницу.

Пим кивнул: поезжай. Он был очень угрюм. Только много позже я узнал, что час назад ему сообщили, что на Г/А погиб наш дедушка. Пим не поверил, да и не хотел меня сразить наповал, зная до чего я любил дедушку.

Хотя мне казалось, что я необходим здесь, рядом с братом — как противовес его вялой воле, но Фашка, Фашка! Я так мчался к шимане, что меня едва не расстреляли в упор, заподозрив в недобром.

* * *

Это произошло за несколько секунд. словно невидимая дверь щелкнула за моей спиной, и я оказался в огромной темной комнате — с ясным сознанием, что останусь в этом жутком месте навсегда. Чудовищная, безжалостная пружина соскочила с предохранителя, и жуткий капкан сомкнул свои челюсти.

Я поставил шиману возле больницы в семнадцатом городе и выскочил на тротуар.

— Ты скотина! — вдруг крикнул кто-то рядом.

Я оторопело оглянулся.

— Убери свою шиману. Шевелись! — прокричал дебелий агломерат, сидящий в открытой шимане. Моя шимана загородила ему выезд.

— Извините, у меня неприятности. Я, как слепой...

— Слепой — глаза перемени. Больница — вот она.

— Послушайте, я провинился. Но вам-то зачем быть таким жамом и дураком?

Он разинул рот. Буквально разинул. Я едва не расхохотался, но мне было не до него.

— Я обвиняю вас в том, что вы — Дурак! — заорал дебелий скандалист, выскочив на тротуар и наступая на меня.

— Бросьте. Не то время. Защита сдохла. Слово «дурак» стало ничем не примечательным словом, ругательством — не более.

— За такое оскорбление по закону — Г/А!

Он вдруг кинулся на меня и с разгону опрокинул. Я упал, теряя сознание.

Я очнулся, наверно, через дольку времени. Жестоко болела голова. Сквозь туман я видел несколько фигур, склонившихся надо мной. Кто-то навалился мне на грудь.

— Что вы делаете? — простонал я.

— Ты на нашу серенькую одежду не гляди, мы — лиловые, и покажем тебе, сдохла ли Защита. Тащите его на Г/А.

Эх, Примечание, какой же ты порядок навел... Или до всех

не успел добраться? Что-то тяжелое обрушилось мне на голову, и я снова поплыл черной речкой.

Невидимая дверь щелкнула за моей спиной. Чудовищная пружина соскочила с предохранителя, и в несколько секунд мерзостный капкан сомкнул свои челюсти...

* * *

Я открыл глаза. Потолок — белый. Усилием страха я приподнялся.. Я сидел на белой постели в комнате с белыми стенами. Боли не было. Была странная пустота и легкость. В дальнем конце комнаты, где не было ничего, кроме кровати, стоял агломерат в белом комбинезоне и что-то делал у стены, где помигивали зеленые, синие и красные лампочки. Я, очевидно, бредил: в Агло не может быть белой комнаты с разноцветными лампочками.

Станный агломерат повернулся ко мне и сказал просто, без аффектации:

— Приготовьтесь узнать результат вашего Глубокого Анализа.

Мне стало все безразлично. Я снова лег. Отчекрыжили сорок ступеней жизни. Молодцы.

Я все же наблюдал за белым комбинезоном. Подонок. В стене что-то звякнуло, из нее выскочила большая плотная оранжевая карточка. Белый небрежно взял ее, мельком взглянул на броские столбцы черных значков. Было очевидно, что за жизнь он видел тысячи подобных карточек. Для него это — рутина.

Он нажал кнопку, и из стены выдвинулась платформа со столом и стулом. Он швырнул карточку на стол и, не заботясь сообщить мне сразу результат, хотел сесть за стол — надо полагать, заполнить отчет о только что сделанном.

Вдруг он замер, медленно-медленно потянулся к карточке — что-то его в ней привлекало. Я привстал. Он пристально вглядывался в черные значки, постоянно оглядываясь на меня.

— Что? — противным дребезжащим голосом спросил я.

Но по его глазам я уже знал. Он нажал кнопку. Взвыла сирена. Я вскочил с кровати и бросился к нему. С потолка стремительно опускалась перегородка, которая должна была преградить мне путь, но я успел подкатиться под нее, вскочил. Защита была рассчитана на обессиленного после Г/А, а мой организм оказался крепче теоретического.

Я схватил стул, размахнулся — и опустил на голову опешившего агломерата в белом. Он охнул и упал. Двери распахнулись, в комнату ворвались вооруженные агломераты. Сирена выла.

Среди вбежавших был Примечание. Я молча сонно глядел на него.

Примечание наклонился над неподвижно лежащим телом.

— Его больше нет, — сказал он, разгибаясь.

— Это ДУРАК, — сказал я устало, неприятным, дребезжащим голосом. — Я давно его подозревал, и вот решил лично провести Г/А... пока он существует.

— Вход защищали твои агломераты? — спросил Примечание. — Они оказали бешеное сопротивление и все погибли.

— Да, это были мои агломераты. Я убил Его! — много увереннее ответил я, отгоняя сонную одурь. — Я Его убил!

Затем схватил со стола оранжевую карточку, чтобы порвать ее, но пробежав столбики цифр — имени не стояло, не стал ее уничтожать, а вручил Примечанию. Со временем я узнаю имя убитого и все прочее, нужное мне для поддержания версии.

До сознания моих спасителей стал доходить не трагический, а торжественный смысл происшедшего.

— Свершилось! — произнес Примечание.

И эхом повторили за ним все: «Свершилось!»

Меня подхватили и вынесли наружу. Все смеялись, прыгали, как агломераши. Весть быстро разносилась. На шимах вокруг включили сирены — хотелось шума, крика.

Вдруг грянула музыка. Толпы становились гуще, восторженней. И я плыл над ними, непонимающе-восхищенно оглядывая серые массы, которые колыхались подо мной.

Они дрожали от возбуждения, а музыка подхватывала это дрожание и преобразовывала его в грозную вибрацию, сотрясающую планету...

Серая масса сгущалась, темнела и наконец стало совсем темно и уютно...

* * *

Я снова лежал на кровати. Теперь обычной, больничной. В комнате сидели три врача.

— Не волнуйтесь, Бажан, — почтительно сказал один из них. — Кризис миновал. Вам следует отдохнуть. Уже завтра будете в норме.

Они поняли, как мне мучительно разговаривать, и вышли.

Один.

ДУРАК.

Не даром родители испугались и меня — в Аграрку. Не даром тамошние агломераши — смеяться над я. В играх всегда мен Дураком. Неспроста я кошек и собак. Неспроста я Защиту с таким энтузиазмом, тогда как все агломераты улавлива-

ли в ней многое достойное презрения и насмешки а с какой тупой жестокостью я искоренял все непонятное мне будучи лиловым а как легко я донес на брата а как трогательно угодливо я выдал Примечание

И каких необычайных трудов мне стоило учиться, с каким стоном я всасывал науки, которые казались мне уксусом, пущенным под череп! И с каким упрямством я отстаивал обреченную Защиту, уже не веря в ее идеалы!

Сотни и сотни примеров зазмеились в моем сознании, и это были примеры моей беспомощной глупости. Кроме того, вспоминая мои более или менее разумные поступки, я обнаруживал, что они были случайны или, того хуже, имели глупейшие мотивы. Первые мои «прозрения» о защите были лишь попой, проистекавшей от моего желания нравиться Фашке. Надсадная учеба в ЦВО, моя грандиозная образованность были нацелены на то, чтобы понравиться маклакам, выделиться из лапосивых, а позднее — сделать карьеру. Учился я не ради знаний, а ради призрачного возвышения. Если бы не прекрасные агломераты, повстречавшиеся на моем пути, я бы так и остался олухом. Дедушка, Примечание, Джеб, Фашка, Чунча и его друзья, Бачи и Начи, — все они волоком тащили меня к познанию мира, к осознанию его связей, прекрасного, к восприятию сложности отношений между агломератами, понятиями и событиями.

Они силой приподымали меня над моим природным уровнем, но предначертание не стерлось, оно затаилось, и вот — я знаю.

Но жить с этим знанием нельзя. Даже если мне удастся извратить те события в белой комнате, в Агло останется один агломерат, которому будет известна моя Тайна — я сам. И попытка за попыткой я буду бояться, что о ней узнают другие — по моему поведению хотя бы. Миллионноликое презрение и ненависть, хохот: а Бажан-то... ха-ха-ха!.. Как долго скрывал! В порошок Его!

Даже если никто и не узнает, то каково жить с пониманием того, что ты обречен на глупости, что тебя надо контролировать и нянчить, нельзя оставить без присмотра, невозможно ничего тебе поручить — ты обидишь близкого, приласкаешь чужого, ударишь слабого и изогнешься перед сильным, ты назовешь черное — белым, а белое — черным. Ты — ходячая бомба замедленного действия. Лучше взорвись сразу — сам.

Да, вспыхнуть и рассеяться где-нибудь в укромном месте, не причиняя вреда никому. Уйти, чтобы спасти всех от Себя.

Я вскочил с постели, подскочил к шкафчику. Комбинезон

там. Я быстро оделся и выскользнул из комнаты. Коридор оказался уставлен кроватями — последние события вызвали много жертв. Взад-вперед сновали врачи, ходячие больные. В этой сутолоке никто не обратил на меня внимания.

«К Фашке? — мелькнуло в сознании. Может, она в этой же больнице? И сразу обожгло: ты забыл, кто ты? Я еще больше заторопился к выходу — исчезнуть немедленно, чтобы Фашка, если только выживет, — не узнала, кем я был.»

На стоянке у больницы я увидел свою шиману, заботливо подогнанную кем-то. Уже в шимане я подумал: а как воспримут живые мой уход? Не как признание ли, что я солгал в белой комнате? Нет, решат, что послеанализный психоз. По статистике, более половины проверенных Г/А добровольно перестают быть. Ну, сочтут, что и я...

Кучер по моему приказу провел шиману в Аграрку. Мне хотелось перестать быть не в сером мире, а среди зеленой листвы, на мягкой траве детства. Где-нибудь неподалеку от того места, где я, Дурак, изнасиловал Фашку, где я бил стекла Примечанию, где глумился над дедушкой, где издевался над дедкой Плешкой, где клал кошек в мешок и бил об столб, где мне было одиноко, как блохе на голом месте, и одновременно уютно, как никогда и нигде больше...

Я включил ласкатель, чтобы не сойти с ума. Новостей было две: подвиг всепланетного героя Бажана и провал штурма Оплота — огромные потери с обеих сторон. Но Дурак погиб, чего ради они продолжают пускать друг другу кровь?

Мне вдруг стало стыдно за злобную насмешку. Ведь правда: Дурака больше нет, нет и причины для братоубийства! Неужели они не поняли? Хотя бы Пим — нонфуист, непротивленец!

Я приказал кучеру завернуть к Оплоту.

Дома вокруг осажденного Оплота были наполовину разрушены. Пожарники гасили догорающие здания. Улицы были загромождены перевернутыми шиманами. Сновали тысячи возбужденных, вооруженных агломератов. Над замкнутым кольцом Оплота поднимался черный дым. Огня не было видно. Оплот, если и пострадал, то где-то изнутри.

Я с трудом отыскал пункт командования. Штурмом руководил Джеб.

— Присоединяйся, Бажан, — сказал он. — Вечером тут будет жарко.

Его несколько не волновало количество жертв. Я стал объяснять ему очевидное.

— Речь не о крови, — отрезал он, — а о принципах. ЭТОТ Дурак погиб, а вдруг новый появится?

— Но у нас есть передышка, чтобы избрать правильный путь развития Агло.

— Ты герой — и спасибо. Но вопросы принципов оставь нам. Я поспешил к Пиму в Гроздь. Брат сидел, скрючившись у центрального пульта, и заливался слезами.

— Ты не представляешь, сколько... — всхлипывал он, обнимая меня, — их тысячи погибло. И это допустили мы, которые хотели добра!

— Прекрати же зло!

Пим залепетал что-то о воле агломератов, о злобности Джеба, о неумолимом ходе событий, о том, что он, Пим, только марионетка... ничего не решает... и снова заплакал.

— Тащите сюда камеру ласкателя, — заорал я, — сейчас мы продемонстрируем этого слюнтяя восторженным толпам!

Присутствующие преображенцы потупились. Часть их составляли старые товарищи Пима... они тоже ревели, размазывая слюни. Я ошалел от злости. Ведь скоро начнется новый штурм, уже утративший смысл, новые горы трупов!

В этот момент пришло важное известие: Джеб объявил ультиматум президентам. Он заявил, что взломал Защиту на Координаторе и получил доступ к Черной Кнопке. Это было невероятно, но он ведь работал по поддержанию функционирования Координатора много ступеней — мог, случайно, и узнать, как добраться до Черной Кнопки.

По крайней мере все находившиеся у пульта вскрикнули. Мы отлично знали, что это за кнопка: только коснись ее — и вся планета разлетится на куски. Джеб дал им полчаса на размышление. Пим потребовал отмены ультиматума. Джеб настаивал.

— Надо убрать его, — прошептал я Пиму.

Джеб тем временем выругался, прекратив связь.

— Б-ба-аа-жан.., — пролепетал Пим, — с-сдела-аай что-нибудь... Делай все, что хочешь, делай!

Я стремительно рванул к лифтам.

Вокруг Джеба не было преданных мне агломератов, которые могли бы устранить его. Приходится рассчитывать на себя, а моя жизнь и полушки не стоит.

Но к Джебу меня не подпустили. Остановили задолго до Оплота.

Патрульный, изгибаясь в почтительном поклоне, извинился, но сослался на приказ Джеба не пропускать никого вплоть до конца осады.

Как я ни орал, меня так и не пустили.

Пожары зловеще освещали сумеречное небо. Ракетные установки угрюмо перились в сторону Оплота.

Ко мне подбежал патрульный — его рожа сияла, словно только что у него агломераш родился:

— Проезжайте, все кончено. Президенты трусили и покинули Оплот. На площадь. Преображение победило!!

И воистину, они преобразились в животных, которым кровь по колено...

* * *

Из Оплота, как кровь из глубокой колотой раны, изливалась толпа президентов. Этот сгусток зримо дрожал, словно пытаясь оторваться от Оплота. Наконец толпа двинулась к центру площади. Президенты сдавались, но даже этого не могли сделать, сохраняя достоинство. И все же они герои — жертвовали собой ради спасения планеты, а вдруг Джеб не блефовал!

Я пробился к удачливому любомудру сквозь толпу его приспешников. Он в этот момент говорил: «...и обратим в пепел!» Я окликнул Джеба.

— Следует нейтрализовать президентов — в шиманы и отвезти куда-нибудь, лишив права передвигаться по Агло. Потом они станут обыкновенными гражданами, как и было до лотерии. Такова воля Пима, — добавил я весомо.

— Этим я и занимаюсь — нейтрализацией, — с хрипотцой, характерной для много и надсадно кричавшего, ответил он.

Мы направились к моей шимане, обсуждая общее положение.

— Поезжай к брату и составьте обращение к населению планеты. Я вам сделал Преображение, — сказал Джеб, подсаживая меня в шиману, — пользуйтесь, лодыри и губошлепы.

Он протянул руку и вдруг с силой выдернул ласкатель, встроенный в панель управления. Посыпались искры, и дальноточник, подрагивая проводками, оказался в лапе Джеба.

— Мы узнали, как уничтожить ЗОД на шиманах, — пояснил Джеб. — Один техник проговорился. Конечно, пришлось прижечь ему шкуру, прежде чем сознался. Приложили пару раз к раскаленному стволу лучевки — он и проболтался. Пусть Пим отдаст приказ об общем раздурачивании шиман.

— Как это к раскаленному стволу? — содрогнулся я. Но Джеб уже был далеко.

Президенты, традиционно разбитые на тройки, теперь смешались, сновали по площади. Преображенцы к ним не подходили.

Подчиненные Джеба угадали его отношение ко мне, один подбежал и стал делать знаки, чтобы я отъезжал. Я было по-

пробовал выйти, но агломер, ощерившись, нацелил мне дуло в живот. Я сполз на сидение и дал задний ход.

Я нажал кнопку заднего хода, но шимана без кучера вдруг стала захлопывать прозрачный верх. Агломер заподозрил подвох с моей стороны и без раздумий пальнул по корпусу — они уже давно раздурачили оружие, никаких операторов им теперь не нужно, чтобы жечь и убивать. Над куполом моей шиманы за клубился серый дым. Я стремительно соображал: рядом с Джебом я не был всепланетным героем, а просто типом, которого подчеркнуто не любит начальник.

В это мгновение я напроць забыл о себе.

Там, на площади, стало происходить непонятное. Президенты, подходя почти до постов агломератов-преображенцев, внезапно стали падать — один за другим.

Их расстреливали в упор.

Я рванул вон из шиманы. Все, дверцы заклинены. Чудовищно! Я в кровь разбился, но — увы...

Через пару долек времени все было кончено. Площадь была усеяна рассеченными трупами. Преображенцы вливались в зев Оплота.

Я вдруг успокоился. Все стало безразлично. Я нащупал на дверце выступ, нажал и впервые открыл дверцу без помощи автоматики.

Я брел в сторону тех сотен трупов, которые вот только что были агломератами. Никогда не видел сразу столько переставания быть. Но внутри меня — покой. Все перестало биться внутри, двигаться, мыслить. Первое, что существенного случилось после снятия Защиты, — вот это. Так стоило ли? Стоило, стоило — шептал один голос. Стоило, но слишком дорого, — шептал другой голос. Только эти голоса и были слышны в тиши площади. Не буду рассказывать, что я видел и что пережил, обходя по периметру стихший мир... Бывают моменты в жизни, когда стремительно взрослеешь...

* * *

На границе с Аграркой меня никто не остановил. Пирамиды ЗОД стояли сиротливо, покинутые даже роботами. Глаза защемило от родного многоцветья. Я остановил шиману на опушке. Мне было до того одиноко, что был бы мил и голос кучера, убитого Джебом.

Все кончено.

НА ПОЛПУТИ своего БЫТИЯ ВСТУПИЛ я В ЛЕС УГРЮМЫЙ и УНЫЛЫЙ.

Лес объял меня, и я мнил, что он подобен простыне, которой накрывают только что переставшего быть агломеруна.

Зеленая простыня все заботливее укрывала меня, облекала все плотнее и безвозвратнее.

Глаза привыкали к вологой полутьме зарослей, становившихся с каждым шагом гуще. Мне хотелось добраться до самого непроходимого, потайного места, залечь там в агонии, истекая душевной... а, высокие слова, бойтесь красивых фраз... надо сдохнуть — вот и все. Скрыться, чтобы не видеть Себя в зеркалах Их глаз. О, я бы истаял под жаром их взглядов, жаром, который они раздули за два пролета ненависти к Нему!.. Где моя берлога, моя возможность перестать быть раньше позора?

Вдруг я ослеп от яркого света.

Заросли внезапно закончились, и я стоял на виду у поселка, посеред голого места, на юру, и не было сил броситься назад в укрытие. Да что за безумец! Воистину Дурак! Откуда заросли в Аграрке, где взяться нехоженным тропам в синтетическом мире?! Не здесь ли я вырос средь тощих лесов и двух видов кустарника?

Жители поселка копошились на околице возле нескольких шиман — очевидно, это преображенцы! И сюда пришел сладкий момент узнавания о великих событиях от живых свидетелей.

Меня заметили. Кто-то ко мне. Я не сопротивлялся. Я ведь герой, избавивший планету от Него. Надо с честью играть принятую роль.

На полпути своего бытия вступал я в унылый и угрюмый лес. Нет больше выхода из него, кроме как на круги Агломерации. Страшно и одиноко.

* * *

СРОЧНО. ВСЕМ!

Сегодня свершилось Преображение. Нет больше Великой Няньки. Мы свободны в своих решениях. Возлюбим же друг друга.

Новые принципы преображенной Агломерации будут изложены завтра в выступлении Пима — Первого из Равных.

Вторым из Равных волей агломератов назначен Бажан.

Третьим из Равных волей агломератов назначен Джеб.

Друзья, уничтожайте Комплекс!

* * *

Вот так-то — волей агломератов. Вторым из Равных назначен, км, Я.

Часть четвертая

ЦВЕТOK

224 ступень после Д. Р.

Тот, кто борется со злом, не всегда поборник добра.

В тягостной задумчивости пребывал я.

Здесь, в этом бесконечном зале с оранжево-лиловой мозаикой, напоминающей деяния Предтечи, я некогда докладывал легкомысленным президентам, что Агло стремительно катится в пропасть. А они, пустышки, подшучивали, предоставляя Джебу глумиться над моими проектами, — тому самому Джебу, который не только презирал их, но и станет главным виновником грядущего их истребления... того самого Джеба...

Лишь возле меня безмятежно, чадаяще горел десяток лучин — весь же зал был погружен в беззвучную, зловещую темноту.

Перестать быть — какой счастливый выход! Да, приятель, лучший выход для Дурака. Нет, не предпочту дурацкий выход!..

Но текут, текут мгновения, и мне решать, перестать мне быть или остаться. Сколько их — сорок шесть долек времени? Много. Это ужас как много, когда ты один и жить тебе остается сорок шесть долек...

В глубине зала что-то звякнуло.

— Кто? — вскинулся я.

— Чунча.

— Что? Зачем ты?.. Оставь меня в покое!

— Не сердчайте. Я придумал. Я нашел выход!

Знакомая интонация юродивого! «Не сердчайте!» Теперь-то зачем, когда все, все утрачено... Чунча коснулся края островка света, и я, впившись взглядом в плохо различимые черты его красивого заносчиво-насмешливого лица, вдруг предобморочно содрогнулся: спасены! Он нашел-таки выход!

И я не знал, воистину не ведал, рад ли я этому...

* * *

Пробу назад — так же, как и сейчас, — к этому залу было

приковано внимание всей Агло. Отмечали годовщину Преображения.

Задолго до праздника, не без моей помощи, по городам ползли слухи, что торжество обернется публичной дискуссией, во время которой трое первых из равных сцепятся перед камерами дальнозоров. Канули в прошлое времена ласкателей слуха и зрения, изменилось не только название аппарата, передающего на расстояние изображение, переменилась его сущность. Я бы назвал теперешний вариант «оскорбитель зрения и слуха» — помимо оглушающего количества музыки, дальнозор выплескивал целые ушаты правды на агломератов, той правды, которой они так жаждали и в которой они теперь погрязли от нижних конечностей до головы. Мои сотрудники, зная, что никакая цензура им не грозит, втайне готовили провокационные вопросы, разрабатывали план превращения годовщины в балаган.

Едва мы с Пимом и Джебом ступили в Мозаичный зал, я понял — будет потеха. Зал был набит битком, сидели даже в проходах, один агломерат взгромоздился на камеру дальнозора. По проходам пробирались какие-то замызганные агломераты, журналисты сновали у бывшего президентского стола — громадиной, рассчитанной на одновременное сидение тысячи агломератов. Публика не соблюдала никаких приличий — народец подобрался самый разношерстный: лишь малая доля высших чиновников, остальные — случайные счастливчики. Да еще добрую треть аудитории составляли нанятые мной подонки, которые должны были усилить хаос.

Когда мы, трое из лучших, вошли и сели, на нас не обратили сколько-нибудь внимания — уже хороший признак. Хамское начало обещало восхитительные хулиганства.

Пим долго близоруко шурился, мялся. Наконец встал. Но не сразу раздались даже жидкие аплодисменты. Мне было приятно, что это транслируется на всю Агломерацию.

— Друзья, — начал Пим, — сегодня исполнилась ступень со дня Преображения.

Внезапная овация сотрясла зал. Однако кто-то и засвистел-таки.

Я устоял на мозаику — на ту часть, где Предтеча беседовал с учеными, изобретателями средства от глупости, — и краем уха слушал речь Пима. Лишь отдельные фразы долетали до меня сквозь пелену задумчивости.

— ...Много ли мы успели за эту пробу? И да, и нет. Мы приступили к планомерному уничтожению ЗОД. Начали с самого легкого, потому что система до того сложна, что разом ее не истребить — поспешность в таком деле рискованна. Мы упраз-

днили самое понятие Дурак. Такого агломерата нет. Мы все умные, сообразительные и разумные особи — и нет нужды контролировать наши поступки, опасаться, что мы где-то напорочим. Уже снята защита с шиман, оружия, квартир, лифтов, улиц. Упразднены Напоминающие Время. Закрыты все пункты Г/А, Гроздь преобразована в медицинский комплекс...

— ...к сожалению, далеко не все бывшие воители сотрудничают с нами, а они единственные, кто владеет всеми секретами ЗОД. Мы топчемся на месте — пока необходимо собирать информацию для последовательного раздурачивания Агломерации. Например, мы не знаем самого главного, где расположена Черная Кнопка Координатора. Ее бы следовало в первую очередь отключить, раздурачить.

— ...Мы изменили унижительное отношение к Аграрке, стерли границу между Агло и Аграркой.

— ...Преображение необратимо! Ура!

Пим трепался довольно долго, а когда он вытер лоб и сел, началось что-то невообразимое — одна часть зала что было мочи орала «ура!», другая свистела, третья топала ногами. Во многих местах зала вспыхнули драки. Поскольку теперь не принято никого от кого-нибудь защищать, то не нашлось ни одного стража порядка, чтобы унять беснующихся. Половина зала уже сорвалась с мест — быть бойне...

Но тут поднялся Джеб. Даже поразительно, как такие толпы в мгновение ока меняют поведение. Все расселись, и установилась мертвая тишина. От неврастеника Джеба ждали многого.

— Речь Пима была сладка, — сказал Джеб, теребя воротник своего засаленного комбинезона, — но лишь слова «мы топчемся на месте» были там правдивы. Этот слюнтяй, которого мы называем Первым из Равных, боится решительных действий. Преображение обещало уничтожить Защиту. Так давайте уничтожать. Я твержу на всех совещаниях — долой, а Пим умоляет: погодите, не так скоропалительно, как бы чего не вышло. Мы обращаемся к Бажану, мнение которого может склонить чашу весов в ту или иную сторону. А он мнетя — раз так решит, раз иначе.

Зал заволновался. Джеб неожиданно сел.

Тут же из первого ряда выскочил агломерат, проворно вскарабкался на президентский стол, пробежал его до середины и остановился. Зал одобрительно загудел, оценивая этот дерзкий поступок. Я узнал Бачи. Он закричал в зал:

— Они толкуют об отмене ЗОД, а мы хотим порассуждать о том, каково теперь! Что нам дала эта ступень? Мы

боролись за Преображение ради своего счастья. А что получилось?

Раньше мы боялись теоретического Дурака и не выходили по вечерам на улицы. Теперь мы сидим вечерами дома, потому что есть практическая угроза столкнуться с хулиганами, на которых нет никакой управы. Откуда взялись хулиганы? Не существует контроля над поведением, нет запрета на оружие, исчезли защитники порядка, отсутствует принудительное воспитание в духе строжайшей нравственности, повышения культурного уровня.

Наша пресса — во что она превратилась? В интеллектуальное хулиганство — кто угодно пишет о чем угодно. Газеты полны сплетен, порнографии, домыслов, поклепов, хамских анонимок. Любые решения первых трех из Равных оспариваются, обсуждаются, как бред кретинов, их намерения извращаются, их личная жизнь вытаскивается наружу. Чего стоит фиктивное интервью Фашки о том, что Бажан импотент и она предпочитает его брата, который хоть и неуклюж в постели, зато... прошу прощения, я не могу дальше даже произнести вслух эту ставшую общеизвестной пакость...

Решения тех, кому вверено направлять движение нашего общества, игнорируются! Каждый начальник, любая шишка на ровном месте, ничтоже сумняшеся принимает свои собственные решения — ни с кем не советуясь, плюя на здравый смысл, на чужие мнения, а во многих случаях и на интересы дела! Я понимаю, мы изголодались по самостоятельности, но теперь каждый у нас царек и творит все, что на ум взбредет. Развал, кругом развал. Аграрка превращена в помойку — агломераты повалили туда толпами отдыхать и забавляться. Рубят деревья, гадят, мусорят. От живописных мест остаются одни воспоминания!

Тысячи агломератов гибнут под шиманами. Вы сняли электрифицированные перила, которые так надежно охраняли проезжую часть, вы истребили кучеров, которые ограничивали скорость. Мы бы и рады преобразованиям, но что вы предложите взамен, чем залатаете прорехи?

Ученые бьют тревогу: у нас в тридцать раз возросло потребление энергии. Если так пойдет и дальше, то... Уже сейчас из-за нехватки топлива мы не спешим нормализовать работу Координатора — вместо вечного лета мы имеем смену времен ступени. Продуктов не хватает. Раньше ЗОД строго следила, чтобы агломерат брал себе продуктов столько, сколько может съесть, следила, чтобы агломераты не обжирались. Правда, часть агломератов обходила эти установления ЗОД, но масса-то кое-как им следовала!

Мы вынуждены защищать сами свое имущество от воров. Если раньше сама мысль о краже грозила Г/А, то теперь лихоимец, получив оружие, которое стреляет без всяких решений оператора, или оснащенный остро наточенным ножом, по сути, действует безнаказанно.

Все дозволено — вернее, ничто не запрещено, формально дурное не разрешено, но нет ему преград! Я требую ответа от первых из Равных: что они намерены предпринять? Есть у них реальный план замены Защиты?

Бачи спрыгнул со стола. Какая прелесть! И это говорит агломерат, которого я даже не рискнул привлечь к заговору, настолько он ярый преображенец.

После Бачи ораторы запрыгали, как блохи. Даже возникали драки — кому выступать первым. Атмосфера накалялась. Однако я с удивлением отметил, что большая часть выступлений — в защиту Пима. Только несколько крикунов малоубедительно критиковали нынешнее положение. И выступление Бачи было самым убедительным.

Во время очередной сварки за место на президентском столе я встал и оглядел с печалью зал. Установилась тишина.

— Милые, несчастные агломераты, — елеин начал я своим противным дребезжащим голосом, — я вас так понимаю... Защита пала, а вместе с нею канули в небытие многие добрые традиции. Нет, я не оплакиваю эти традиции, но, согласитесь, что-то в них все же было... Впрочем, возврата к прошлому нет... быть может... Мы сами опрокинули Защиту... сами... А что касается меня, то я поддерживаю добрые инициативы Пима и Джеба. Да, жить стало паршиво — кругом сумбур, безалаберность, произвол... Так ведь мы осознанно разгромили порядок. Некоторые говорят, что мы, мол, одну гнусность заменили другой... Право, не знаю... может быть, в этом мнении что-то и есть... хотя, с другой стороны... Впрочем, да здравствует Преображение, раз уж такое дело... Ура!

Я сел. Многотысячная толпа молчала. Ни аплодисментов, ни свистков, ни оваций.

Джеб взглянул на меня так, что я невольно заерзал на стуле.

— Спасибо, Бажан, — наивно сказал Пим.

Наконец зал негромко зашумел. На президентский стол выскочила агломера и стала уличать меня в чем-то, кажется, в пассивности. Я уже не слышал. Начинался приступ. Боли после Г/А повторялись регулярно. Дребезжащий голос я научился кое-как камуфлировать, а вот во время приступов меня не должен был никто видеть.

Я вышел, якобы демонстративно, подчеркивая свое презрение к этим выпадам.

Путч надлежало отложить, и, прежде, чем запереться в своем кабинете, чтобы, закусывая губы, кататься по полу от разрывающей тело муки, я велел Чунче (он находился в одной из задних комнат) дать отбой. Еще слишком рано...

Торжественное заседание завершилось скандалом, поножовщиной... Положение в Агло стало ухудшаться еще стремительнее.

А я все не решался. Хоть и не было никакой преграды Мне. Нет! Нет, они должны восстановить Защиту, чтобы обороняться от Меня. Я не позволю им сидеть сложа руки, в ожидании, покуда я сотворю что-нибудь немыслимо чудовищное. Они обязаны связать меня смиренной рубашкой Защиты, чтобы я и пошевеливаться не мог!

Был, конечно, другой выход: убить себя или открыться. Впрочем, это почти одно и то же... Но я слаб, слаб... не мог я решиться на такое!

И это было еще одним, ярчайшим знаменем вселенской глупости.

* * *

— Подойди ближе, — сказал я.

Чунча ступил на пятачок, освещенный лучинами.

— Мы с тобой одни? Совсем одни?

— Да. Как вы догадались?

— Об этом не трудно догадаться. Достаточно знать жизнь.

— Они ушли час тому. Тихонько. Сволочи.

— А ты почему остался?

— Чтобы сложить жизнь рядом с Вами и во имя Вас. — Чунча помолчал и усмехнулся: — Это весьма пикантно — погибнуть ради Вас. Не могу не использовать такой шанс.

Я оцепенел.

— Ты знаешь, кто я? — наконец выговорил я своим гадким дребезжащим голосом, ожидая откровенности — за сорок долек до гибели, без свидетелей, в омертвевшем главном здании Оплота, нам нечего было скрывать.

— Да, — сказал Чунча. — С самого начала знал. Я наблюдательный...

— Тогда зачем ты ввязался в мою затею?

— В жизни одно лишь интересно — острые ощущения. Отведать их выпадает нечасто: глупо упускать возможность. С Вами я пережил самое увлекательное приключение.

— Однако никто не оценит всей «пикантности» твоего самопожертвования.

— Я живу только для себя, и мне, кстати, известно, какую хохму я задумал — и довожу до конца.

— Да, это ты, ты втравил меня в аферу! — внезапно заорал я, вскакивая. И тут же мне стало стыдно. Сейчас любые сетования звучали визгом трусости.

— Вот теперь вы правы, — сказал Чунча. — Не я ввязался в вашу затею, а вы — в мою.

Нагло улыбаясь, Чунча отступил в тень.

* * *

Сразу же после Преображения я заперся у себя дома и не являлся на публику. Официально было объявлено, что я тяжело болен. Пим пытался пробиться ко мне сквозь ледяную глыбу моей депрессии. Своими посещениями он скалывал кусочки льда, но растопить мне душу не мог. Я — Дурак. Я — Дурак. Дурак — Я. В те попытки я жил, словно в бреду, попрекая себя в том, что не перестаю быть. Комизм моего избрания Вторым из Равных не доходил до меня — было уже не до того.

Бытие остановилось. Я страдал в чаду воспоминаний — я потрошил свое прошлое, все больше убеждаясь в правоте Г/А. Я вживался в новую роль. И не мог ее принять. Наверное, я решился бы уйти или сознаться во всем, но — явилась Фашка. И душа, трепетавшая от стыда и переставания быть, мгновенно вцепилась в надежду на иной выход.

Она примчалась ко мне, едва покинув больницу, в самый разгар моих мучений. И первые же слова ее, что она пришла ко мне навсегда — нелепые преграды пали, нас больше ничто не разделяет, мы находимся в одном лагере... Тогда же я осознал, что не смогу любить ее, как прежде, общаться с ней, наслаждаться ее близостью. Невидимая и гораздо более грозная преграда выросла между нами. Дурак не может принести счастья агломератке. Я вспомнил, как терзал ее долгие ступени, как променял ее на «дегустаторшу» Мену, как не проходило недели без новой Додо. Тут я не изменился — ей предстоят новые страдания. Я больше не хочу терзать ее. Мои теперешние мучения стократ хуже прежних — я существо с надвое расколотой душой. Мой крест я понесу сам — в скорбном одиночестве, никого не увлекая за собой в яму, в болотную жижу тоски.

Но и мысля так, я не смог оттолкнуть ее. И лгал о событиях Преображения, потрясших меня. Она нянькой ухаживала за мной, и я преступно оттаивал. Я ожил.

Надо было брать на себя заботы Второго из Равных. Я пробовал было отказаться, но никаких убедительных резонов не нашлось. Тогда я нашел выход: ничего не решать, ничего не предпринимать по своей инициативе, притаиться, жить чужим умом, чтобы не выявить своей глупости, не совершить дурацкого поступка. Я одобрял все, что решали Пим и Джеб совместно с остальными лучшими из Равных. Итоговые решения принимались нашим триумvirатом после обсуждения с выборными от всех городов — Лучшими. Я не улавливал большой разницы между 999 президентами и нами — опять-таки власть, которая может ошибиться, зарваться, стяжать. Только за 999 президентами чутко следила Защита, и они были сменяемы, а нас избрали на неопределенный срок, наделив громадными полномочиями, — тут может получиться все, что угодно. Я не ошибся — вышло как раз «что угодно». Сцепились Пим и Джеб. Брат предлагал постепенное обновление, Джеб ратовал за мгновенные меры. Один женолюб, эпикурец, который любит скрываться за фразочками. Другой — аскет, стоик, который предпочитает молча вырывать деревья с корнями. Лучшие отстаивали исключительно интересы своих городов, не заботясь об Агло в целом. Через несколько проб проблемы Лучших сползли до уровня личных — завихрились слухи о взятках. Через полступени после Преображения прогремел случай, когда Самый Лучший 95 города отвел себе целый этаж в доме, посчитав себя достойным жить в пятидесяти квартирах сразу. Его одернули, но через какое-то время жалобы на Лучших стали поступать регулярно. Но они никем не рассматривались, не существовало даже органа, который должен был бы этим заниматься, — Защита ведь пала. А других институтов насилия Преображение учреждать не собиралось. Пим, порой, в частной беседе пенял кому-нибудь из Лучших — тем дело и заканчивалось.

Я плюнул на все это и полностью отдался своему внезапному счастью с Фашкой.

Трудно, да и стоит ли рассказывать о том времени. Это было полусуществование с крохотными всплесками радости, нелепыми совещаниями, публичными выступлениями, мучительной бессонницей по ночам, бешеными болями, от которых я выл, запираясь в своем кабинете.

Как-то объявился Чунча. Я помнил о тех нелепостях, которые он прежде творил, о пережитом вместе с ним — и он казался не самым умным среди прочих. Мне, понятное дело, нечего было делать в обществе умных. Вот я и пригласил

его в гости. Но ошибся — Чунча оказался, по-своему, как-то извращенно, весьма умен.

После вечера воспоминаний я вышел провести его до шиманы. Стоял теплый осенний вечер, один из последних перед заморозками. Светило только что зашло, вспыхнули фонари. На нашей улице весной высадили деревья, и теперь они красовались золотыми кронами.

— Славно, что официальная ночь отменена, — сказал я, — можно гулять хоть до утра.

— Не боитесь? — спросил Чунча.

— Я вооружен до зубов. К тому же я как ни как Второй из Лучших, убийца Дурака — кто меня тронет?

— И о чем вы думаете во время прогулок до утра?.. Молчите? А я знаю. О том, как паршиво стало после упразднения ЗОД. Угадал? Можете не отвечать. Да что это вы — остановились? Неужели я первый, откровенно говорящий вам о том, что мы скорбим о потерянном?

— Вы смеетесь? — воскликнул я. — Ведь вы были рьяным антизодовцем, бунтарем, ниспровергателем?!

— Я достаточно умен, чтобы повернуть, признав свои заблуждения, на 180 градусов. Золотые времена миновали, пошла неразбериха. Агломераты оказались дрянными существами — они не доросли до Преображения, если только оно вообще может быть реально. Как только за каждый проступок перестали бить по шапке, агломераты распустились донельзя. И с каждым днем все хуже. Пим это уже понял и оттягивает снятие ЗОД, а Джеб несется сломя голову в пропасть. Среди широких масс растет недовольство.

— Правда? — возбужденно перебил я его.

— Мы старые знакомцы, чтобы вам лгать.

С этого вечера Чунча стал частенько бывать у меня. Теперь-то я понимаю, он намеренно внушал мне мысль, что Агло должна вернуться к защите, мол, этого хочет большинство... Я тогда даже поинтересовался, почему он априорно убежден, что я против Пима и Преображения? Я до того обрадовался неожиданному товарищу, что старался не замечать его странностей.

Несколько попыток спустя он свел меня с несколькими бывшими оранжевыми, изъявившими желание бороться за восстановление ЗОД. Он представил меня им как главу готовящегося заговора. Я поначалу оторопел, но вскоре уже и не сопротивлялся навязанной роли. Я вошел в контакт со многими коллегами-воителями — треть из них согласилась на участие в готовящемся путче. Остальные оказались или перерожденцами, или трусами.

Однажды Фашка разбудила меня ночью.

— Бажан, ты мне часто говорил, что история отдана на откуп случайности — придет хороший дядя, и все прекрасно, а придет плохой дядя, и все отвратительно — пусть и при самом распрекрасном социальном устройстве. Даже преимущественно все плохие дяди приходят. А бывает еще дядя никакой — при котором общество шатает, как одурманенного. Попытку — сладко, попытку — горько. До каких пор, говорил ты, история будет танцевать от «дяди»?

И вот что я придумала. Надо создать специальную группу планетян, чтобы они ежепопыточно в разных концах Агло записывали все происходящее. Понимаешь? Все, что происходит на самом деле!

— А если их заставят писать... ну, понимаешь?

— Они должны быть абсолютно независимы. Этим планетянам надо придать статус неприкосновенности. Малейший вред, малейшая угроза им — преступление, караемое жестоко. Свои ежепопыточные доклады они будут упаковывать и отправлять в космос. И корабли с этими донесениями запустить на такую орбиту, чтобы они через сто ступеней возвращались — к началу жизни следующего поколения.

— Твой план был бы гениален, если бы не существенный изъян в нем — он предполагает, что мы страшимся суда истории. А какой же дурак на деле боится суда потомков?

— Не бояться только потому, что свято верят: все и правды потомки так и не узнают. Дураки заблаговременно готовят правду для потомков — ту правду, которая гроша ломаного не стоит. Но когда они точно будут знать, что потомки узнают всю правду, неподдельную, всю до последней черточки, до малейшей низости, — нет, тут и дурак задумается, прежде чем горячку пороть.

Панацея? Больно уж наивно и просто...

Чунча, не теряя времени, сколачивал подпольную сеть в городах. Под мое знамя собирались бывшие воители, консервативно настроенные агломераты, которых потрясло падение ЗОД, в правилах которой они были воспитаны, а также те, кто при ЗОД занимал тепленькие местечки — или полагал, что занимает их.

Я и не заметил, как стал всерьез воспринимать идею Чунчи, присвоив ее себе. В заговор оказались втянутыми сотни, если не тысячи... Путч был назначен на годовщину Преображения.

Во время посещения одного из производств я столкнулся с Пойдемкой, моим старым наставником-пьяницей, который славился своей жестокостью во времена Защиты.

— Ну как, теперь-то в полную силу работаете? — спросил я его после первой пустой болтовни. — Дурака-то неоткуда ждать.

— Э-э, Бажан, так ведь и вовсе пропал смысл работать — само собой все пойдет.

— Так и не работаете? — спросил я, давным-давно зная ответ.

— Вот еще. Дурака нет — теперь само пойдет.

Оно и шло само.

Я предложил Пиму немедленно учредить институт неприкосновенных. После горячих дебатов каста неприкосновенных была узаконена и приступила к своим функциям. Ежепопыточно в космос уходили откровения о наших буднях. Я развернул широкую пропагандистскую кампанию для объяснения важности этого дела — всю свою энергию на это употребил. Фашка мне очень помогала. Ее максимализм в последнее время заметно поубавился. Она трезво смотрела на Преображение, но все же не теряла надежд на лучшее будущее.

Чунча неодобрительно оценил нововведение. «Бажан, не забывайте, они отметят и наш путч!» — уговаривал он. Но я только отмахивался от этих увещаний.

Порой я просыпался ночью в холодном поту. Нет, не перспективы разоблачения или неудачи путча меня пугали. Может, Джеб меня прикончит. Наверное, я даже этого и хочу. Нет, пароксизмы ужаса случались не поэтому. Мне вдруг ясно представились цели путча — заново соорудить колоссальную по затратам труда и времени систему, единственно ради ограждения от блохи. В этом было что-то сладостное — принудить общество целиком вкалывать на идиотскую, дрянейшую цель. С одной стороны — цивилизация со всей своей историей, опытом и достижениями, а с другой — я, маленький, подленький, но уже этим противопоставлением вознесенный на недостигаемую высоту. Я рос в своих глазах по мере своего самоуничтожения. Я обретал гипертрофированное значение. Такого подлеца свет еще не видел. И среди таких вот кошмаров, кажушихся то горькими, то сладкими, я проводил не одну ночь. Я перестал прогуливаться ночными часами по городу — вдруг убьют ненароком.

Однажды, на тайной сходке заговорщиков, происходившей в лесу, Чунча подготовил мне сюрприз — привез Мену.

— Бажан, — сказала она, когда мы остались вдвоем, — я знаю о той, что окрутила тебя. Я понимаю, тебе необходимо было приблизить к себе фанатичку, чтобы обезопасить себя. Но твоя жена — я.

Гвоздь в галактику, понавывпускали... их всех... Сделал вид:

мол-де рад. Я даже забыл, что у меня где-то есть жена, едва не ставшая президентшей. Ее амнистировали одной из первых — и тут же она исчезла из виду. Путчисты уважали Мену — за прошлые заслуги. Пришлось мне вести игру двойную — встречаться с Меной, говорить ей о любви... Фашка не подозревала, и даже ищейки Джеба ничего не пронюхали.

Среди путчистов были, в основном, старые знакомые — и Рачи, и Рогулька, и отец Мены Дион... Уж если я мирился с присутствием Рогульки — можно понять, до чего я докатился. Я не гнушался ничьей поддержкой.

После отсрочки начала путча в годовщину Преображения, мы продолжали к нему готовиться еще усерднее прежнего.

* * *

Похабно улыбаясь, Чунча отступил в тень.

Я успокоился и сел: а чего, собственно, я ждал? Только такой омерзительный тип и мог остаться, чтобы разделить со мной последние дольки времени. Только такой авантюрист и мог подбить меня на апофеоз моей глупости — возглавить заведомо обреченное восстание против справедливейшего дела.

— Мой Президент, — окликнул меня из темноты Чунча, — я нашел вход к Координатору. Я открыл дверь и видел ее. Черненькая такая, махонькая. И никаких преград. Сделай несколько шагов — и жми. Помните, Джеб когда-то блефовал, что обнаружил Черную Кнопку, — ни шиша он не нашел.. А я — нашел.

Он торопясь рассказал, как он всю ночь рыскал по Оплоту в поисках неизвестного никому лаза в бункер Координатора. Чунча решил, что Координатор размещен не в Грозди, как это утверждала официальная версия, а в Оплоте. (На то ведь и Защита была, чтобы обманывать посягающих на преступление). В полночь ему невероятно повезло — в столовой, за решеткой вентилятора, он заметил крохотный рычажок — совершенно ненужный в том месте. Чунча рискнул потянуть за него — никакого видимого результата. (ЗОД предусматривала всевозможные фальшивые кнопки и рычаги, ничем не управляющие). Но интуиция подсказала Чунче, что рычажок чем-то управляет, скорее всего, вне столовой, а может, и вне Оплота. Он принялся прочесывать здания Оплота — авось да наткнется на результат перемещения невинного рычажка. Ему везло — фантастически. В подвале второго же здания он обнаружил приоткрытую дверцу. В первые дни путча он разыскивал тайники

Оплота, обследовали и этот подвал, ощупал, простучал стены — ничего. Значит... Чунча вошел — туннель. Клубок загадок стал разматываться. Дверь за дверью, туннель за туннелем, преграда за преградой. Бывший художник, а нынче зарвавшийся интриган, жизнь которого теперь зависела от его природной сметки, по наитию угадывал расставленные ЗОД ловушки и исхитрялся обходить их. Полчаса назад он проследовал последним туннелем и оказался в зале Координатора. Там и находилась Кнопка. Он узнал ее по многочисленным фотографиям в учебниках.

— Осталось двадцать восемь долек до рассвета, — сказал Чунча. — Сейчас мы перетащим камеру ласкателя в зал Координатора и докажем Джебу, что мы можем в любой момент взорвать планету. Его ультиматум прогорит. Мы станем хозяевами положения.

— Ты не посмеешь, — пробормотал я.

— Не будьте дураком! — испугался моей реакции Чунча.

— С Координатором шутить нельзя! — убежденно сказал я. — Забудь о Черной Кнопке. Закрой туда вход. Я приказываю.

— Ах, как бурлит в вас оранжевая кровь!.. «Нельзя!» А шкуры свои каким образом спасти? Я по вашей прихоти подыхать не намерен. Зря, что ли, всю ночь я на карачках ползал, вынюхивал, как бы выйти сухим из воды? Так что не дурите.

Я покосился на свое оружие — далеко, можно не успеть. Чунча догадался о моих мыслях.

— Ладно, Бажан, будет вам хвататься за оружие. Мое дело — предложить... Прощайте. Я иду сдаваться. Подышайте в одиночку.

Он быстро пошел прочь. Его тень еще какое-то мгновение дрожала засветным мороком — и пропала. Звук шагов растворился в черном безмолвии гигантского зала.

* * *

Звук шагов растворился в черном безмолвии гигантского зала. Из десятка лучин половина уже догорала — круг света сжимался; мое время отгорало — половину съел Глубокий Анализ, остаток пожирает моя глупость.

Когда в шестой раз штурм Оплота не привел к успеху, наступило длительное затишье. Джеб понял, что надо придумать ловкий маневр — времени у него в досталь. Мы, жалкая горстка путчистов, больше уже ни на что не могли рассчитывать. После блестящего начала, когда мы легко захватили Оплот, оказалось, что массы вовсе не с нами — против Прео-

бражения почти никто не выступил. Рано или поздно нас выкурят из Оплота. Шла десятая попытка осады. У нас были весомые потери. Погибла Мена...

Пим, может, и простил бы меня. А вот Джеб, тот умнее — он попомнит мне сотни загубленных жизней.

Затишье растянулось на две попытки. За это время треть моих ополченцев дезертировала. Наконец, Джеб выступил по дальнотелу и, попросив извинения за затянувшуюся осаду, предъявил ультиматум: или безоговорочная капитуляция, или взрыв Оплота. Время на раздумья — до завтрашнего рассвета.

— Он блефует, — сказал Чунча, пытаясь уловить мою реакцию.

— Ты и сам не веришь в блеф. Самые серьезные системы ЗОД еще не разгромлены. Так что взорвать Оплот — вполне реально.

Я приказал передать Джебу, что мы ему не верим.

Мена... Я сделал ее переставшей быть. Вздорная агломератка. Впрочем... Это всего лишь еще один кошмар в веренице бессонных ночей.

Ответ Джеба пришел незамедлительно. Он просил меня выслушать того, кому я верю. Я включил дальнотел и...

...Фашка шурилась в камеру своими несерыми круглыми глазами, словно пытаясь увидеть меня. Через головы миллионов зрителей она обратилась ко мне:

— Сопротивление бессмысленно. Это подвиг подлости. Честное слово, Джеб нашел ключ к уничтожению Оплота. Пим запретил бомбардировку Оплота, боясь за судьбу прилегающих районов, не желая кровопролития. Увы, даже терпение Пима истощилось. Мы слишком многое пережили ради Преображения... Ты дурак, Бажан. Был им, есть и останешься. Просто дурак. Ничего-то ты не понял... Пощади хотя бы своих приспешников, которым ты задурил головы.

Она сказала ...Дурак?

О-откуда она знает?!

Неужели это так легко угадывается?

Все слышали? Она назвала меня Дураком?!

Нет, нет она не имела в виду Его, она просто употребила ругательство... никто не понял!

Но единственное после смерти дедушки живое существо, чьего суда я боялся, чьему суду я бы доверился, — Фашка чувствовала и безапелляционно утверждала, что я — Он. Она раскусила меня.

— Стоять до переставания быть, — приказал я, собрав остатки путчистов... Все, кроме Чунчи, на устах которого, как

всегда, играла насмешливая улыбка, были угрюмы. Однако я с удовлетворением подумал: остались самые стойкие, эти не изменят — фанатики, отбросы общества, недоумки, слепо преданные гнилой идее Защиты От Дурака.

Пусть подышают. Во славу Дурака. Эх, какая прелесть! Вот бы за мгновение до гибели сообщить им, ради кого они совершали путч, ради кого они добровольно отправляются в небытие!.. Но нет, не приму позора, да еще и вынырну из истории когда-нибудь после в виде борца за справедливость!

* * *

Защита агонизировала. Преображение последовательно добивало ее. После подавления путча линия Джеба усилится. Я отыскал в тайниках Оплота дневники и приказы Предтечи. И прочтя их, могу спокойно, аргументированно размышлять о значении и смысле Защиты.

Итак, основываясь на признаниях Предтечи, логично предположить, что ЗОД была предназначена для обуздания глупцов. Как для сошедших с ума придуманы комнаты, обитые мягким, так и для глуповатых агломератов бытие было обложено мягким. То есть Предтеча и его соратники хладнокровно высчитали все те места, куда может упасть агломерат, и предусмотрительно подстелили там соломку. В самом деле, куда ни кинь, всюду исключалась возможность оступиться.

Кража, спекуляция, вещиизм, жажда наживы — все устраняется просто фактом изобилия. Таким образом, материальное благополучие — важнейшая составная системы Защиты против Дурака.

Изобилие грозит стать пороком скорее чем нищета. Утрачивается горизонт потребления, когда последнее диктует все новые, доселе невиданные потребности, которые оборачиваются массовыми капризами, а те, в свою очередь, и все вместе превращаются в душераздирающую драму. Изобилие взрывоопасно, оно порождает тягу к дефициту: иметь то, чего нет у других, но к дефициту нового качества, который продиктован соображениями престижа, но проявлением индивидуальности — личность пытается найти свое самовыражение в отличности одежды, интерьера, даже мышления (ибо в области мысли тоже возможно перепроизводство, вал). В работе себя трудно проявить: те же операции примерно так же выполняются сотнями тысяч агломератов. Даже в творчестве индивидуальность блекнет, как только в этот процесс подключаются миллионы: сто художников способны подарить общес-

тву пять ярких талантов, тысяча — десять. От числа индивидуумов, занятых «производством искусства», не зависит качественный скачок — это не спорт. А если взглянуть на возможный вред, то... При наличии, скажем, тысячи художников, манеру самых талантливых из них пытаются тиражировать в пять раз больше плагиаторов, эпигонов, ремесленников, и в глазах публики яркость подлинных талантов блекнет (не гаснет). Каково же будет положение при миллионе художников? Ведь статистически они опробуют все возможные пути развития искусства, все творческие манеры, все откровения и выверты духа!

Вот и увидели: принцип изобилия благороден, искренен в своем стремлении к благу, но и... чреват опасностями. Горизонт потребления. С одной стороны — потакание капризам, выкобенивание глупости, которой все мало, мало, мало. А с другой — явление сугубо рациональное, свидетельствующее о тонкости агломератской психики — желании сохранить индивидуальность хоть в мире ширпотреба. Каковы бы ни были мотивы постоянного отодвигания горизонта потребления, так или иначе это... явление ненормальное, дестабилизирующее экономику... Если бы Защита могла быть гибче, она бы напустилась со всем присущим ей упорством, доходящим до ожесточения, на эксцессы безудержного роста потребностей, оградила бы производство от требований выдумщиков, которым все мало, мало, мало. Да, тут глупцы взвыли бы от злости. Но пригрозив наградить их званием Дурака, Защита быстро вышибла бы из них весь гонор. Увы, Защита поступила иначе: она «задержалась», то запрещая производству следовать капризам зарывающихся потребителей, то приказывая производству скоренько удовлетворить те же капризы.

Этот постоянно колеблющийся курс создавал в стране унылую атмосферу двойственности — ничем не подкрепленные крики о приоритете духовных ценностей в условиях непоследовательной политики в области удовлетворения капризного спроса. Из этого рождались упреки в демагогии. Защита была воистину полигоном для демагогии.

Следовать бы Защите за вторым мотивом отдаления горизонта потребления — возвышенным. Но этот мотив толком исследован не был, да и некогда было до таких тонкостей доходить. Нужно было удовлетворять массу капризничавших единственно от незнания, чем в этой жизни заняться...

Оказалось, изобилия достичь невозможно, потому что рост потребностей заведомо опережает наинovelейшие технику и технологию, самую прогрессивную и продуктивную общест-

венную структуру. Хоть афоризмами, а все равно спекулировать будут... Тупик какой-то — и в поведении ЗОД, и в моих мыслях. Разве ЗОД не должна была переключить интересы населения с материальных на духовные? Разве... нет, тут сплошные загадки, тупик, тут думать и думать надо.

Глупцам свойственны честолюбие и карьеризм. Защита лихо расправилась с этими пороками, поставив перед ними заслон — отсутствие служебной лестницы в привычном обличье. Президенты избирались в лотерею, иные высокие посты, кроме воительских, мало прельщали из-за большого объема работы и ответственности, а главное, из-за их непристижности — ЗОД нарочито унижала агломерата, взбирающегося «вверх», — она перевернула лестницу, поставив высших руководителей в положение париев. Воистину, руководителями должны были становиться только отчаянные головы, способные жертвовать собой из любви к делу. Защита, однако, переборщила: множество талантов погибало, не рискуя примкнуть к париям, видя, что начальники лишены не только привилегий, но и реальной власти, инициативы. Избавив начальство еще и от мало-мальской самостоятельности, создав бесконечные цепочки принимающих решение, ЗОД не столько обезопасила общество от возможных легкомысленных приказов, сколько выхолостила смысл иерархии, породив феноменальную бюрократию.

Любопытно, что, огрызаясь, так сказать, на все стороны, борясь со всяческими потенциальными пороками, ЗОД никогда, даже робко, не выступала против бюрократизма. Наоборот, бюрократизм был ее сутью, способом существования. Это был бюрократизм, возведенный в принцип, бюрократизм как панацея, бюрократизм как высшее достижение и наиболее целесообразный метод. Бюрократизм был тенетами, в которых должен был беспомощно барахтаться Дурак. А в действительности оказался тем неводом, который вылавливал косяки дураков, еще до того, как они могли совершить свои глупости. Увы, сеть оказалась мала для всех дураков. За примером не далеко ходить — я действовал совершенно спокойно, а ведь я — сгусток глупости, остолоп в кубе, в сотой степени, в тысячной. Кто и чем препятствовал мне? То-то...

И вот какая мысль сформулировалась прямо в ходе размышлений. Защита была направлена на сокрытие от миллионов агломератов того, что они — глупцы. Защита лихорадочно предупреждала или поспешно заметала следы их проступков. Они ведь были «безызъянно умны». Общество, построенное на таких началах, не могло существовать бесконечно. Общество, которое само от себя скрывает глупости, творящие-

ся в нем — нестабильно. Оно может быть по своей программе положительным, но изначально оно, того не сознавая, культивирует сорняки, которые неизбежно заглушат злаки.

Защита была рассчитана на глупцов. Она брала их, как детей, за руку и переводила заботливо на другую сторону тротуара, то есть от рождения — к небытию. Одного она не учитывала: «дети» не только были глупы, но и хитры: хитрость становилась их продолжением, апофеозом их глупости. Глупцы были себе на уме. Славя Защиту, они втихомолку обижали ее, обходили ее, как чтимое, но досадное препятствие. Как кроту в норке, так дураку — уютно в своей глупости. А Защита выживала крота из норки, и он, конечно, ожесточенно сопротивлялся этому. Защита не позволяла совершать глупости, а агломерат злился и делал по-своему.

Беда в том, что Защита, определив однажды линию поведения по каждому из сонма вопросов, уже не меняла ее, несмотря ни на что. Постоянно учащалась ситуация, когда чуть ли не все члены общества ясно сознавали: то-то и то-то уже устарело, не нужно, плохо — и продолжали делать то-то и то-то, пропагандировать то-то и то-то, судорожно держаться за то-то и то-то. Несчастье заключалось в том, что единожды выбранное решение данного вопроса получало защиту от Дурака, то есть защиту от возможности изменить его по воле какой-нибудь неумной головы. Но, увы, умная голова уравнивалась в правах с глупой. Навечно.

В одной из папок архива Предтечи, среди важных обстоятельных бумаг, я наткнулся на клочок бумаги, аккуратно припиленный к делу. Почерк Предтечи. Очевидно, он так спешил с запиской, что написал ее на первом попавшемся обрывке. Бегущая строчка гласила:

«Вы сообщаете, что **ВАКЦИНА ПРОТИВ ГЛУПОСТИ НЕ НАЙДЕНА**, требуя остановить уже запущенную пропагандистскую машину! Идиоты! Уже поздно. Прививайте **ЧТО УГОДНО** — хоть витамины колите! Дело не в уколе, а в психологическом шоке. Записку сожгите. Я лично придушу любого, кто осмелится разгласить тайну. Еще раз повторяю — колите **ЧТО УГОДНО**».

Если бы мне подсунили такую записку ступеней десять назад, я бы немедленно покончил с собой. Теперь я даже не очень удивился.

Записку не сожгли, хотя положили в самые секретные папки.

— Кто охранял сейф с особо секретными документами, и кто имел к нему доступ? — поинтересовался я у Чунчи, изучавшего документы о деятельности оранжевых.

— Электронные роботы.

— Эти безмозглые? Самый низший разряд роботов?

— Да. Мало того, что это были несовершенные роботы, так у них была еще изъята и большая часть блоков памяти — они не умели читать. Они не подпускали ни одного агломерата к папкам.

— Да, Защита законопатилась все дыры. И все же Предтеча оставил документацию. Он предвидел возможность падения Защиты и хотел дать возможность цивилизации, отвергнувшей Защиту, разобраться в своих замыслах и проектах.

— Мы с вами, — сказал Чунча, — законопатим все щели, если придем к власти. У нас опыт проклятого Преображения. Мы знаем наши слабые места. Новая Защита будет лучше и прочней прежней.

— Мда... твоими бы устами да кровь пить... — обмолвился я.

Чунча странно посмотрел на меня. Пока я не убедился, что он все обо мне знает, меня эти взгляды очень пугали.

Среди докладных записок я обнаружил две забавные: одна касалась ввоза с Земли животных, называемых «собаки», «кошки», «свиньи», «коровы», «овцы» — это делалось по рекомендации Предтечи, который хотел сделать Аграрку близкой к реальной (кстати, ни в одном из документов не содержалось указаний на синтетическое происхождение Аграрки, но не было сведений о его природности); другая записка касалась недоработок карантинной службы — жалоба на то, что в Аграрку проникли на «собаках» крохотные кусочные живогные, именуемые землянами «блоши». Чиновники с непривычки путались в названиях.

Не без удивления обнаружил, что клубы нюхателей книг — инициатива Предтечи. Он писал по этому поводу:

«Несмотря на бравурную статистику, огромная часть агломератов книг не читает или избирает самую худшую, низкопробную литературу. Как ни поднимай уровень литературы, широкие массы читателей будут предпочитать именно наихудшую, наипростейшую из выпускаемой литературы, то есть ту, которая легко усваивается, потому что рассчитана на примитивные эмоции, примитивные мыслишки. Положение это не представляется возможным исправить мерами просвещения».

В связи с этим предлагаю создать Клубы Нюхателей книг. Это есть временная мера для привлечения нелюбопытных, не имеющих пристрастия к глубокому, сложному чтению. Под чтением я не имею в виду исключительно художественную литературу. Без знания основ существующих

наук и их новейших достижений агломерат остается на уровне первобытного существа. А пренебрежение художественной литературой приводит к самообеднению, лишению себя знания тонкостей эмоционального, мыслительного и исторического опыта, нажитого Агломерацией и предшествовавшей ей цивилизацией.

Переплеты книг следует смачивать стойкими духами. Причем, корешкам книг легкомысленных, неинтересных и малохудожественных, которые, увы, будут выпускаться по самым разным причинам, придавать омерзительные запахи. Корешкам книг серьезных должны быть присущи тончайшие приятнейшие ароматы. Оценку и сортировку книг поручить экспертам. Итоги должны публично обсуждаться ежепопыточно самыми широкими кругами интеллигенции. Привыкнув часто держать в руках книги с приятным ароматом, агломераты, склонные к чтиву, станут принохиваться к страницам этих книг и начнут, наконец, читать их! Это случится даже помимо их воли».

Я подивился такой наивности столь мудрого агломерата. Конечно, мне легко судить, зная, что получилось из Клубов. Но идея-то была грандиозная.

На многих страницах дневника Предтечи я встречал интересные, родные мне мысли:

«Агломерация рождается на выжженной планете. И мы обязаны помнить, что Агло — не только продолжение прежних цивилизаций, но и прямая наследница цивилизации, спалившей планету, а значит, несущая в себе опасные ростки. Забыв опыт прежнего, мы погибнем, удоблив почву для поросяти зла и самоуничтожения».

«Мы имеем ограниченные сырьевые ресурсы. Любые свеженькие, даже неизвестные источники энергии упрутся в нелепость их расточительного использования, глупого разбазаривания. Даже если мы откроем практически неиссякаемые мощные энергетические ресурсы, мы, при нашем недомыслии, вскоре столь же чудовищно увеличим потребление — и снова окажемся у разбитого корыта. ЗОД должна жесточайшим образом положить конец нерациональному и головотяпскому расходованию средств жизнеобеспечения — от воды до топлива, воздуха и т. д.»

«Вопрос рождаемости. Вокруг этого архиважного вопроса, увы, тьма демагогии. При войнах, истребляющих периодически огромные массивы живого, не стоит проблема ограничения рождаемости — нужно пушечное мясо. И чем страшнее виды оружия, тем больше нужно этого самого «мяса». Но теперь, когда Агло — едина в мире, когда оборона от во-

зможной агрессии из космоса зависит только от наших технических достижений, а не от количества обороноспособных агломератов, — теперь рождаемость может и должна определяться рамками разумного. Приведите мне хоть одну логичную причину размножаться до миллиардов, до триллионов! Где же предел, в таком случае? Это вопрос столь же риторический, как и вопрос о том, начиная от какой по счету песчинки образовывается куча. Недискуссионный в теории вопрос совершенно прост в решении на практике. Норма народонаселения определяется простейшим образом. Сколько мы можем без напряжения, не придавая выработке продуктов питания первостепенного значения, произвести продовольствия, столько жителей и должно быть. Каждый должен есть сытно, но в меру. С новыми взлетами науки, техники и технологии мы можем позволить себе и качественный скачок населения. При менее благоприятных обстоятельствах их планируем сокращение населения в следующем поколении. Увеличивать количество продуктов труда за счет увеличения числа работающих — путь преступный для высокоразвитой цивилизации, который приведет ее только к тупику, гибели. Верно, сто работников производят в двадцать, а не в десять раз больше, чем десять работников. Но десять работников потребляют вдесятеро меньше ресурсов, — а это, со временем, станет определяющим. А таскаться по галактике в поисках сырья — это занятие чрезвычайно глупое. Как если бы ленивый, тупой агломерат не мыл за собой посуду, а всякий раз доставал бы из шкафа новую. Как ни велик шкаф галактики — и он вскоре опустеет. А цивилизация, которая не только не моет за собой посуду, но и постоянно колотит ее, обречена на самую печальную нечистоплотность в конце своего пути.

Иногда качественный скачок техники возможен лишь после количественного скачка населения. Это редкий вариант. Вариант опасный — тут можно просчитаться: население увеличить, а качественный рост технологии и техники на поверку окажется преувеличенным, ошибочно запланированным».

«Я никогда, — писал Предтеча, — не соглашусь с определением, что агломерат — есть животное, которое гораздо лучше прочих питается, защищается от холода и жары, а также от всевозможных врагов. А ведь именно к этому сводились усилия всех предыдущих цивилизаций: еда, одежда, жилище. И лишь как блеклый орнамент — духовная деятельность, которая периодически вымирала вовсе или сводилась к шебур-

шению, к частому почесыванию в затылке, к балаганам — вместо высоких искусств».

«Мы вступали в контакт с несколькими цивилизациями, резко отличающимися от нашей. Космос дал значительное разнообразие форм жизни. Но ни разу нам не встречалась цивилизация, которая пошла бы по пути приоритета духовности. Везде духовное начало является производным от развития материального. Это потому, что везде мы сталкивались с социальным неравенством. С наступлением социального равенства духовное обязано выйти на первый план. Нельзя же — проклятье! — духовному развитию все догонять материальное развитие общества. Эти «наперегонки», в которых фора — материальному, слишком дорого нам обходятся. Эдак цивилизация пройдет весь свой путь и сгинет, а духовное все еще будет хромать на костылях. Приостановите материальное производство, дайте духовному догнать его. Будьте разумны!»

Нет, Предтеча, если я стану владыкой планеты, никогда не будет по-твоему. Никогда. Мне нужна Защита в самом низменном ее виде, в самом грубом. А эти самые духовные ценности — какой от них прок? Мне приятно читать тебя, Предтеча, приятно разделять твои взгляды, но поступать я буду так, как повелит мне... мой ум.

* * *

Четыре дольки времени.

Я встал, кутаясь в плед. Медленно дотлевали лучины. Наощупь отыскал кресло, опустился в него и нажал кнопку уличного обзора. Экран дальнотзора вспыхнул белым комом — на площади перед Оплотом лежал снег. Глаз камеры медленно осматривал площадь. Ракетные установки покрыты пушистым снегом — и никого рядом. Конечно, откатились подальше, покинув ненавистные орудия смерти, чтобы не перестать быть при взрыве Оплота. Пусто, пусто... Один. Этого и следовало ожидать. Бесславный конец. Я поспешно переключил дальнотзор на общепланетарный канал: там должно быть что-нибудь повеселее этой унылой белой пустыни.

Показали опять-таки панораму площади перед Оплотом. Диктор говорил, вздохнул говорил. Я оцепенел.

— ...нет, Чунча не сделает этого, нет и нет. Есть еще время опомниться, — частил диктор. — Пим и Джеб предпринимают лихорадочные усилия, чтобы остановить безумца. Но сейчас мы вынуждены подчиниться требованию Чунчи — предоставить канал в его распоряжение. Умоляем вас, Чунча, не делайте опрометчивых шагов — мы согласны на переговоры!

Картинка сменилась. Обширный зал, в центре которого

не было ничего, кроме возвышения. Чунча находился рядом с этим странным сооружением.

— Крупный план, пожалуйста, — обратился он к невидимым операторам. — Да, перед вами знакомая всем Черная Кнопка. Я нашел зал Координатора. Вы видите обломки робота — я пустил его первым подойти к Кнопке — и последняя система Защиты сработала. Но теперь между мной и этой милой чернушкой не существует препятствий. До истечения ультиматума Джеба осталось две минуты. Сам Джеб только что погиб, пытаясь овладеть Оплотом штурмом. Джеб сработал в лоб, и опять системы Защиты отреагировали четко, моего вмешательства тут не потребовалось.

Я выдвигаю свой ультиматум: капитуляция. Полная и безоговорочная.

«Итак, Чунча — правитель планеты, — подумал я. — А я был его марионеткой, ширмой. Ловко он меня!»

— Я требую, — продолжал Чунча, — назначения президентом...

«Сволочь ты, сволочь!..»

— ...Бажана, организатора и главы переворота. Бажан — горячий приверженец Защиты. Он нашел и уничтожил Дурака, теперь он оградит нас от пришествия следующего. Слава Бажану! Преображенцы обязаны сдаться на милость победителя. Бажан прощает всех участников путча, проявивших понятное малодушие, и поручает им занять основные узлы Агло, принимать капитуляцию отрядов преображенцев. Я...

Он подробно расписал, что кому надлежит делать.

Очевидно, нервное потрясение было слишком велико, сказались также и бессонные ночи — я спал.

Кто-то тряс меня за плечо. Я открыл глаза: мозаичный зал ярко освещен, рядом стоит Чунча.

— Эй, мой Президент, проснитесь. Извольте принять Агломерацию. Все готово — и милым бантиком завязано. Преображение лопнуло, как мыльный пузырь... Пим погиб, ха-ха, при попытке к бегству. Лучшие — под замком. Ступайте править.

— Но я...

— Э-э, не ломайтесь. Ведь вы же хотели этого.

Я выпростался из кресла — и оттолкнул Чунчу.

— Ты хам, — сказал я, — кто тебе позволил меня лапаты! Знай свое место. Где тут править? Я готов.

Чунча в восхищении хмыкнул.

Двери зала распахнулись, и я узрел знакомые мерзкие рожи путчистов.

— Спасибо, ребятушки! — весело приветствовал я их.

ЗАВЯЗЬ

226 ступень после Д. Р.

И нет пределов служению себе.

Это непосильное наслаждение... Быть центром, быть источником, тенью для обезумевших от жары и солнцем prod-рогших, быть беспрекословным владыкой, который в состоянии зажать рот любой крамоле, повелителем, — это единственный способ быть, достойный сильной личности. Место наверху только одно, и тот, кто достиг его, достиг всего. Он и есть преобразование, он и есть духовная революция, он — цель развития цивилизации. Он умен не потому, что умен, а потому что он — там; он силен не потому, что у него бицепсы, а потому, что все силы других подчинены ему; он великодушен не потому, что у него добрая душа, а потому, что не всегда же наказывать; он жесток не потому, что изувер, а потому, что надо ведь их и попугать.

Едва я пришел в себя после бравурного финала путча и осознал, что достиг желанного и нет преград глупости моей, я взялся за дело. Следовало привыкнуть к непосильному наслаждению вседозволенностью.

Я начал с авантюрных выступлений перед Агломерацией, которую, словно мяч, перекинули, не вдаваясь в особые разговоры, от одних к другому. Я заверял, что порядок будет восстановлен, что моя цель — возобновить Защиту в новом, очищенном от ее недостатков виде. После успокоившей всех болтовни я занялся неприкосновенными.

Надлежало подмять этих дурней с записными книжками, заставить фиксировать то, что мне хотелось, мою версию истории. Иначе все насмарку. О какой вседозволенности можно говорить, если поблизости вертятся неподкупные стражи истории и отмечают каждый мой глупый поступок, всякую дрянность, которую я произнесу вслух. Предстать перед потомками во всем своем дерьме? Нет уж, увольте!

Но их Старейшина грубо отверг мои косвенные притязания. Ладненько, разберемся с ними... позже.

Путчисты, смалодушничавшие во время ультиматума Дже-

ба, не только, что оклемались, но даже стали требовать свою толику мзды. Пришлось временно назначить их на высшие посты.

Однажды, совершая поездку по городам. — где-то речь собирался толкать, случился между мной и Чунчей интересный разговор. Кроме нас в шимане находился только кучер, но он не проболтается ни за что.

— Обратите внимание, Мой Президент, — говорил Чунча, занимающий нынче пост главы оранжевых, — снова возобновили покраску фасадов.

Я скользнул взглядом по шиманам эскорта и лишь затем обратил свой взор к домам — по их фасадам ползали красильные автоматы.

— Чунча, — сказал я, — а не начать ли нам слегка и торцы красить?

— Это дорогое удовольствие...

— Да, но зато оно прибавит нам популярности. Ну, там, какой-нибудь разведенной краской, так для виду, а эффект все же произведет. И еще: надо бы снять Защиту с оружия моих телохранителей.

— Мой Президент, я уже так и распорядился — Защита на все вооружение восстановлена, но вашим телохранителям — полнейшая свобода. Это проверенные агломераты, с их стороны ничего не может быть...

— И еще: путчисты...

— Они наглы и требуют слишком многого...

— Ты угадал... Сейчас мы снаряжаем массу космолетов для упрочения контактов с галактикой, нарушенных Преображением... Потребуется немало руководителей экспедиций... договоренных экспедиций... А возглавлять эти экспедиции — несомненно большая честь.

— Да, Мой Президент, для путчистов это будет высшей наградой.

— Но вот Рогулька...

— Он пригодится на планете, я правильно понимаю?

Путчисты полетели в космос, а Рогулька стал моим личным советником. К сожалению, через неделю он погиб в шиманной катастрофе. Я объявил всепланетный траур. Рогулька был отличным парнем. Из тех Рогулек...

Чунча откопал в городах агломератов с признаками явной отсталости психического развития, чтобы оттенить мои способности. И мы учредили из них совещательный орган при мне, Незыблемом, — Камарилью. Реальной властью был только Чунча, но он был не опасен мне, потому что любил править из тени, загребать жар чужими конечностями. По

предложению Рачи, которого я тоже оставил при себе, как способного демагога, мы ввели в Камарилье раздачу постов по росту — кто выше ростом, тот и получает более высокий пост. Каких каблуков они только не придумали, каких лекарств не пили, чтобы прибавить в росте... Словом, мы нашли Камарилье занятие — соревноваться и не влезать в проделки Чунчи.

Защиту я восстановил полностью, и все пошло хуже прежнего — круговая порука, поголовная безответственность. Определяющим элементом, внесенным мной в Защиту, стал осознанный террор. Если прежде лиловые хапали первого попавшегося из благих побуждений найти Дурака, то теперь они волокли любого заподозренного в неверии в мое величие. Судя по интенсивности работы Г/А, ими просто кише-ло все вокруг.

Приходилось вносить и принципиально новые моменты — например, случаи краж продолжались, потому что производства не справлялись с обеспечением всех предметами первой необходимости. Издал закон, по которому за грабеж наказывали в равной степени и укравшего, и обкраденного. На следующий же день воровство прекратилось.

Никто мне не прекословил. Мое слово — закон.

В подобном угаре протекали недели. Я бродил бесчисленными коридорами Оплота — без цели, глядя на мечущихся по своим делам сотрудников с усталостью и равнодушием. Поначалу, встречаясь со мной, все почтительно жались к стенам. Потом привыкли, и уже никто не отвлекался, когда я медленно плелся от поворота к повороту. Вне стен Оплота я был кумиром для преклонения. По приказу Чунчи скупались все появляющиеся и даже старые афоризмы — и они приписывались мне. Не выходило иных книг, кроме томиков моих речей и собраний моих афоризмов. Добрая половина газетных площадей и не менее трети ласкательного времени были посвящены моей персоне. Рачи состряпал улучшенный вариант моей биографии — теперь ее зубрили наизусть во всех школах. Словом, дело шло своим чередом. Я был лишь объектом прославления. Первые недели я еще тешился тем, что издавал по своей инициативе указы, а потом понял, что все идет и без меня.

В скорбной растерянности бродил я по коридорам. Чунча иногда сердился, запирая меня на несколько попыток в кабинет, и тогда он подписывал бумаги от моего лица. Несколько раз на меня находил кураж, и я пускался прока-

зить, доказывать самому себе, что я — не пешка в чужих руках. Тогда Чунча лишал меня сладкого.

А тем временем белые комнаты Г/А работали бесперебойно.

— Рачи, — говаривал я своему главному демагогу. — Чем отличалась Защита при 999 президентах? Тем, что в нее верили. От первого до последнего агломерата. А когда начали сомневаться, то искренне страдали, переживали, считали себя преступниками — до того уже хотелось верить. При мне этого не будет — хватит этих глупостей с переживаниями. Никаких сомнений — они губят. Но как сделать, чтобы развеялись сомнения? Я чиню такое, что даже идиот подумает: не Дурак ли я? Поэтому сомнения надо искоренять с другого конца. Надо, чтобы все **определенно** знали, что я — Он. То есть мне следует произносить наглые речи, нагло, без стыда и совести действовать, не прикрываясь высокими словами. И тогда все станут считать, что я — кретин. И это будет господствующим мнением. А бунт — это вызревание мнения, противоположного господствующему. Пусть у нас существует подпольное, тайное мнение, что я умнее, чем кажусь. Пусть сомневаются в том, что я — полный кретин. Примутся искать хорошее в моих поступках, разумное... и найдут! Да, найдут, олухи этакие!..

Рачи с увлечением слушал меня, но Чунча, решавший все, был категорически против такого хода. Он запер меня в дальней комнате, и пока я не отказался от своего плана, кормил меня сухой таквой.

Я царил над Агло безраздельно. Никто из находившихся подле меня не смел даже намекнуть на то, что я ошибаюсь или могу ошибиться. Каждое мое слово ловилось и записывалось. Чунча докладывал, что нет ни в одном городе агломерата, который не славил бы имя мое, просыпаясь поутру и отходя ко сну.

Но ночью мне чудилось, что все кругом лицемерят, только делают вид, что любят и уважают меня, а Чунча — бесстыдно врет, что все меня обожают и не помышляют о бунтах. Перед моими глазами маячил Чунча, который при посторонних благоговел передо мной больше всех, а оставшись наедине, помыкал мной, окриком отменяя мои самые заветные решения. Рядом был и Рачи, который лишь делал вид, что не понимает, кто я. Так почему бы и миллионам не притворяться, будто они ценят и любят меня...

Я ежедневно приказывал Чунче ужесточить поиски Дурака:

— Ты не стесняйся, пусть хоть половина Агло пройдет через Г/А, но Дурака надо найти!

Чунча понимающе кивал. Каждый раз мне было мучительно стыдно отдавать подобные приказы. Но Чунча сладко улыбался и кивал. Мы были не одни в кабинете.

— Мой Президент, — еле слышно пел он, — мы все, до одного, готовы пройти Г/А, лишь бы усладить вас. Всем нужен Г/А, кроме вас. Ибо кто усомнится в вас?!

И все прихлебатели дребезжащими голосами, вошедшими в моду, галдели наперебой: «Кто усомнится в вас!!»

Помню, во время моего разговора с Распорядителем Нравственности, распахнулись вдруг двери кабинета и вошел Старейшина Неприкосновенных. За ними трусой бежал мой секретарь, стараясь не пустить.

Старейшина, высокий грузный агломерат, неподкупный аскет, с которым я был не в ладах еще при Пиме, спокойно направился к креслам и сел.

— Я занят, подождите в приемной, — процедил я.

— Ты не можешь быть занят, когда тебя призывает к ответу история, — ничуть не смутившись, ответил Старейшина. — Для разговора со мной неурочных часов быть не может.

Я приказал всем выйти вон и остался наедине с историей.

— Мы не властны изменять реальность, — сказал Старейшина. — Мы лишь фиксируем происшедшее. Но сегодня я хочу спросить — доколе?

— Неприкосновенным не даровано права спрашивать.

— Верно. Но я предвижу вопросы потомков... Вчера ты отправил весь 87 город на Г/А. Как это прикажешь понимать?

— Они решили, что уничтожить Охвостье преступно — мол, Защита против насилия... Вы отправили информацию в космос?

— Спутник стартует через час.

— Этот спутник не должен стартовать. Вернее, вложите в него другую информацию. Ведь ничего не произошло.

Старейшина поднялся.

— Дурак, — только и сказал он, уходя прочь.

— Ты... Ты!.. — задохнулся я.

Но он уже хлопнул дверью. Я вызвал Чунчу.

— Всех неприкосновенных на Г/А.

— Мой Президент, все неприкосновенные старше сорока — после Г/А не останется ни одного из них.

— Я рад, что ты не ноешь о том, что они неприкосновен-

ные. Выполнять. А сегодняшний спутник задержать. Якобы по техническим причинам. Немедленно собрать новый состав неприкосновенных — и пусть они забудут о 87 городе!

— Вечером я был в театре, давали милую вещь, одну из многих, прославляющих мою мудрость. Где-то в середине второго действия в ложу наведалься Чунча: «Мой Президент, новый состав неприкосновенных закончил отчет».

— Ну?

— Давайте выйдем.

Я прошествовал в фойе. Там несколько оранжевых подерживали какого-то до крови избитого агломерата. Я вздрогнул, увидев красно-зеленый круг — знак неприкосновенного — на его груди.

— Это новый Старейшина.

— Однако... вы здорово... прикоснулись к нему, — сказал я.

— Они повторили отчет. Там вся правда. По долям времени.

— Кого же вы избрали?

— Я фальсифицировал выборы, набрал своих агломератов... Но едва они получили статус неприкосновенных, как заговорили иначе! Слишком высоко доверие к институту неприкосновенных. И они верят в свою безнаказанность, несмотря на судьбу предыдущих.

— Ты, старый хрыч, — обратился я к красно-зеленому, — тебе жить надоело?

— Я не ваш. У меня долг перед потомками. Мы дополнили отчет тем, как вы истребили неприкосновенных.

— Всех в расход. Давайте, Чунча, новых — по-настоящему новых!

Но Чунча так и не смог подобрать лояльный состав. После десятой попытки я запретил эту идиотскую организацию. Проживем и без них.

Как-то раз я созвал в экстренном порядке Камарилью. До меня дошли слухи, что Камарилья обнаглела — делят между собой города, стаскивают добро в возводимые для них дворцы. Какой-то недобитый преображенец снял об этом сюжет для ласкателя, и его кто-то пропустил. Показали по ласкателям один из строящихся дворцов — с ехиднейшим комментарием.

Я вышел к Камарилье прозрачно-серый от гнева. Я прохаживался перед трепещущей шеренгой и молчал. Наконец я остановился.

— Что? Каково? — мгновенно переходя на крик, начал я.

— Подлецы, падаль, взяточники, стяжатели! Вас тут полсотни,

и тем не менее здесь только один, только один честный агломерат! Один честный агломерат!

Я медленно обвел взглядом шеренгу камарильцев. Первым в шеренге вытягивался Чунча и преданно ел меня глазами. Встречая мой взгляд, камарильцы — один за другим — цепенели от предвкушения: ах, не я ли окажусь единственным честным?

Я с презрением плюнул.

— Да, только один. И это... я.

Чунча первым опомнился и галантно выступил вперед.

— Мой Президент, вы единственный среди мерзейших, ничтожнейших, но пожалейте нас, снизойдите...

Бес в его глазах показывал мне кукиш. Но остальные и впрямь одеревенели в страхе. Я снисходительно усмехнулся: пусть почувствуют!..

Не было предела мудрости моего правления.

Чунча не раз заходил ко мне, плотно закрывая дверь кабинета, и усаживался на стол.

— Ну, ваше высококачество, опять расшалились?

— А что, не любо? — отвечал я, заталкивая обратно в мешок подсознания выпирающую оттуда ненависть.

— Цитирую: «Нами рассмотрена проблема отвлечения работников на подпирание стен разваливающихся ветхих строений. Подобная практика отвлечения агломератов от их непосредственной работы ради укрывания нерадивости тех, кто должен снести ветхие строения и построить новые, — является нелепой. Необходимо немедленно снести ветхие и построить новые здания, не ссылаясь на нехватку работников этой отрасли.

Поэтому, учитывая интересы и пожелания агломератов, приказываю:

внести порядок в подпирание домов спинами, дабы каждый точно знал, какую стену подпирать и сколько времени; ввести раздачу горячей таквы под стенами ветхих зданий.

Его высококачество, наипервейший из лучших, самый хороший и добрый, угодливый агломерат, воистину мудрый, непогрешимый Президент Агломерации, Владыка окрестностей, а также Незыблемый всей видимой и невидимой Вселенной».

— А, как тонко, музыкально составлен приказ? — сказал я жмурясь.

Чунча как-то по-особенному посмотрел на меня.

— Но смысл-то где? Ведь вы ясно говорите, что отвле-

чение на подпирание домов — безобразие. А заканчиваете тем, что это безобразие нужно организационно улучшить. Где логика?

— То-то и оно! Логика? На то я и высококачество, что мне нет дела до логики. Так смешнее! Ведь глупцы как расценят? Им бросится в глаза, что впервые заговорили вслух, громко о постыдном — практика подпирания стен спинами (или чем другим, тоже срамном, о чем раньше только перешептывались). Они будут умилены моей откровенностью. А то, что гора родила мышь... ха-ха... они того не приметят. Тому, кто видел, как мягко мы стелили, будет не так жестко спать! Они и не обратят внимания, что концовка говорит похабно! «Ну, плохо, ну, хуже некуда, ну, пусть и дальше так будет!»

Чунча рассмеялся:

— Галактика с вами, пусть остается этот приказ.

Иные разы Чунча бывал нетерпимее:

— Это что же такое! — влетел он как-то на президентский совет. — Да ведь этот стервец всех нас хочет заложить. — Камарилья засмушалась. — Только что мне по секрету вручили болванку его речи на Параде Разума!

Чунча размахивал листками. Рачи взял их у него и принялся читать.

— Так... так... ага... «...сегодня я приветствую вас на этом уморительном событии в качестве высококачественного Дурака, самого распрекрасного глупца в Агло...»

Рачи выронил листки.

— Ну, чего? — недовольно ворчал я. — Как хочу, так и верчу.

— Это он властью своей бравирует, — орал Чунча, да так, что Камарилья головы пригибала. — Это он над Агло изголяется, терпение агломератов проверяет! Сам слетит — и нас, подлец, за собой потянет!

— Неловко.., — более спокойно сказал Рачи. — Не можем же мы за вами, как за дитем малым...

Словом, мало ли чего бывало. Что дрянь-то описывать...

Все закончилось вчера. На Параде Разума. А как же — без Парада Разума. Пренепременно я и Парад Разума восстановил.

Чучело Дурака догорает. Толпы орут, мечутся — ну, обычное дело.

Я впился взглядом в корчащиеся лоскутья Дурака, пожираемые пламенем. Так! Так! Так они могли бы поступить и со мной. Звери! вот чем кончается их мерзкий Парад Разума — безжалостным нелепым актом. Разве Дурак вино-

ват, что он другой, что природа обделила его? И за это его — огнем? Сволочи!

Чунча склонился ко мне, шепча в самое ухо:

— Ваше высококачество, лучше нам уйти. Народ впервые в такой ярости сжигает чучело Дурака. Тут что-то не то. Посмотрите, как они злобствуют.

— Это они — меня! — внезапно громко сказал я.

Чунча поволок меня с трибуны, на которой толпились размордевшие воители «нового поколения». Я не успел подойти к ступенькам, как вдруг заметил непорядок совсем рядом. Кто-то выскочил из толпы и кинулся в промежуток между лиловыми, оцепившими трибуну. Это была агломератка.

Она пробежала несколько шагов, я стоял, ошеломленно уставившись на нее. Вдруг телохранитель навалился на меня. Неподалеку кто-то истошно закричал. Еще какие-то вопли. Тяжелое дыхание телохранителя — мне в щеку. Меня подхватывают и несут. Кровь. Нет, не моя. Лиловые расшвыривают агломератов, прокладывая мне путь.

Через две дольки времени я уже был в Оплоте.

Возле меня суетился врач. Подскочил с докладом оранжевый:

— Покушавшаяся — некая Фашка — схвачена. Чунча легко ранен. Она стреляла в вас. Что прикажете с ней делать? Я тупо уставился на него. Фашка?.. Да, Фашка.

— Фашка, говоришь?

— Так точно.

— Отпустить... Впрочем, нет. На воле ей теперь опасно. Пусть пока живет в неприсутственной части Оплота. Охранять. Лично отвечаешь за ее жизнь. И чтобы ей все необходимое.

— Как это благородно...

— Вот, вот... сообщи о моем благородстве прессе. А теперь — вон.

Я сходил еще к Чунче, справился о его здоровье. Увы, его легко ранили, в самом деле легко.

— Как неприкосновенные? — внезапно спросил я его.

— Они живы. Их стало даже больше. Вместо публично избираемых сотен — тысячи, если не миллионы.

— Вы сбиваете ракеты?

— Но осколки-то разносятся по вселенной!

— Вот и ладно., — сказал я, покидая безмерно удивленного Чунчу.

Светило понурилось, Нет, мне здесь не жить — блохе не ловко на лысом месте.

Я не смог, может быть, не успел, поведать, как я стал Незыблемым. Зачем? Да и нет сил.

Когда, при Пиме, я ратовал за учреждение касты неприкосновенных, я смутно предвидел и свою победу в путче, и свое нежелание писать правду — потом... все, все, предчувствовал... даже то, что я их разгоню... и не без умысла создавал эту касту крепкой... И теперь то, что я, за неимением времени и желания, не дописал, вы прочтете в докладах неприкосновенных. Рано или поздно их заметки соберут... ужасный момент... лучше не думать о нем.

Прощайте. Надеюсь, одной ампулы хватит.

Я искренне хотел... ну да что там теперь оправдываться. Я освобождаю вас от себя.

Вы свободны. Дурака больше нет.

Меня во мне не было: я тщательно собирался в одну точку, и эта точка, дрогнув, стала удаляться от меня, но я, оставшийся, даже не шевельнулся, чтобы возвратить себя удаляющегося, потому что главней теперь был тот, кто находился в болезненно пульсирующей точке, которая вдруг стала укрупняться, укрупняться — или, точнее, на нее словно вызырился глаз микроскопа, и она оказалась вселенной со всем множеством заключенных в ней смыслов, которые внезапно стали один за другим проясняться для меня, потому что я вышел из себя и пристально разглядывал себя для того, чтобы единство меня распалось на крупницы, и эти крупницы можно было бы прощупать, разделив на то, что находилось во мне от рождения, от тех клеточек матери и отца, соединенных и взращенных в меня, и на то, что было от деревушки, спящей днем с открытыми ставнями, от бабушкиных сказок о Дураке, от дедушкиных фырканий, от ребячьих дразнилок, от Праздника взросления, от уксуса, пролитого Примечанием мне в мозг, от Фашки, кричащей: «Нет, не хочу!», от кичающейся своей серьезностью Агломерации, от скрытности Джеба и пугливого героизма Пима, от горечи правды и от сладости лжи, от восстаний и путчей, от объятий Додо и плевок Фашки, от банальной шлюхи, ставшей моей женой, и от пустодума Брида, ставшего моей совестью, — от всех тех впечатлений, которые бурлили во мне, не сливаясь в единое течение, и только издалека меня можно было принять за личность, тогда как я был свалкой, куда каждый бросал свои мнения, суждения, выводы, вопросы и ответы.

Я перестал быть и с удивлением понял, что и не был.

Я был лишь дрожащей стрелкой какого-то незнакомого мне прибора. По прибору стучали — и я вынужденно качался

в определенную сторону, ясно указывая на что-то, чего и сам не мог объяснить.

И только поняв, что я — не был, внезапно ощутил, что я — есть, и болезненная, пульсирующая точка приближается ко мне и смыкается со мной, совпадает со мной — и вот она во мне, пляшет в груди, рассыпается на десяток жгучих точек...

Я открыл глаза.

Рядом колебались крупные тени. Где я?

— Вы в Оплоте, Мой Президент, — ответил — голос, уловивший, как видно, мой шепот. — Ваша бесценная жизнь вне опасности. За это ручаюсь я, ваш врачеватель.

Неожиданно пелена спала с моих глаз, и я почувствовал себя совершенно бодрым и здоровым.

Я увидел большую комнату, врача и двух его ассистентов, ласкатель вместо окна.

— Все вон! — приказал я.

Ассистенты поспешно вышли. Врачеватель не сдвинулся с места. Я в раздражении уставился на него — агломерун, лицо разбито крупными морщинами, глаза не блестят.

— Мой Президент, — тихо сказал он, — я все знаю.

Наши взгляды встретились, и я, несмотря на страх или, может, именно благодаря страху, поразился чудесной глубине глаз Врачевателя. Они напомнили мне несерые круглые глаза Фашки.

— Я бредил? — спросил неожиданно спокойно.

— Да. И я узнал, что вы Дурак.

Я сел на кровати. Он поплатится жизнью. Только убить его надо прежде, чем кто-нибудь войдет. Не то крикнет. Или он уже... Или еще кто-нибудь мой бред...

— Вы уже раззвонили об этом? — поинтересовался я.

— Нет. И не спешите убирать свидетеля. Быть может, я выскажу вам одну весьма необычную, но интересную мысль. А потом делайте со мной, что хотите. Я — агломерун, и мне нечего терять, кроме нескольких недель жизни.

Я согласно кивнул, подошел к двери, запер ее и вернулся на место.

— Вы бредили больше пяти попыток. Агломерации не сообщили, что вы пытались покончить с собой. Просто, мол, заболели. Вам заменили две трети органов — наша медицина впервые произвела такую тотальную реплантацию, благополучный исход был весьма сомнителен. Я, не полагаясь на ассистентов, неотлучно находился при вас.

Это произошло во вторую ночь. Вам стало вдруг резко хуже, ассистенты побежали за новыми приборами, а я не

спускал глаз с ваших подрагивающих век. Вдруг вы очнулись, посмотрели на меня и громко, отчетливо произнесли: «Никто не знает, что я Дурак. И никогда не узнает.»

Я так и обмер. Разряд испуга спаял воедино ваше признание и общеизвестный факт, что вы обезвредили Дурака — убили, надо сказать, при странных обстоятельствах, о чем в народе гуляют самые невероятные слухи.

— Мне не докладывали...

— Ввести после Преображения — Защиту, это все равно, что закупорить в душной комнате агломерата, который глотнул свежего воздуха. Мы отведали свежего воздуха и — возненавидели вас. Очень многие смаковали странные обстоятельства вашего «великого подвига». Самые умные давно подозревали, что Дурак — это вы. Ваш путч, потом разнузданный террор, все эти ваши поступки — словом, догадаться было несложно.

— И вы догадывались?

— Я агломерат из не смелых. Бывают времена, когда даже втихомолку догадываться — непозволительная, опасная роскошь. Даже думаешь потише — словно вполмысли. Я большую часть жизни прожил при Зашите, у меня в голове на каждом шагу стоп-сигнал.

— Где же сегодня ваш стоп-сигнал? — съязвил я.

— Передо мной Дурак. Я должен его победить. Вся моя прошлая жизнь, весь горький опыт нашей цивилизации были направлены на выживание в столкновении с Дураком. Сейчас, именно в настоящую дольку времени, наступил исторический момент. Все, что готовилось для этой схватки, теперь должно пройти проверку.

Врачеватель встал и возбужденно зашагал по комнате. Я лихорадочно соображал. Да, я дам бой. Я сильнее их. Пусть они готовились целые пролеты ко встрече со мной. Напрасно. Их жалких усилий неостанет, чтобы уничтожить меня!

— Я повторяю, — звонко (я испугался, не услышали бы за дверью) произнес Врачеватель, — я повторяю, что умственные силы нашей цивилизации накапливались специально для этого мгновения. Я горд, что судьба избрала меня для нанесения последнего удара Дураку.

Он остановился и выпрямился, что при его сгорбленном старостью теле стоило немало усилий.

— Встаньте, — торжественно произнес он.

Я машинально подчинился.

— Бажан...

Я вздрогнул — последние две ступени никто не осмеливался обратиться ко мне по имени, даже мать.

— Бажан, очнитесь же, ведь вы больше не Дурак.

Я сел на кровать.

— У вас здесь что — не кормят? — наконец произнес я.

— Шестую попытку не евши...

На следующее утро Врачеватель пришел после завтрака. Он осмотрел меня, расспросил о самочувствии, посоветовал еще попытки две полежать без дела. Он пошутил о собачьем холоде вне больницы — Координатор так и не восстановили до конца. Он направился к двери.

— Мы вчера начали занимательную беседу, — окликнул его я.

— Ах да, — словно бы вспомнил Врачеватель, возвращаясь. — Вы меня поразили вчера тем, как холодно приняли мое утверждение, что вы не Дурак.

— Вы не сказали мне ничего нового. Я давно подозревал. Но это было до того невероятно... А насчет моего равнодушия к вашим словам... хм... Однако что вы имели в виду?

— В бреду вы подробно пересказывали свою жизнь — точнее, я из обрывков составил довольно законченную картину. И понял, что вы пережили духовную метаморфозу. Вы преодолели трагическую предопределенность, заложенную в ваших генах. Благодаря чему? Рядом с вами постоянно находились хорошие, умные агломераты. Вы обладали чудесной способностью влюбляться в стоящих агломератов. Дедушка, Примечание, Фашка, Джеб, Начи, Бачи, другие — они постепенно внушали вам правильные мысли, воспитывали вас.

— Джеб, к примеру, был не очень хорошим агломератом.

— Зато он был хорошим учителем, — возразил Врачеватель. — Даже Брид с его изломанной судьбой, прозревший, когда его стукнули физиономией об стол — это выражение из вашего бреда — и тот был прекрасным учителем. Природа наделила вас отличной наблюдательностью и умением делать выводы. Но дала вам и чудовищную медлительность. Впрочем, наблюдательный агломерат при порядочных учителях не потерян, даже если он тугодум. Вас любили прекрасные люди — это подарок судьбы. Этот подарок вам теперь следует отработать. Пройдя через столько испытаний, так мучительно размышляя над всем, так не щадя себя, так трудясь над собой... Вы превзошли самого себя. Вспомните, как вы писали. Сумели же поставить отличную дикцию...

— Моя дикция теперь особенно хороша, — продребезжал я.

— Ну, это после Г/А... А ваши аграрные манеры и словечки — где они? Зато любовь к Аграрке, к ее пестрому наряду, к природе вы сохранили. А как пытались обуздать в себе жестокость?! А как учились слушать других вместо того, чтобы говорить самому?! Как мучительно избавлялись от преклонения перед авторитетами! Как вгрызались в непонятные вам науки! Вы сатанинским терпением взяли то, что не Дурак взял бы походя, играючи... А в результате оказалось, что тот гипотетический агломерат так ничего и не взял, именно потому, что был убежден: ему стоит только наклониться, что успеется, — а вы, которому не дано было взять, переломили предвзятое решение судьбы и не поленились, — скрипя зубами, взяли-таки все, что смогли, а смогли многое.

— Я сам, сам, — словно в лихорадке скороговоркой заговорил я. — Сам знал, что то... то страшное уже миновало, что я другой... Но не верил, не мог, не смел..., а потому не мог поступать, сообразуясь с каждым новым открытием. Мне было жутко: я другой, а словно бы еще и тот — и нет спасения от него, и я принуждал — понимаете, принуждал! — себя поступать, как поступил бы Он... Я вздор, быть может... но понимаете? Нет, не понимаете! Как это тягостно быть лучше себя и не иметь сил изменить единожды уже выбранную линию поведения. Не это ли отрывка моей глупости — то, что я так долго не решался вести себя умно только потому, что считал себя Дураком? Единственно потому, что окружающие подозревали во мне Дурака и ждали от меня дурацких поступков? Вот она — моя последняя, гнуснейшая глупость!.. Нет мне прощения.

— Прощения нет, — неожиданно сурово подтвердил Врачеватель. — Душ вы погубили без числа. Нет прощения. Но вы можете исправить нагроможденные нелепицы и водворить порядок там, где вы все смешали. Конечно, можно вышвырнуть вас вон, как сор, заменить одного Владыку другим, сменить имя, а то и вовсе передать власть какому-нибудь комитету, собранию умных голов или чему-то в этом роде. Да все будет слабее, чем вас оставить. Где на планете отыщется другой агломерат, который столько бы пережил, у кого имелось бы больше горького опыта, чем у вас? Где такой, кто прошел бы путь от межеумка, с трудом связывающего слова, до мудреца, парализованного званием Дурака? На этом пути вы познали такое, что иные — с более благополучной судьбой — не изведуют во веки веков. Так что вы,

именно вы нужны Планете. Загладить свои ошибки вам уже не удастся, а пользу принести сможете. И пользу огромную.

Я искал в его словах насмешку и не находил. Я смотрел на него и радовался за Агломерацию — может же она производить на свет таких, как он!

— Да ведь вот вы, вы! — воскликнул я. — Вам-то и быть над всеми, вам-то и вести за собой! Этак проникать в суть вещей! И я вам говорю не потому, что вы меня хвалите... да вы меня и не хвалили вовсе!..

— Полноте, я обыкновенный агломерат, а выводы мои в порядке вещей. Не преувеличивайте.

— Будете моим советчиком?

— Я стар. Лечить — это мое дело. А над планетой верховодить — сноровки нет.

— Нет, правда, что я смогу исправить? Вы уверены, что мне не следует передать кому-нибудь планету, а самому... Надо бы принародно сознаться...

— Вам и только вам исправлять содеянное. А признаваться пока не стоит, это вызовет смятение. Покаетесь перед тем, как перестать быть. А то, что вы не Дурак, это должны увидеть по делам вашим.

— А если... если я к прежнему вернусь.

— И это не исключено. Отчего же этому и не быть? Дурак тем и славен, что горазд каяться — да все бестолку.

— Я не вернусь к прежнему. Клянусь Фашкой.

Врачеватель ободрающе улыбнулся.

— Моя жизнь — дурно скроенный фантастический роман, — сказал я. — Мне кажется, что и все кругом — дурно скроенный фантастический роман.

— Словно можно отделить правдоподобное от фантастического, — сказал Врачеватель. — Как работают хорошие писатели? Они берут реальные события — линии — и продолжают их, эти линии, за пределы свершившегося. Они непременно пересекутся в мире событий вероятных. Писатель только подмечает эти линии, которые за пределами сбывшегося вдруг выявляют свою суть: возможность пересечения, возможность преступления, возможность дряни или, наоборот, — возможность подвига, счастья, свершения. Так что вы напрасно сравниваете свою жизнь с фантастическим романом — романы эти крайне бедны выдумкой, даже если ладно скроены. Жизнь стократ богаче самого разнузданного воображения. Вот, взгляните, я нарисую. У этих линий в видимом мире нет ничего общего.

И он нарисовал мне:

мир

мир

видимый

нереализованный

Как странно больше не чувствовать себя Дураком.

Клянусь Фашкой, я сделаю все, что смогу.

Клянусь.

Часть шестая

ПЛОД

234 ступень к Духовной Революции

«Когда просунешь разлохмаченную нить в игольное ушко, то чем больше тянешь, тем меньше проходит. Надо выдернуть нитку и, вновь посучив, продеть ее».

...И вдруг перед нами возникло огромное синее пространство. Я даже испугался. Словно миллион рек сплелись в один узел и разлились до самого горизонта. Вода колебалась и набегала на берег.

— Она не выплеснется? — спросил я антизодовца, сидящего за моей спиной.

— О, нет, Бажан, — рассмеялся он. — А правда, красиво? Большая вода!

— Надо придумать другое название. «Большая вода» — как-то нелепо, — сказал я и, преисполненный гордости, повернулся к землянам. Они перешептывались на своем заскокливом языке, поглядывая на большую воду и на наш восторг насмешливо. Кто сказал, что они похожи на нас? Две руки, две ноги, два глаза — какой-то комический вариант нашего гармоничного телосложения.

— Ну как вам наша большая вода? — спросил я.

— Океан как океан, нашли чему радоваться, — сказал их командир на нашем языке. «Океан» — вот как они это называют. Их равнодушие чуть раздражало.

— А для нас — чудо, — сказал я. — Только что залили. Был когда-то давно, теперь восстановили.

Шимана остановилась на берегу, и мы пошли вдоль границы пенящихся волн.

Большая группа гостей, прибывших на торжество раздуривания Координатора, которой я решил показать океан, следовала за мной и Бачи.

— Через пару проб запустим рыбу и другую живность. Сейчас ищем подходящую по всей галактике, — рассказывал Бачи.

— А ведь славно.., — любовался я беспредельно синим. — Невиданно! И как долго мы были лишены этого — даже слово потеряли. Возьмем на вооружение земное название — океан.

— Да, за последние ступени мы многое привели в порядок. Нет больше огражденного для обитания клочка суши — мы освоили всю планету!

— Погодите, теперь надо расселить агломератов равномерно, построить поселки по всей планете, чтобы не было скученности, уродливой геометрии городов.

Бачи, почувствовав, что я хочу побыть один, отстал.

Бескрайность моря высветила в памяти другую попытку, много ступеней назад, сразу после моего покушения на самоубийство и выздоровления. Тогда передо мной расстилась другая бескрайность — беспредельность будущего, необозримость предстоящего.

Тогда наступила пятая пядь моего краткого бытия. Ничто не застило мне взгляда, и мое мирожизнепонимание определилось окончательно.

Бумага лежала передо мной. Секретарь, отступив на два шага назад, застыл в почтительном ожидании. Он не меньше меня понимал всю значительность и торжественность данной дольки времени.

Мы были в кабинете вдвоем. Я не хотел повторения шумихи, сопровождавшей правление Дурака.

«ВСЕМ! ВСЕМ!

Отныне Защита От Дурака упраздняется и демонтируется. Деление на Центр, Околесицу, Агло и Пустицу отменяется. У нас есть целая планета, которую мы все должны оживить.

Время смут закончено. Наступило время созидания.

24 попытка 6 пробы 224 ступени после Д. Р.»

Я взял ручку и быстро подписался: «Бажан».

— Бажан?! — невольно вскрикнул секретарь.

Я улыбнулся, глядя на его смущенное лицо.

— Но кто же вы теперь?

— Бажан.

— Президент? Владыка? Первый из Равных?

— Просто Бажан.

Секретарь вдруг переменялся — последние признаки скованности сбежали с его лица. Он произнес, расцветая в улыбке:

— Какое прекрасное имя! Нет, какая прекрасная должность! Какой чин — Бажан!

Я еще раз бросил взгляд на указ. И снова взялся за ручку и быстро исправил дату: заменив «после» предлогом «к».

Секретарь задумался, оценивая поправку. Зная, что так же будут замысливаться миллионы планетян, я пояснил:

— Духовная Революция — это не всеобщая грамотность, не миллиардные тиражи книг, даже не миллионы поэм и афоризмов, это гораздо сложнее и — главное — это впереди. Мы с одышкой поднимаемся вверх по лестнице. Выше и выше. К недостижимому совершенству. Это бесконечная лестница. Прежде мы удалялись от Духовной Революции. Но Духовная Революция — это то, что впереди, никогда не плетется сзади! Впрочем, я еще кое-что забыл.

Я размашисто написал на полях: «Вменяется в обязанность — слушать музыку». Потом разозлился на себя и перечеркнул фразу, исправив ее на другую: «Тот, кто хочет, может беспрепятственно слушать музыку».

Помню, сразу после этого ко мне ввалился Чунча. Он выздоровел еще раньше меня, но я его не призвал к себе. Теперь мое окружение составляли надежные агломераты — я вызволил из тюрьмы Примечание, освободил Фашку, позвал Бачи и Начи, Брида, многих-многих других отличных планетян, которых я ранее несправедливо репрессировал.

Чунча вошел по привычке без стука. Я внутренне свернулся в клубок, выставив наружу колючки. Но Чунча весело улыбался, как ни в чем не бывало.

— Бажан, — сказал он, легко распрощавшись с обращением «Мой Президент», — я к вашим услугам. Мне очень приятно, что вы осознали ошибочность своего прежнего курса. Давайте исправлять положение вместе.

Я прожил долгую и серьезную жизнь, но все еще есть мне чему удивляться.

— Милейший Чунча, — брезгливо ответил я, — что за жизнь вы прожили? В юности малевали картины за бездарностей. Потом насмеялись над Защитой, по-своему любя ее — лишь вам уютно было под ней. Потом возлюбили Пре-

ображение, по-своему ненавидя его, — вам просто нравились всяческие пертурбации в обществе. Крушить — так крушить. Строить — так строить. Что за беспринципность? Вы считаете это достойным художественно одаренной натуры поведением? С 999 президентами вы находились в превосходнейших отношениях; поругивая Диона; с Пимом и Любомудром — вы дружили; со мной плели заговор против них; со мной — вели зодовский террор, теперь вы готовы раздурачивать планету...

— Художнику плевать на внешние перемены. Он меняется только изнутри.

— Верно. Вы уже переродились внутри себя — до неузнаваемости. Вы начинали свой путь благородным ироничным юношей — и вот уже перед нами прожженный циник.

— Оставьте свою дешевую иронию, уж она воистину больше пристала пылкому юноше. Художник свободен от пут режимов и времени. Он шествует, радуясь любым событиям, он рисует. Он боится лишь одного — отсутствия событий.

— Это ложь. Именно художники, представители иных искусств и труженики неспешной мысли, должны давать определения, названия и толкования тому, что политики не успевают разглядеть за своими ежепопытными хлопотами. Политики только создают для творчества условия. Или препятствия. Ведь цель цивилизации — творчество. И научное — тоже.

— Мой Бажан, вы-то и сами не лыком шиты. То млели от Защиты, то охраняли ее, то поносили, то бунтовали, то...

Он по-своему прав. Ибо кто ведает, где находится та грань, перейдя которую, даже глубоко раскаявшийся в содеянном утрачивает надежду на снисхождение, на забвение ошибок прошлого?

Тысячи моих злодеяний промелькнули в памяти. Но я же всегда был искренен в своих заблуждениях, принципиален каждую минуту жизни, мое поведение изменялось в зависимости от внутренней работы ума, — разлюбив что-нибудь и осознав это, я уже... Нет, так было не всегда... Эх, как все запутано... И надо продираться сквозь этот лес, надо!...

* * *

Бачи, подойдя, стал рядом.

— Как ни странно, — продолжал я мыслить вслух, — теперь я не боюсь ничего и никого, я целиком открыт для агломератов. — Именно сейчас, после стольких ступеней борьбы с фетишизацией Глупости, с обожествлением Глупости в

образе Дурака, когда Агломерацией косвенно правил Дурак — ибо все усилия направлены были на борьбу с ним, — только сейчас я отчетливо понимаю: все беды от глупости. Даже умнейший делает глупости — потому что не знает отдаленных результатов своих свершений. Он просчитывает лежащие на поверхности положительные результаты, что там дальше, в мареве будущего — может, отдаленные недобрые последствия? Не угадать и не предречь.

— Ты, Бажан, боролся не с «обожествлением Глупости», ты боролся лишь с одной из глупостей — глупостью все списывать на глупость.

— И вот — пришел к списыванию всего на глупость!.. Нет, я ничего не списываю. Надо бороться с глупостью, а не заниматься самобичеванием бумажной веревочкой.

Я пригласил гостей в шиману.

По пути к Оплоту состоялся большой разговор с гостями. Мне и из прежних бесед были известны не слишком радужные настроения, но я все же не отчаивался найти с ними общий язык.

Землян было двое — Командир и еще один, державшийся в тени, лишь помаргивая левым глазом, украшенным большим бельмом.

— Завтра вы возвращаетесь на Землю, — обратился я к ним. — Что дал вам контакт с нашей древней цивилизацией?

— Да, ваша старушка кой-чем порадовала нас, — ответил Командир. — Мы с вашего разрешения увозим одну шиману с кучером — скопируем на Земле. Очень любопытные шиманы — без колес, топливо из воздуха, и этот фантастический кучер!

— А еще что?

— Вот и все. Надо сказать, мы ожидали увидеть здесь суперцивилизацию, а вы — так себе. Кроме шиман и взять-то нечего на заметку. Хоть бы двигатель, развивающий скорость света или какая-нибудь штучка, чтобы планеты перемещать... — Он не церемонился, полагая, что наше длительное знакомство уже позволяет это.

— Как? Неужели кроме шиманы ничего? — удивился я.

— А что еще?

— Но наш трагический опыт...

— У нас и своего трагического опыта хватает.

— Значит, мало, если чужим пренебрегаете... У вас что — дураков нет?

— Разумеется, нет. Разве мы смогли бы в космос летать, кабы глупыми были?

— Сильный аргумент — про космос, — в задумчивой рассеянности сказал я, не без презрительной улыбки. Мы слишком разнимся, чтобы бесцельно спорить. — Надеюсь, перед отлетом еще свидимся... Кстати, о достижениях. Несколько пролетов назад наша планета находилась в другой галактике. Теперь мы здесь, возле оранжевого солнца. И поверьте, это не играет никакой роли — умеем мы двигать планеты или нет, это не имеет ни малейшего отношения к оценке развития цивилизации. Это всего-навсего техника, ремесло, а жизнь — жизнь идет сама по себе. Мы переменили место в галактике, но сами-то прежними остались. А движение, прогресс — это сменить себя на другого, лучшего. Шимана на колесах или без, с кучером ли — экий все вздор...

И тут вдруг старые, потаенные мысли завладели мной, и я, вполне сознавая тщетность своих усилий, все же поделился ими с землянами. Быть может, именно в силу своей, иной, психологии эти существа поймут меня? Здесь, на родной планете меня не понимают даже Примечание и Фашка. — Я измучился, — сказал я. — Я устал, решая, как дальше поворачивать жизнь на планете. Боюсь ошибиться, напортачить. У меня много добрых советчиков, я стремлюсь воспитать сколько можно больше талантливых агломератов себе на смену, я окружил себя зелеными юнцами, я внимательно прислушиваюсь к агломерунам, я, наконец, раскрыл тайну Глубокого Анализа и белой комнаты, — чтобы обогатить планету своим трагическим жизненным опытом. Планетяне не лишили меня доверия, узнав правду. Но какая это чудовищная, непосильная одному задача — управлять миллиардами агломератов! Это противоестественно. Я думаю над тем, чтобы разделить планету на самоуправляющиеся общины — по несколько тысяч или даже по миллиону планетян в каждой. Но опять возникает вопрос: как один планетянин может управлять миллионом себе подобных? Чем миллион меньше — по отношению к одному — чем миллиард? Песчинка равно ничтожна и против ведра песка, и против горы. Есть только фикция управления. Не могу я — один — взаправду управлять судьбами даже тысячи планетян — с их разнообразием желаний, характеров, стремлений, реакций! Ну тысячей еще я как-то могу руководить, возможно, я и умней тысячи. Правда, и тут есть вероятность чванливого преувеличения мною значимости своей особы. Но чтобы я оказался умнее миллиона, миллиарда? Какое у меня право управлять ими, то есть указывать: вот это делайте, потому что так хорошо, а вот этого не делайте — плохо. Даже какое право на это у группы советников, меня окружающих!..

Что это за отдельные планетяне такие семи пядей во лбу, которым миллиард поручил командовать собой? А? Случайные прохожие! Вот муки-то где...

И вдруг я заметил, что люди презрительно улыбаются, слушая меня.

«Дерьмо, — подумал я. — Небось, у самих проблем нерешенных целый воз, а они слоняются по вселенной и еще лыбятся, когда другие откровенно делятся своей болью...»

Я смолк.

— Чтобы не метаться, — менторски провозгласил бельмастый, — надо правильно организовать общество. Общество должно иметь в целом столько ума и доброты, чтобы отдельные глупые или злые особи растворялись в общем фоне, не имея возможности для таковых личностных проявлений.

— Вы предлагаете почти что реставрацию ЗОД, — без улыбки возразил я.

— А хотя бы и так, — с безразличием отвечивал бельмастый. — С вами тяжело беседовать — вы, похоже, в добродетель всем дышлом въехали.

— Да и что же такого нового вы ввели после Поворота? — язвительно поинтересовался Командир. — Кроме, пожалуй, уничтожения Защиты?

— Да и то, уничтожение ЗОД — это ведь лозунг Преображения, — добавил бельмастый. — А вы лично чем...

Глупо было бы обижаться. Я разговаривал с ними серьезно, стараясь не замечать их иронии.

— Ничего особенного не совершил. Я вернул планетян к первоначальному состоянию — то есть к осознанию своей глупости. Каждый может быть глуп и может делать глупости. Каждый из них на данном этапе развития цивилизации — глуп, и не через одного, а — все поголовно. Умна только совокупность планетян — цивилизация. Я не верю в гениев. Разумные существа бывают глупые, не очень глупые, не совсем глупые и, наконец, почти не глупые. Ум — понятие относительное. Иное дело способность мыслить — это уже категория неизменная. А иначе как объяснить, что умы прошлого кажутся нам теперь ограниченными. Самые умные кажутся нам такими в продолжении многих пядей времени и после того, как перестали быть не только они, но и десять, двадцать, тридцать поколений. Но наступает время, когда знания наши совершают качественный скачок, и откровения этих выдающихся планетян начинают казаться нам заключениями детских умов — ибо каждый школьник в новую эпоху умней тех прежних гениев. Он не только знаниями новы-

ми полон, но и новой методикой силен. Значит, должно существовать понятие ума абсолютного и относительного. Разумеется, школьник умнее прежних гениев только потому, что именно они проторили дорогу к вершинам цивилизации...

Итак, отныне цель воспитания на нашей планете — даровать обществу планетян, лишенных досужего самомнения, имеющих здоровое самолюбие, а не болезненное самолюбование, а потому не боящихся прислушиваться к чужому мнению, советоваться с окружающими, принимать решения, взвесив все за и против, но способны и отменить их, если те не встретили поддержки большинства окружающих... Словом, я воспитываю в планетянах умение дорожить собственным мнением, но и не ставить себя выше других, не заноситься. Лучше сомневаться, чем рубить с плеча. Но...

— Как все это банально! — перебил меня бельмастый. Миллион лет уже известно!

— И тем не менее, — сдерживая ярость, ответил я, — эти азбучные истины стали для нас откровением!.. Вы-то, на Земле, уже освоили эту азбуку?

— Еще в прошлом, девятнадцатом веке, нам бубнили об этом, — сказал Командир. — Нынче мы выше этих продишей. У нас научно-техническая революция.

Я едва не расхохотался. Трудно разговаривать с детьми. Кажется, все вроде бы понимают, а потом вдруг сморозят эдакое...

— Ребята, — не сдержав улыбки, спросил я, — да кто же стал умнее только потому, что научился быстрее ездить? — Но тут мне стало неловко за утерю официальности... Все-таки представители другой цивилизации. Впрочем, мы уже подъехали к Оплоту, и мои мысли отвлеклись на предстоящее важное событие.

* * *

У нового, просторного входа в зал Координатора, заменившего темный лаз времен Защиты, по которому в свое время прополз Чунча, нас ожидали большая группа антизодовцев, представители прессы. Исторический момент уничтожения последней системы Защиты должен был транслироваться на всю планету.

Среди антизодовцев — на сплошном сером фоне — я не без удивления заметил яркое сине-красное пятно.

— Фашка?

— Здравствуй, любимый. Не удивляйся, что я сегодня так одета. Ведь Защита пала. Пора одеться как следует, пора ввести радость как обязательный элемент жизни.

— Ты думаешь, что серый цвет в Агло — это неспроста?

— Разумеется. Если кругом все однообразно скучно, то проще заметить любые отклонения, а ЗОД только тем и занималась.

— О, галактика... как ты хороша!

Гости — кто с изумлением, кто не скрывая своего восторга — приветствовали мою супругу. Ее сине-красный наряд удивительно гармонировал со всеобщим приподнятым настроением, но кое-кто воспринял это как дерзость. Ничего, дайте немного времени, и я постараюсь всех одеть ярко, интересно.

Ко мне подошел Примечание, который отвечал за раздурачивание Координатора. Он доложил, что все готово. Я кивнул: начнем.

— Уважаемые гости, — провозгласил Примечание, — последняя Защита пала. ЗОД уничтожена. Прошу всех в зал Черной Кнопки.

Итак, осталось отсоединить проводки, идущие от Черной Кнопки к системе взрыва Координатора. О, предвкушаю всю сладость этого дела, доверенного мне. Я вошел в зал вслед за антизодовцами. За мной в зал текла толпа остальных приглашенных.

Наконец все разместились вдоль стен. В центре, поодаль от возвышения с Черной Кнопкой были установлены микрофон, несколько камер дальнотворов с операторами. Пим жестом показал мне, что все ждут моего выступления. Я подошел к микрофону. Черная Кнопка находилась за моей спиной. Я постоянно ощущал ее присутствие.

Я обвел взглядом собравшихся. Фашка ободряюще улыбнулась мне. Я вдруг с удивлением заметил — шерсть у нее на затылке не серая, как у всех, а нежно-серебристая. Она, моя милая, острее всех чувствует, как важна для меня наступающая долька времени. И глаза у нее круглые, не серые... фиолетовые, да.

Бачи и Начи преданно, но не заискивающе смотрели на меня. Было здесь немало и других моих друзей. Эти прекрасные агломераты обязательно добьются счастья для всех. Мы собрались здесь, чтобы открыть путь к истинной победе разума, которая когда-то, когда и слух о нас замрет, наступит...

Милые, любимые мои агломераты. Все для вас, все только ради вас. Живу для вас. Все муки принял за вас.

Брошенный в недобрую почву, мой разум все-таки пустил корень, и взогнал стебель, и дал цве-

то к и сотворил завязь. Долгий, долгий путь бытия моего увенчался плодом, который не есть торжество разума, а лишь намек на его будущее возможное торжество. Кто я теперь? Гений? Благодетель? Нет, просто планетянин, страдавший более других, понимающий чуть больше остальных; если я сосредоточу все свои духовные усилия на служении обществу, если я не замажу рот народу глиной и буду непрестанно прислушиваться к его голосу, то смогу чуточку улучшить жизнь планеты, заложить основы будущего прогресса, подтолкнуть общество к Духовной Революции...

— Милые, любимые, — сказал я, ласково оглядывая присутствующих, — я рад видеть вас в такую прекрасную попытку. Сейчас мы довершим разрушение того, что мешало нам. Но перед нами стоит задача куда грандиознее — изыскать иной, более гуманный образ жизни, более действенный принцип, чем Защита От Дурака. Предтеча полагал, что лечебного средства от глупости нет. Это неправда. Оно есть. Надо лишь найти его. Много неожиданностей подстерегает нас на новом пути. Мы не можем с уверенностью сказать, что знаем, как именно должна развиваться цивилизация, куда, в каком направлении ей следовать и — главное — зачем. Мы провозглашаем нашим краеугольным камнем рост духовный и отказываемся от бездумного накопления материальных ценностей, Образование и воспитание — вот главная забота. Ни одного упущенного планетянина. Пусть не родятся десять новых агломератов, но один только — лишь бы стал он воистину планетянином, а не ветошкой, дрянью, полупреступным копителем неба, не ведающим ни цели, ни идеала, ни совести, ни чести иных, кроме как занять больше, потреблять повкусней, отталкивая соседа и унижая слабейшего. Мы достигли того уровня, когда стремление создавать больше материальных ценностей в ущерб нравственному развитию членов общества — уже не ошибка, а недомыслие. Мы пытались стимулировать рост материального и духовного разом, параллельно — что из этого вышло, вы сами видели...

— Черная Кнопка обнажена, — продолжал я. — Ничто в данный момент не препятствует Дураку нажать ее. Ничто. Но среди нас, братья и сестры, нет дураков — то есть все мы, кто больше, кто меньше глупы, однако чудовищного сгустка глупости здесь не существует. Он порождение испуганного воображения, обеспокоенного страхом личного бытия, которое доведено до иступления постоянной неустроенностью мира — из поколения в поколение миллионы ступеней! — от возникновения рода агломератского. Жажда счастья вызвала

необходимость появления явного, осязаемого, называемого виновника горестей, противника, и мы его сочинили. Грустная сказка исчерпала себя, принесла непоправимые и неисчислимы бед. Мы сейчас вписываем последнюю строку в поэму о Дураке, никогда и нигде не существовавшем. Итак, Черная Кнопка обнажена. Ну, Дурак, подойди же, нажми. Ну, где ты? Давай, не стесняйся! Смелее! Мы ждем!.. А, что? Не идешь? То-то!

Многие из присутствующих засмеялись. Улыбнулся и я, ожидая тишины, чтобы продолжить свою речь.

И вдруг — оцепенел. Я увидел стекленеющие от ужаса глаза, обращенные ко мне за спину. Наконец, донесся уже угаданный мною вскрик — всеобщий. Я стремительно обернулся.

...Там, возле возвышения с Черной Кнопкой один из операторов дальнотера, желая обойти меня, чтобы заснять какой-то интересный план, споткнулся. Общий вскрик, мой поворот — все это за миллионную долю секунды. Я увидел, как он валится на возвышение с пупырышком Кнопки — прямо на Кнопку. У него лицо, искаженное животным ужасом, — он понимает, куда он падает и чем это чревато, — но изменить он уже ничего не в силах, за него работает притяжение планеты... его корпус еще больше наклоняется... рот искривляется ужасом еще сильнее... нелепый взмах конечностей...

...Сколько усилий! Ах, сколько усилий, сколько мучительных потерь и приобретений, какой длиннейший путь к созданию более или менее благополучной цивилизации, какая огромная, богатая, многострадальная история, сколько схваток, бурь, социальных революций, войн, философских тупиков и наскоков, — и все в ноль, в ничто, по мановению случая, нелепенького, дрянненького случая... корпус оператора все ближе к Кнопке... неужели этот кретин не мог сообразить, до чего опасно быть так близко от Кнопки... а я-то думал, а антизодовцы... тысячи поколений сменяли друг друга, накапливали опыт, преодолевали свою ограниченность и глупость, упрямо боролись со стихией случайностей и недоразумений, сдирали с себя струппя невежества, косности, бередили раны духовные, только бы острее чувствовать жизнь и скорее продаться к конечным истинам... вот сейчас коснется, вот сейчас — все. Планета разлетится, мы смешаемся с триллионами кубометров почвы...

компромисс
брызжейка компресс Фашка!
а Брид-то умер сегодня, мне Примечание сказал, не дожид
до счастья, подумал я, а, оказывается, он не дожид до вот
этого чему и названия нет брызжейка
дедушка! помнишь майки «Надоело!»
Прощай, Фашка жалко жалко как
сейчас коснется ну же скорей!

Бешеным, судорожным усилием оператор извернулся —
его тело упало, лишь чуть задев возвышение, но не коснув-
шись Ее. Камера отлетела далеко с силой, едва не убив Ба-
чи.

Несколько антизодовцев подскочили к оператору, чтобы
поднять. Он, подлец, даже не ушибся. Смотрел виновато —
зуб на зуб не попадает, лицо восково-серое.

— Воды ему, — приказал я.

Я устало огляделся. Те, кто не бросился к оператору, смо-
трели на меня напряженным, загаженным ужасом взгля-
дом. Да что теперь-то?

Ко мне быстро подошел Пим. Он неотрывно смотрел на
мою голову. Странно. Он обнял меня.

— Брат, — сказал он, — у тебя голова стала черной, слов-
но у агломеруна — как обугленная.

Я подошел к возвышению и рванул на себя проводки, ве-
дущие к Кнопке. Оранжевые, синие, зеленые. Все облегчен-
но вскрикнули. Координатор больше не мог погибнуть. Пос-
ледняя линия Защиты пала.

Я ошеломленно, молча держал в руках проводки. Не
было во мне радости. Кто-то подставил стул. Я сел. По ще-
кам неудержимо катились слезы. Присутствующие стали по-
тихоньку выходить. Остались Фашка и Пим. Брат погладил
меня по плечу и бесшумно вышел. Трансляцию уже, надеюсь,
прервали. Пим хороший, добрый, понятливый. Словом, брат.

— Родная...

Я не знал, как выразить свои мысли.

— Молчи, — сказала Фашка, обхватывая мою черную
голову.

Мысль — это логика. Но в том, что роилось в моей голо-
ве, не было логики, даже абсурдной.

— Родная, я чувствую себя голым, — сказал я.

Я все еще путался в словах. Мысль заикалась — выска-
зывать ее было трудно, особенно Фашке, особенно ей.

— Фашка, — заспешил я, чтобы не спрятать пугающую
меня мысль навсегда в тайниках памяти, — мы, мы БЕЗЗА-
ЩИТНЫ!..

— Да, Защита От Дурака пала окончательно и навсег-
да, — спокойно сказала Фашка.

— Фашка, вдумайся же — мы — беззащитны!

— О, галактика! На тебе лица нет!

— Вдумайся! Я понял это только теперь, после инциден-
та с Кнопкой. Вот тебе и порождение воображения! Если
химера, то кто нажал бы Кнопку, если бы оператор упал
на нее? Кто? А? То-то! Не оператор, а все мы, которые создали
эту Кнопку. Не было бы Кнопки... Значит, Дурак — есть! Ес-
ли Кнопка есть — значит, есть и Дурак, который ее изоб-
рел, смонтировал и подключил к нашему страху!

Фашка долго молча смотрела мне в глаза. Усилие мысли
явно обозначалось в ее искаженных чертах. Вдруг она сло-
вно содрогнулась.

— Бажан! — в ужасе выговорила она. — Мы... мы безза-
щитны!.. Что мы натворили!

Спазм сжал мне горло. Надо быть достойным своего ин-
теллекта. Достойным своих выводов, своего мышления. Это
животный страх: выпасть из уютного гнезда, вылезть из
благополучной норки, выпасть из люльки — это жутко, но
это первый шаг к полету, к бегу, к самостоятельному мыш-
лению.

— Фашка, как это прекрасно, что мы беззащитны!

И она искренне отозвалась эхом:

— Как прекрасно, что мы беззащитны.

И радость, та непередаваемая радость, крепко настоян-
ная на робости и ужасе, охватила нас.

— Ты иди, милая. Я сейчас приду, — сказал я. — Мне на-
до немного побыть одному.

Вот и все. Дело сделано, все позади.

Я счастлив. В сущности, я самый счастливый агломерат
на планете. Я плачу от счастья.

Через две ступени я перестану быть. Ну и что? Жаль, ко-
нечно. Будь я предусмотрительней, прожил бы вдвое боль-
ше. Но мне не горько, что я проживу меньше других, — я
пережил вдвое больше любого. Обидно, что не увижу резу-
льтатов своего труда — новой жизни. Но во мне нет иной
печали, кроме как о бедах, что могут подкарауливать род
агломератов.

Я агломерат, я стал таким, каким должен быть агло-
мерат. Это оказалось невероятно сложно. Зато куда про-
ще, чем казалось сначала. Животное, от которого произо-
шел агломерат в глубокой древности, сумело стать глупцом.
Почему же глупец не может стать нормальным агломе-

ратом, таким, каким агломерата задумала природа? Дурак непременно рано или поздно превратится в умное, пронзительное, культурное, исторически мыслящее, неэгоистичное, доброе существо.

Да, я умен, образован, добр, справедлив. Я пришел к этому не сразу, я подвержен рецидивам глупости, невежества, злобы и несправедливости. И все же я побыл настоящим агломератом. Мне нестрашно после этого перестать быть. Поэтому лучше не будем об этом.

Как мне хочется, чтобы агломерат был умен. Не один какой-нибудь, не сотня, а поголовно. Мы летаем в другие галактики, контактируем с иными цивилизациями, наши технические и технологические достижения превысили границы воображения — бедные земляне даже не заметили большей части наших изобретений, они оказались выше их понимания, половиной изобретений мы уже просто не пользуемся — единственно от пресыщения. Так что же нам мешает поумнеть? Не в смысле изощренности науки: тут у нас достижения неоспоримые. Я говорю об уме политическом, экономическом, бытовом. Так что же нам мешает? Для чего думать только о сегодняшнем, о похлебке, переросшей в роскошный обед?

Нельзя доверять будущее, как это было извечно, воле случая и стечению обстоятельств.

Как кто-то из великих сказал: завтра мы можем стать умнее нас сегодняшних.

И еще: заблуждения не опасны, когда дозволено их критиковать.

Нам предстоит Духовная Революция — событие размытое на бесконечно долгое время. Более точное определение его — духовная эволюция. Она ставит конечной целью своей создание общества интеллигенции. Причем не за счет усекновения всего прочего, а лишь привитием всем единой одухотворенности труда. Интеллигентность — это геническое усвоение высших достижений гуманитарных и естественных наук, переосмысление исторического опыта общества. Интеллигентность — это высокая нравственность, вошедшая в плоть и кровь. Мы должны создать умственную элиту, которую будет составлять все общество. Рабами станут машины. Созданное таким образом общество будет однородным. Лучшие его представители должны быть еще лучше остальных.

Запомните, молю, запомните:

Вакцины от глупости не было и быть не может.

Каждый из нас способен совершить глупость. Чаще, чаще, чаще останавливайтесь и спрашивайте себя: а не глупость ли

я сотворил, а не глупость ли я сказал? Только Он уверен в себе — в своих делах и словах.

Чаще, чаще, чаще вслушивайтесь, вглядывайтесь в привычные, навязшие в ушах, глазах слова, дела, убеждения, догмы: а не глупость ли и то, и другое, и третье, и четвертое? Только Он, не ведая сомнений, некритично принимает чужие слова, дела, убеждения, догмы.

Чаще, чаще, чаще — всегда! — отстаивайте свое достоинство: позволить унижить себя в обществе, которое утверждает, что оно защищает ваше достоинство, — высшая глупость. Только Он легко поступает своим достоинством; только Он проглотит оскорбление и даже не поймет его; только Он свое спокойствие поставит выше чести своей.

Помните семь условий возможности победы разума:

1.

Вы ни глупы, ни умны. Вы продукт своего времени. Чем умнее вы, тем умнее эпоха. Чем умнее эпоха, тем умнее вы.

2.

Прежде поступка — «зачем?» и «к чему приведет?»

3.

Если «зачем?» смутно, поступок не рождается.

4.

Если «к чему приведет?» смутно, поступок не рождается.

5.

Соккрытие ошибки страшнее наказания за нее.

6.

Невнимание к чужой ошибке — ошибка.

7.

Кто не выполняет вышеперечисленных условий, тот — обкрадывает себя. Он сам в себе несет наказание.

Я ласково смотрю на разноцветные проводки. Милые, милые разноцветные жилки — беспомощно и безобидно склонились вы, будто ветви плакучей ивы над рекой времени.

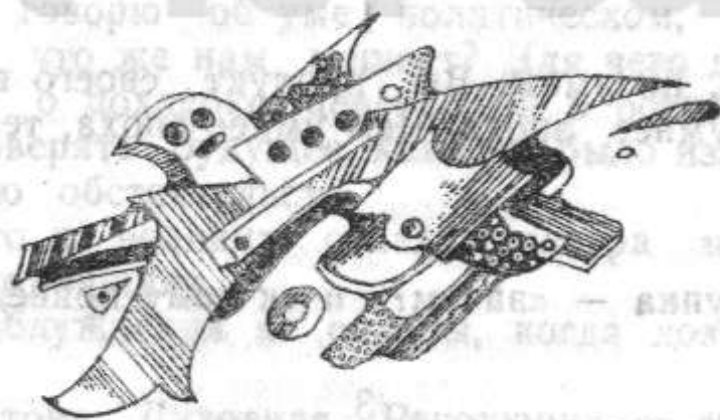
Вот и все. Дело сделано.

Нет, я не устал. Я смогу еще много сделать. Пусть мне жить ступени две — надо успеть. Поумнеть бы. Буду учиться, буду думать, не буду принимать на веру.

Поумнеть. Задача дня.

Будущее есть. Оно создано нами.

Москва, 1983 г.

Дружеское отношение к людям

Дружеское отношение к людям
САМЫЕ ОТ ДУРАКА

1983-84

Вот и все. Дело сделано. Нет, я не устал. Я смогу еще много сделать. Пусть мне жить ступени две — надо успеть. Поумнеть бы. Буду учиться, буду думать, не буду принимать на веру. Поумнеть. Задача дня. Будущее есть. Оно создано нами.